

Учредитель

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Издатель

Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА**Главный редактор**

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заместитель главного редактора

доктор философских наук, профессор
Александр Степанович Чупров
(Благовещенск, Россия)

Заведующий рубрикой философии

доктор философских наук, профессор
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой политологии

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заведующая рубрикой социологии

доктор философских наук, профессор
Елена Викторовна Грунт
(Екатеринбург, Россия)

Заведующий рубрикой государства и права

кандидат юридических наук, доцент
Алексей Валерьевич Ильиных
(Челябинск, Россия)

**Заведующая рубрикой экономики
и управления**

кандидат экономических наук, доцент
Сергей Александрович Головихин
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой культуры

доктор исторических наук, профессор
Сергей Сергеевич Загребин
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой истории

доктор исторических наук, профессор
Дмитрий Владимирович Тимофеев
(Челябинск, Россия)

Ответственный за международные контакты

доктор философских наук, профессор
Александр Валентинович Павлов
(Тюмень, Россия)

Ответственный секретарь

кандидат философских наук
Александра Александровна Бобрик
(Челябинск, Россия)

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Подписано в печать 11.04.2014 г.

Формат 70×108^{1/16}

Усл. п. л. 8,75. Тираж 500 экз.

Заказ № 1157.

Издание подготовлено к печати
и отпечатано

в ОАО «Челябинский Дом печати»,
454080, г. Челябинск,
Свердловский пр., 60.

СОДЕРЖАНИЕ**СОЦИУМ****О.Э. Иванова**

Трансформация коммуникации как
«anything goes» 7

А.Г. Антипов, В.С. Волегов

Профессиональная структура рынка
труда г. Перми (по материалам
лонгитюдного исследования) 12

Н.Н. Старцева

Механизмы формирования новой
профессиональной группы ивент-
менеджеров в современной
России 19

М.Н. Кожевникова

Протестность и солидарность в
образовании 24

О.И. Антонова, В.С. Вольф

Толерантность
в межконфессиональных
отношениях в Свердловской области 30

ВЛАСТЬ**В.П. Ляхов**

Политическая модернизация в России:
теоретический дискурс 36

А.А. Хмелинин, О.Ф. Русакова

Проблема критического анализа
неолиберализма в современной
политической философии 41

С.Г. Зырянов

Выборы глав муниципальных
образований: проекты реформаторов
и общественные ожидания 49

РЕДАКЦИОННО-ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ

Философия

- С.В. Борисов* – доктор философских наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Ю.Г. Ершов* – доктор философских наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Виктория Лезьер* – доктор философских наук,
профессор
(г. Форкалькейре, Франция)
- А.В. Павлов* – доктор философских наук, профессор
(г. Тюмень, Россия)
- В.Д. Попов* – доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- А.С. Чупров* – доктор философских наук, профессор
(г. Благовещенск, Россия)

Политология

- С.Г. Зырянов* – доктор политических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- А.В. Понделков* – доктор политических наук,
профессор
(г. Ростов-на-Дону, Россия)
- О.Ф. Русакова* – доктор политических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Грегори Саймонс* – доктор философии, профессор
(г. Упсала, Швеция)
- А.Ю. Сунгуров* – д. полит.н., профессор
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Социология

- Е.В. Грунт* – доктор философских наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Н.Б. Костина* – доктор социологических наук,
профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Сабина Лисица* – доктор, профессор,
(г. Ариэль, Израиль)

Юриспруденция

- В.Г. Графский* – доктор юридических наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- А.В. Ковбан* – кандидат юридических наук, доцент
(г. Одесса, Украина)
- С.В. Кодан* – доктор юридических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- А.Б. Сергеев* – доктор юридических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Экономика

- О.В. Артемова* – доктор экономических наук,
профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Л.М. Байтенова* – доктор экономических наук
(г. Алматы, Казахстан)
- Л.М. Муталиева* – кандидат экономических наук
(г. Астана, Казахстан)
- Е.А. Неживенко* – доктор экономических наук,
профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Т.Ю. Савченко* – кандидат экономических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

Культурология

- С.С. Загребин* – доктор исторических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- А.Н. Лукин* – кандидат культурологии, доцент
(г. Челябинск, Россия)

История

- С.В. Нечаева* – кандидат исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)
- С.С. Смирнов* – доктор исторических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Д.В. Тимофеев* – доктор исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

Е.В. Алдошенко

Электронное правительство как этап становления электронной демократии 57

М.А. Трусов

Об особенностях использования теоретических концепций этноса и нации в российской национальной политике 62

С.В. Белай

Регулирование кризисных явлений социально-экономического характера: разработка координационного механизма взаимодействия органов государственной власти с общественностью 68

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

М.С. Сагандыков

Некоторые проблемы разграничения предметов ведения между Российской Федерацией и ее субъектами 76

А.Н. Мартынов

Особенности использования правовых категорий при разработке методики расследования мошенничества в сфере кредитования 81

В.Б. Шаронова

Язык права в русском и немецком лингвосоциумах 87

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

А.Л. Слепышев

Государственное управление в современной России: теория и практика 91

В.А. Белкин

Космические циклы мировой конъюнктуры 97

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ

Научный журнал «СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала, различным аспектам состояния социума и его взаимоотношениям с властью.

В соответствии с решением президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал «Социум и власть» включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**,

в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по направлениям: философия, политология, социология, юриспруденция, экономика, культурология, история.

Рукописи рецензируются.

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 140.

Ваши материалы направляйте в редакцию по адресу:

454071, г. Челябинск, а/я 6511

Телефон редакции:

(351) 771-42-30

E-mail: siv@chel.ranepa.ru

Адрес в Интернете

<http://siv74.ru>

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов опубликованных материалов.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал выходит 6 раз в год, распространяется по подписке в отделениях почтовой связи.

Цена свободная

**Подписной индекс
по Российской Федерации
46536**

Н.А. Шпак, О.В. Артемова

Управление устойчивым развитием промышленного предприятия на основе сбалансированной системы показателей и принципов бюджетирования 106

КУЛЬТУРА

И.С. Михайлов

Рациональность в цивилизационной динамике 109

ИСТОРИЯ

Г.С. Смирнов

Программно-целевой метод как организационная основа интеграции инвалидов в общество в 1992 – первой половине 2000-х годов (на примере федеральных и региональных программ) 115

ДИСКУССИИ И ПОЛЕМИКА

А.В. Павлов

Идеалистический материализм 120

ПЕРСОНА

Т.Г. Лешкевич

От космизма к элитам 129

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

С.Г. Зырянов, А.В. Понеделков, С.А. Воронцов

Проблемы модернизации современных российских элит 133

Founded by
The Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration

Published by
Chelyabinsk branch of
the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyryanov
(Chelyabinsk, Russia)

Deputy Chief Editor

Doctor of Philosophy, Professor
A.S. Chuprov
(Blagoveshchensk, Russia)

Head of Philosophy Dept

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
(Chelyabinsk, Russia)

Head of Political Science Dept

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyryanov
(Chelyabinsk, Russia)

Head of Sociology Dept

Ph.D., Professor
E.V. Grunt
(Yekaterinburg, Russia)

Head of Law and State Dept

Candidate of Legal Sciences
A.V. Ylyinykh
(Chelyabinsk, Russia)

Economics and management

Cand. Sc. (Economics), Assistant Professor
S.A. Golovihin
(Chelyabinsk, Russia)

Head of Cultural Studies Dept

Dr. Sc. (History), Professor
S.S. Zagrebin
(Chelyabinsk, Russia)

Head of History Dept

Dr. Sc. (History), Assistant Professor
D.V. Timofeev
(Chelyabinsk, Russia)

International Relations

Ph.D., Professor
A.V. Pavlov
(Tyumen, Russia)

Executive editor

Cand. Science (Philosophy)
A.A. Bobrik
(Chelyabinsk, Russia)

Certificate of Registration

PI № FS 77-48298 of 24.01.2012
Issued by Russian Surveillance Service for
Mass Media and Communications.

Passed for printing on 11.04.2014.

Format 70x108¹/₁₆

Reference sheet area 8,75. Issues – 500.
Order № 1157.

This edition has been designed and printed at
454080, Chelyabinsk,
Sverdlovskiy prospekt, 60.

CONTENT

SOCIUM

O.E. Ivanova

Transformation of communication as
«anything goes» 7

A.G. Antipyev, V.S. Volegov

Occupational structure of the labor
market in Perm (based on the
longitudinal study) 12

N.N. Startseva

Mechanisms of forming a new
professional group of event-managers
in modern Russia 19

M.N. Kozhevnikova

Remonstrativity and solidarity
in education 24

O.I. Antonova, V.S. Volf

Tolerance in inter-confessional relations
in Sverdlovsk region 30

POWER

V.P. Lyakhov

Political Modernization in Russia:
a theoretical discourse 36

A.A. Khmelinin, O.F. Rusakova

Problem of critical analysis of
neoliberalism in modern political
philosophy 41

S.G. Zyrianov

Elections of the chiefs of municipal
units: projects of reformists
and public expectations 49

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

- S.V. Borisov* – Ph.D., professor
(Chelyabinsk, Russia)
- Yu.G. Ershov* – Ph.D., professor
(Yekaterinburg, Russia)
- Victorya Lezyer* – Ph.D., professor
(Folkarkeyre, France)
- A.V. Pavlov* – Ph.D., Professor
(Tyumen, Russia)
- V.D. Popov* – Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
- A.S. Chuprov* – Ph.D., Professor
(Blagoveshchensk, Russia)

Political Science

- S.G. Zyrianov* – Dr. Sc. (Political Science), Professor
(Chelyabinsk, Russia)
- A.V. Ponedelkov* – Dr. Sc. (Political Science), Professor
(Rostov-on-Don, Russia)
- O.F. Rusakova* – Dr. Sc. (Political Science), Professor
(Yekaterinburg, Russia)
- Gregory Simons* – Ph.D., professor
(Upsala, Sweden)
- A.Yu. Sungurov* – Ph.D. in Political Science, Professor
(St.Peterburg, Russia)

Sociology

- E.V. Grunt* – Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
- N.B. Kostina* – Dr.Sc. (Sociology), Professor
(Yekaterinburg, Russia)
- Sabina Lisitza*, doctor, professor
(Areal, Israel)

Law

- V.G. Grafskiy* – LLD, Professor
(Moscow, Russia)
- A.V. Kovban* – Candidate of Legal Sciences
(Odessa, Ukraine)
- S.V. Kodan* – LLD, Professor
(Yekaterinburg, Russia)
- A.B. Sergeev* – LLD, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Economics and Administration

- O.V. Artyomova* – Dr. Sc. (Economics), Professor
(Chelyabinsk, Russia)
- L.M. Bajtenova* – Dr. Sc. (Economics)
(Almaty, Kazakhstan)
- L.M. Mutaliev* – Cand. Sc. (Economics)
(Astana, Kazakhstan)
- E.A. Nezhivenko* – Dr. Sc. (Economics), Professor
(Chelyabinsk, Russia)
- T.Yu. Savchenko* – Cand. Sc. (Economics), Assistant
Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Cultural Studies

- S.S. Zagrebin* – Dr. Sc. (History), Professor
(Chelyabinsk, Russia)
- A.N. Lukin* – Cand. Sc. (Cultural Studies), Assistant
Professor
(Chelyabinsk, Russia)
- History
- S.V. Nechaeva* – Cand. Sc. (History), Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)
- S.S. Smirnov* – Dr. Sc. (History), Professor
(Chelyabinsk, Russia)
- D.V. Timofeev* – Dr. Sc. (History), Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

E.V. Aldoshenko

Online government as a stage of
establishing electronic democracy 57

M.A. Trusov

On the peculiarities of using theoretical
conceptions of ethnos and nation
in Russian national policy 62

S.V. Belay

Development of a coordinative
mechanism of interaction between
state authorities and public while
regulating the crisis phenomena
(situations) of social and economic
character 68

STATE AND LAW

M.S. Sagandykov

Some problems of jurisdiction
separation between the Russian
Federation and its constituent
entities 76

A.N. Martynov

Peculiarities of using legal categories
when developing the methodology of
investigating fraud in the sphere of
financing 81

V.B. Sharonova

Legal language in Russian and German I
linguistic societies 87

ECONOMICS AND MANAGEMENT

A.L. Slepyshev

Public administration in modern
Russia: theory and practice 91

V.A. Belkin

Cosmic cycles of global
conjuncture 97

**INFORMATION
FOR READERS AND AUTHORS**

**Scientific journal
«SOCIUM AND POWER»**

is for experts in public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law, economics, management, as well as for teachers, graduate students and undergraduates.

Article topics

must conform to the journal's profile and be relevant to various (political, social, economic, legal etc) aspects of the society and its relations with public and municipal authorities.

According to the decision of the Presidium of the Higher Attestation committee (VAK) of the Russian Ministry of Education and Science, the «SOCIUM AND POWER» journal is included in the

**list of leading
reviewed scientific journals
and publications,**

where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following fields of science:
philosophy, political science, sociology, law, economics, cultural studies, history.

The articles are peer-reviewed

The requirements for scientific articles to be published in the «SOCIUM AND POWER» scientific journal are located at page 140

Please send your articles to the editor's office at:
454071, Chelyabinsk, PO 6511
Editor's office phone number:
(351) 771-42-30
E-mail: siv@chel.ranepa.ru

Website:
<http://siv74.ru>

Disclaimer:
Only the authors of published articles may be held liable for authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information as well as for respecting the intellectual property legislation.

Copyright reserved

The journal is published quarterly and distributed by subscription at the post offices.

Free price
**Subscription index
in Russia
46536**

N.A. Shpak, O.V. Artyomova

Management of an industrial enterprise sustainable development on the basis of the balanced scorecard and the principles of budgeting 106

CULTURE

I.S. Mikhailov

Rationality in civilization dynamics 109

HISTORY

G.S. Smirnov

Programmed-objective method as an organizing basis for integrating disabled people into a society from 1992 to the first half of the 2000 s (as exemplified by federal and regional programs) 115

DISCUSSIONS AND DEBATES

A.V. Pavlov

Idealistic materialism 120

PERSON

T.G. Leshkevich

From Cosmism to Elites 129

SCIENTIFIC LIFE

**S.G. Zyrianov,
A.V. Ponedelkov,
S.A. Vorontsov**

Problems of modernizing modern Russian elites 133

УДК 165+007.51

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОММУНИКАЦИИ КАК «ANYTHING GOES»*

Иванова Ольга Эрнстовна,
Челябинский государственный
педагогический университет,
филиал в г. Миассе,
заведующая кафедрой общегуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
кандидат философских наук, доцент,
г. Миасс, Россия.
E-mail: 74oliva@list.ru

Аннотация

В статье раскрывается суть трансформации коммуникации, изменения, претерпеваемые коммуникацией от линейной до нелинейной и усилением нелинейной до ризоматичной. Обосновывается, что трансформация коммуникации происходит под воздействием сетевой организации пространства, в пределах которого она существует.

Ключевые понятия:

коммуникация,
трансформация,
трансформация коммуникации,
киберпространство,
Сеть.

Коммуникация, изначально представленная линейным процессом передачи сообщения, сегодня преодолевает собственные пределы. «Трансформация» как состояние «между» парадоксально фиксирует преемственность производных элементов и их свойств по отношению к первоначальным. Будучи «вписанной» в сетевую организацию пространства и отражая его «мир», современная коммуникация как никогда подвержена изменчивости. С одной стороны, присваиваемая ей открытость и децентричность сети расширяют возможности коммуникации, с другой – делают ее неустойчивой, с риском для постоянного обрыва. По сути, трансформационные коммуникационные процессы реализуют принцип «anything goes».

Термин «трансформация» (от позднелатинского «transformatio» – «превращение») употребляется в различных областях знания: в генетике, психологии, лингвистике, экономике, юриспруденции и т.д. Независимо от области исследования, «трансформация» – это определенный способ преодоления существенными свойствами собственных пределов, при котором появляются производные свойства, изменяется вид или форма, не сводящиеся к сумме первоначальных элементов, от которых они могут быть образованы.

Коммуникация (от лат. «communicatio» – «сообщение», «передача» и от «communicare» – «делать общим», «беседовать», «связывать», «сообщать», «передавать») в традиционном представлении – смысловой и идеально-содержательный аспект социального взаимодействия. Последовательное изменение состояний коммуникации, приводящее к ее качественному изменению, целесообразно при обращении к процессным моделям, отражающим общие моменты пути сообщения. Направленность коммуникационного процесса позволяет классифицировать модели на линейные и нелинейные.

Первые линейные представления о коммуникации как процессе пришли из античности. В «Риторике» Аристотель представил универсальную модель, выраженную схемой: оратор – речь – слушатель. «Речь слагается из трех элементов: из самого оратора, из предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается; оно-то и есть конечная цель всего (я разумею слушателя)» [1, с. 99].

Вплоть до середины XX века аристотелевское представление о коммуникации как

*Статья подготовлена в рамках задания № 2014/396 Министерства образования и науки Российской Федерации на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности.

однаправленном процессе не вызывало сомнений. Ставшая классической, модель Аристотеля претерпела изменения в конце 40-х годов в связи с развитием технических средств связи и массовых коммуникаций. Линейность коммуникации находит продолжение в позициях Г. Лассуэлла и К. Шеннона – У. Вивера, где конкретизируются структура и механизм коммуникационного процесса.

В модели Г. Лассуэлла (1948 г.) коммуникация разворачивается по мере ответа на последовательные вопросы: кто, что, по какому каналу, кому и с каким эффектом передает сообщение [9, р. 37–51]. Представляя одновременно структуру и модель исследования коммуникационного процесса, в схеме Лассуэлла разворачивается однаправленная коммуникация.

Математическая модель связи К. Шеннона – У. Вивера (1948 г.) рассматривает коммуникацию в технических системах как передачу и восприятие информации с учетом возможных препятствий. Данная модель коммуникации насчитывает пять линейно положенных структурных элементов: источник информации, передатчик (кодирующее устройство), канал передачи, приемник (декодированное устройство) и адресат (лицо или аппарат, которому предназначено сообщение). При передаче информация получает статус сообщения. Источник, передавая информацию, кодирует ее, получатель – декодирует. Информация передается по каналу, обладающему определенной пропускной способностью. При попытке пропустить через него большее количество информации, или попытке пропустить информацию с большей скоростью, неизбежно возникновение «шума» – случайной переменной, воздействующей на передаваемый сигнал, в результате чего принимаемый сигнал отличается от передаваемого. Происходит искажение сообщения, уменьшить вероятность которого возможно посредством избыточности – «путем многократного повторения сообщения и путем статистического изучения различных принятых вариантов сообщения» [7, с. 280]. В данной модели центральной являлась проблема передачи информации: главным становилось не то, что сказано, а то, что могло быть высказано. Информация не связана со смыслом сигнала, подлежащего передаче. В описании У. Вивера, именно «информация является степенью вашей свободы выбора, когда вы выбираете сообщение» [11, р. 17–18].

Существенным вкладом в развитие представлений о нелинейности коммуни-

кации стало введение «обратной связи» («диалогизированной», «интерактивной»). Н. Винер (1948 г.), совместно с Дж. Бигелу, приходят к заключению о важности обратной связи в сознательной жизни людей. «Обратная связь» действует в системах различной природы. «Когда мы хотим, чтобы некоторое устройство выполняло заданное движение, разница между заданным и фактическим движением используется как новый входной сигнал, заставляющий регулируемую часть устройства двигаться так, чтобы фактическое движение устройства все более приближалось к заданному» [4, с. 50]. Предоставляя информацию о состоянии системы и модернизации на ее основе управляющих сигналов, обратная связь позволяет этой системе работать эффективно.

С. Бир применяет достижения кибернетики к управлению. Обратная связь, независимо от того, является ли она положительной или отрицательной, не теряет своей ценности. «Положительная обратная связь вызывает увеличение уровня сигнала на выходе и, следовательно, на входе; отрицательная обратная связь при увеличении сигнала на выходе вызывает уменьшение сигнала на входе, и таким образом в принципе является стабилизирующей» [3, с. 407–408].

Обратную связь учитывает и циклическая модель Осгуда – Шрамма [10]. У. Шрамм указывает на недостаточность линейного процесса. Коммуникация для него – двусторонний процесс в условиях циркуляции сообщения между источником и получателем, где главным становится вопрос интерпретации сообщения.

В сетевом обществе возникает т.н. коммуникация «между», реализующая элементы традиционной коммуникации, но – претерпевающие изменения. Однако эта трансформируемость имеет место только относительно традиционного (досетевого) процесса взаимодействия и его основных элементов.

К общим условиям, определяющим трансформацию коммуникации, относится специфика пространства, в котором осуществляется процесс. У. Гибсон обозначил его киберпространством – состоящим и воспринимаемым из взаимодействий и постоянно развивающимся. Это – воображаемая реальность, в которой преодолеваются физические пространственные ограничения. Для киберпространства характерна сетевая структура его организации, которой свойственны спонтанная самоорганизация дискурсивной среды,

полимагистральность и полицентричность, покрытие максимально возможного пространства с равноудаленным доступом от одной точки к другой, безграничность в пределах Сети. Мир киберпространства существует одновременно везде и нигде, он не связан с местонахождением тела.

Рассмотрим основные элементы коммуникации и изменения, происходящие с ними в сетевом обществе.

1) Понятие адресанта трансформируется: адресант-человек превращается в адресант-машину, источник и передатчик сообщения сливаются. Источник сообщения (адресант) в сетевой коммуникации «привязан» к компьютеру: каждая машина имеет уникальный адрес (IP-адрес), идентифицирующий компьютер даже при единовременном включении в интернет-коммуникацию. Компьютеры, подключенные к интернету, имеют разные адреса, с одного и того же адреса могут исходить сообщения разных источников.

Центр поддержки Windows проверяет компоненты компьютера, связанные с обслуживанием и обеспечением безопасности. Сообщения о проблемах передаются компании «Майкрософт». При активизации опции «включение сообщений», Центр поддержки будет регулярно проверять выбранные элементы на наличие проблем и самостоятельно отправлять сообщения при их обнаружении. Так, при изменении состояния проверяемого компонента в случае истечения срока действия антивирусной программы, Центр поддержки отправляет уведомление пользователю с рекомендацией предпринять соответствующие действия. Программа собирает информацию об оборудовании компьютера и использовании Windows, не мешая работе пользователя. Она периодически загружает файл, собирающий сведения о возможных проблемах при работе с Windows. Кроме того, компьютер может самостоятельно отправлять сообщения (письма) без ведома адресанта в случае, если он заражен вирусом.

При этом изменяется и сам источник сообщения: им может быть любой субъект, существующий как реально, так и виртуально. У одного реально существующего источника может быть множество виртуальных «клонов», скрытых за аватарами, никами или «невидимками». Указанное порождает сложности определения истинного субъекта и интерпретации отправляемого им сообщения.

2) Сообщение стало аудиовизуальным. Однако полиформатность не решает проблему достоверности сообщения за счет возможной потери смысла в информаци-

онном потоке. Существующий массив цифровых данных с точки зрения репрезентации формата можно классифицировать по трем основаниям: структурированные (базы данных), полуструктурированные (метаданные) и неструктурированные (необработанная информация как отклик поисковой системы на запрос в форме текста, таблиц, графиков и пр.) данные. Учитывая, что на долю неструктурированных данных приходится 95% цифровой среды [5, с. 115], онтологические особенности структурирования интернет-данных – с долей в 5% структурированных и метаданных – указывают на вероятность потери смыслов.

Определенной формой «переворачивания» содержания сообщения является фейк, производимый и размещаемый в сетевой коммуникации. Фейк (от англ. «fake» – «подделка, фальшивка») существует в форме ложных аккаунтов авторитетных людей в интернет-пространстве (в социальных сетях, на сайтах знакомств, форумах, блогах и т.д.), фальшивых сообщений от несуществующих пользователей с «отзывами» (призывающих, например, отправить SMS, скачать вредоносную программу) или проявляется ложной сущностью (ложным файлом вместо запрашиваемого). В принципе, и сам Интернет можно рассматривать как фейк, что проявляется в разнотечности данных в зависимости от домена, языка поиска и контекста, набора ключевых слов и фраз. Тематика производимых фейков является когерентной возможному запросу определенного сегмента сетевой коммуникации – блогосферы. Российское информационное агентство сатиры и юмора «Fognews» (<http://fognews.ru/>), реализующая принцип «nova res a nobis confictae» (от лат. – «новости, придуманные нами»), производит фейки, сложно различаемые с самой реальностью. Открыто фейк-сообщество (<http://eto-fake.livejournal.com>), организована площадка для публикации материалов для конкурса «Научный квест. Британские ученые доказали» Школьной Лиги РОСНАНО (<http://science.schoolnano.ru/>). Популярным интернет-каналом вымышленных новостей является НОВОСТИ, самоопределение которого гласит: «Наши публикации не имеют ничего общего с реальностью. Во всяком случае, с нашей реальностью» (<http://hobosti.ru>).

Фейк настолько сливается с реальностью, что не распознается, и это соответствует специфике самого киберпространства, в котором он существует.

3) Канал как среда для передачи сообщения от источника к получателю уступает место поликанальности (например, проводной и беспроводной доступ в Интернет существуют одновременно).

4) Претерпевает изменения «шум» и его устранение. Как и в модели Шеннона, шум представляет случайную переменную, действующую на передаваемый сигнал, в результате которого получается искаженный принимаемый сигнал (сообщение). Но в отличие от линейной, «шум» сетевой коммуникации обусловлен «коммуникационным переизбытком» (А.В. Назарчук) как состоянием активного бытия, возникающим в результате противоречия между увеличением объема информации и несоизмеримостью возможностей ее восприятия и обработки человеком в связи с определенными психологическими (внимание, память) и временными ресурсами. Следовательно, это заставляет отказаться от шенноновской «избыточности» как средства уменьшения ошибок и приближения к достоверности сообщения по двум основаниям. Во-первых, в силу т.н. «нейтральной избыточности» – постоянного увеличения объемов создаваемой (прежде всего цифровой) информации. Исследования компании IDC (International Data Corporation) показали: каждые два года информация в мире удваивается, составляя в 2011 году 1,8 зеттабайта, и к 2020 году объем производимой информации увеличится в 50 раз [8]. Кроме того, в сетевой коммуникации имеет место и т.н. «отрицательная избыточность», представленная спамом. Свидетельством значимости проблемы являются результаты эксперимента, проведенного в 2008 году компанией McAfee, крупным производителем антивирусного и антиспамового программного обеспечения. В течение месяца пользователи работали с электронными почтовыми ящиками без почтовых фильтров. В результате в среднем на одного интернет-пользователя пришлось по 70 рекламных сообщений в сутки, абсолютный рекорд составил более 5 тысяч электронных писем [6]. Однако отказ от «избыточности» не ликвидирует в полной мере проблему снижения «шума». В условиях, когда информация не является редкостью, в преодолении «шума» можно прибегнуть к редукции сообщения до смысла как его субстрата, поскольку в сетевом обществе человек «нуждается не столько в информации, сколько в ее смысловом и контекстном наполнении» [2, с. 90].

5) Адресат, как и адресант, виртуализируется. Кроме того, сообщение может

быть адресовано как конкретному получателю, так и виртуальному сообществу. В частности, сообщение можно прочитать в электронном письме, на «стене» «ВКонтакте» и т.д., по ключевым словам, включив функцию «поиск» в браузере. Отсутствует возможность определить круг адресатов, например, как в опции «статус» в «Одноклассниках», «гостях» «ВКонтакте», или в on-line мероприятиях. Таким образом, на смену адресата приходит метаадресат, множественный, не известный источнику.

Зафиксируем изменение состояний коммуникации, преодолевающей линейную однонаправленность. С введением обратной связи коммуникация входит в новое качество, механическая передача информации уступает место ее осмысленности при интерпретации сообщения в цепи «источник – получатель». Под воздействием внешней среды – организации пространства в коммуникации проявляются производные свойства, хотя и сохраняется «набор» основных ее структурных элементов. При трансформации коммуникационных процессов в киберпространстве нелинейность коммуникации с обратной связью усиливается, происходит ее превращение в ризоматическую. Такое представление базируется на принципиальных характеристиках понятия «ризома», введенном в философский оборот из ботаники Ж. Делезом и Ф. Гваттари. В коммуникационном процессе фиксируется сцепление виртуального и реального, множественность (адресанта и адресата, сообщений и каналов), предполагается непредсказуемость пути сообщения, направление которого достоверно определить сложно (по причине стохастичности коммуникации), реализуется принцип неопределяющего разрыва, указывающий на негарантированность коммуникации и риск ее обрыва, проявляется картографичность как подверженность изменениям, достраиванию в киберпространстве.

1. Аристотель. Поэтика. Риторика: пер. с греч. [Текст] / Аристотель. СПб.: Азбука, 2000. 348 с.

2. Бард, А. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма [Текст] / А. Бард, Я. Зодерквист / пер. с шведского языка. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. 252 с.

3. Бир, С. Мозг фирмы [Текст] / С. Бир / пер. с английского проф. М.М. Лопухина. М.: Радио и связь, 1993. 415 с.

4. Винер, Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине [Текст] / Н. Винер. 2-е издание. М.: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. 344 с.

5. Журавлева, Е.Ю. Эпистемический статус цифровых данных в современных научных исследованиях [Текст] / Е.Ю. Журавлева // Вопросы философии. 2012. № 2. С. 113–123.

6. На одного интернет-пользователя приходится по 70 спамовых сообщений в сутки [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cybersecurity.ru/crypto/50729.html> (дата обращения: 15.02.2014).

7. Шеннон, К. Математическая теория связи [Текст] / К. Шеннон / Работы по теории информации и кибернетике. М.: Издательство иностранной литературы, 1963. С. 243–663.

8. Digital Universe [Электронный ресурс]. URL: <http://www.emc.com/leadership/programs/digital-universe.htm> (дата обращения: 10.09.2012).

9. Lasswell, H.D. The structure and function of communication in society [Text] / H.D. Lasswell // The Communication of Ideas; in L. Bryson (ed.). N.Y.: Harper and Brothers, 1948. P. 37–51.

10. Osgood, Ch.E. The measurement of meaning [Text] / Ch.E. Osgood, G.J. Suci, P.H. Tannenbaum. Urbana, ILL: University of Illinois Press, 1957. 264 p.

11. Weaver, W. The mathematics of communications [Text] / W. Weaver // Communication and culture. New York etc., 1966. P. 17–18.

References

1. Aristotle'. *Pojetika. Ritorika: per. s grech* [Aristotle. Poetics. Rhetoric: translated from Greek]. St.Petersburg, Azbuka, 2000, 348 p. (in Russian).

2. Bard A., Zoderkvist Ja. *Netokratija. Novaja pravjashhaja jelita i zhizn' posle kapitalizma* [The netocracy. New ruling elite and life after capitalism]. St.Petersburg, Stokgol'mskaja shkola jekonomiki v Sankt-Peterburge, 2004, 252 p. (in Russian).

3. Bir S. *Mozg firmy* [Brain of the firm]. Moscow, Radio i svjaz', 1993, 415 p. (in Russian).

4. Viner N. *Kibernetika, ili upravlenie i svjaz' v zhivotnom i mashine* [Cybernetics or Control and Communication in the Animal and the Machine]. Moscow, Nauka; Glavnaja redakcija izdaniy dlja zarubezhnyh stran, 1983, 344 p. (in Russian).

5. Zhuravleva E.Yu. *Voprosy filosofii*, 2012, no. 2, pp. 113–123 (in Russian).

6. *Na odnogo internet-pol'zovatelja prihoditsja po 70 spamovyh soobshhenij v sutki* [One internet user receives 70 junk messages a day], available at: <http://www.cybersecurity.ru/crypto/50729.html> (accessed 15 February 2014) (in Russian).

7. Shannon K. *Matematicheskaja teorija svjazi* [Mathematical theory of communication]. *Raboty po teorii informacii i kibernetike* [Works on theory of information and cybernetics]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1963, pp. 243–663 (in Russian).

8. *Digital Univers*, available at: <http://www.emc.com/leadership/programs/digital-universe.htm> (accessed 10 September 2012) (in English).

9. Lasswell H.D. The structure and function of communication in society. *The Communication of Ideas; in L. Bryson* (ed.). New York, Harper and Brothers, 1948, pp. 37–51 (in English).

10. Osgood Ch.E., Suci G.J., Tannenbaum P.H. The measurement of meaning. Urbana, ILL, University of Illinois Press, 1957, 264 p. (in English).

11. Weaver W. *Communication and culture*. New York etc., 1966, pp. 17–18 (in English).

UDC 165+007.51

TRANSFORMATION OF COMMUNICATION AS «ANYTHING GOES»

Ivanova Olga Ernstovna,

Chelyabinsk State Pedagogical University, Miass Branch, Head of the Department of Humanities and Socio-economic Subjects, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Miass, Russia.
E-mail: 74oliva@list.ru

Annotation

The article reveals the essence of transformation of communication, changes, which communication undergoes from linear to non-linear and non-linear amplification to the rhizome. It proves that transformation of communication is influenced by the network organization of space within which it exists.

Key concepts:

communication, transformation, transformation of communication, cyberspace, network.

УДК 316.344.24

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА РЫНКА ТРУДА г. ПЕРМИ (по материалам лонгитюдного исследования)

Антипов Анатолий Григорьевич,

Пермский государственный
национальный исследовательский
университет, профессор кафедры
социологии и политологии,
доктор социологических наук,
г. Пермь, Россия.
E-mail: agantip@psu.ru

Волегов Владимир Сергеевич,

Пермская государственная академия
искусства и культуры,
аспирант кафедры культурологии,
г. Пермь, Россия.
E-mail: wsvolegov@mail.ru

Аннотация

В статье приводятся результаты лонгитюдного исследования структуры профессионального спроса на рынке труда г. Перми. Наиболее востребованные группы занятости выделяются на основании анализа двух групп источников: статистики обращений в Центр занятости населения и контент-анализа региональных печатных СМИ.

Ключевые понятия:

профессии,
социально-профессиональная
структура,
спрос на профессии,
группы занятости.

Производственная сфера общественных отношений характеризуется постоянным внутренним динамизмом: исчезают старые экономические агенты и появляются новые, происходит постоянное воспроизводство и замещение рабочей силы. В этих условиях важным индикатором состояния экономики и общества в целом оказывается структура спроса на профессии, характерная для того или иного локального рынка труда. Рынок труда представляет собой динамическую систему согласования спроса и предложения рабочей силы – это сфера формирования спроса и предложения на рабочую силу [9].

Развитие профессиональной структуры, особенно в индустриальную эпоху, привело к осознанию сложности данного феномена. Профессия представляет собой не только дифференциацию рабочей силы в соответствии с выполняемыми трудовыми функциями: работы Э. Дюркгейма, М. Вебера и многих других классиков социологической мысли показывают социокультурное содержание профессионального разделения труда. Так, в понимании Дюркгейма, профессиональная организация общества оказывается «основным элементом социальной структуры», обеспечивающим регуляцию социального поведения, посредством создания общеобязательных образцов деятельности в группе [5, с. 36]. Взаимосвязь потребности на определенные группы специалистов и уровня общественного развития широко представлена в работах Вебера. В теории постиндустриального общества в качестве одного из основных процессов указывается изменение в общественном положении высококвалифицированных профессиональных групп [2, с. 18]. Специализация трудовой деятельности в современном мире, борьба за признание своих компетенций уникальными и несводимыми к деятельности других профессионалов приводит и к формированию специфических культурных образований [14]: профессиональная идентичность, фольклор, традиции.

Сам по себе процесс согласования спроса и предложения на рынке труда может происходить посредством различных каналов: помимо непосредственных контактов между работодателем и потенциальным работником (иными индивидами, передающими информацию), это может быть взаимодействие, опосредованное институциональными средами: государственными службами по занятости населения, средствами массовой информации.

В настоящем исследовании представлен опыт сравнения последних двух источников: статистики обращений в Государственное казенное учреждение «Центр занятости населения г. Перми» и материалов контент-анализа

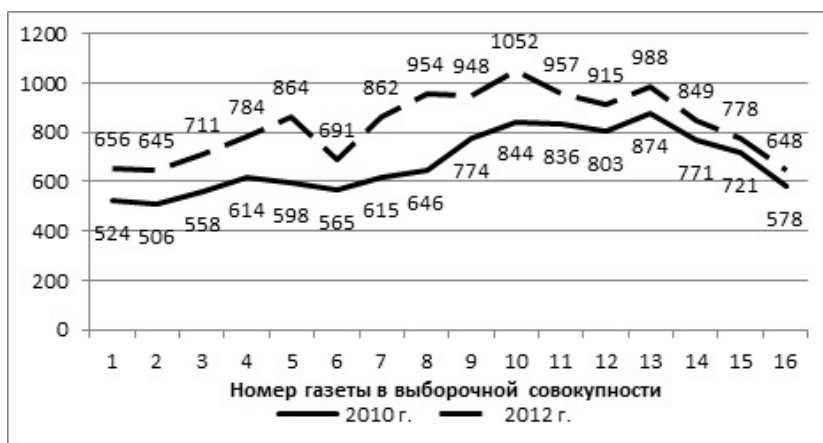

Рисунок 1. Количество объявлений в номерах, ед.

объявлений, содержащихся в городской газете «Ва-Банк», за два временных промежутка: 2010 и 2012 гг. Выбор газеты обусловлен сообщениями массовости и величины читательской аудитории. При помощи механической выборки было отобрано 16 номеров за каждый год. Проведение повторного исследования со схожей методикой должно не только показать типичность полученных результатов, но и предположить наличие некоторых универсальных тенденций, содержащихся в данных.

Количество вакансий, отражаемых при помощи того или иного источника, является важным показателем, отражающим объем рынка труда в узком его смысле [4, с. 246], фиксируемый данным источником. Кроме того, сравнение показателей за различные временные отрезки способно дать представление о динамическом аспекте.

На первом этапе контент-анализа, происходившем в 2010–2011 гг., была отмечена сезонная разница в количестве вакансий, предоставляемых через газету «Ва-Банк» [1, с. 193]. Проведение повторного наблюде-

ния через два года подтверждает данную картину (см. рис. 1): всплеск активного поиска работников приходится на середину мая, достигая пиковых значений в середине августа. С октября динамика количества объявлений идет на спад, приближаясь к изначальным показателям.

По сравнению с данными двухлетней давности, можно отметить общее повышение числа объявлений о поиске работников. Однако повышение числа заявленных вакансий не является исключительной особенностью данного вида источников: схожая картина наблюдается и по данным Центра занятости населения (см. рис. 2):

В качестве категорий для формализованного анализа текстов объявлений о приеме на работу в анализируемой газете были использованы укрупненные группы, используемые в Общероссийском классификаторе занятий ОК 010-94 (ОКЗ):

1. Руководители (представители) органов власти и управления всех уровней, включая руководителей учреждений, организаций и предприятий.

Рисунок 2. Изменение числа заявленных вакансий за 2011 и 2012 гг., ед. [8]

2. Специалисты высшего уровня квалификации.

3. Специалисты среднего уровня квалификации.

4. Служащие, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием.

5. Работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности.

6. Квалифицированные работники сельского, лесного, охотничьего хозяйств, рыбоводства и рыболовства.

7. Квалифицированные рабочие крупных и мелких промышленных предприятий, художественных промыслов, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр.

8. Операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин и слесари-сборщики.

9. Неквалифицированные рабочие [7].

К ним была добавлена ещё одна категория: занятия, не учитываемые в классификаторе. Распределение объявлений по укрупненным группам профессий представлено на рис. 3.

Наиболее востребованными группами профессий оказались работники сферы обслуживания, ЖКХ, торговли и родственных видов деятельности: указанная категория включает около трети всех объявлений. В данную классификационную группу входят профессии, связанные с торговлей (продавец, коммивояжёр, торговый и

в неё входят группы занятости, связанные с охранными услугами.

Второй по величине группой занятости является категория, объединяющая представителей неквалифицированного труда. За период наблюдения потребность работодателей в неквалифицированных сотрудниках значительно возросла (в относительных показателях рост составил около 5%).

Замыкает тройку наиболее востребованных специальностей группа квалифицированных специалистов промышленных предприятий, художественных промыслов, строительства, транспорта, связи, дающая наибольшее количество отдельных профессий.

Добавочная категория включила в себя несколько наименований занятий, не учитываемых другими классификаторами, более того, не входящих в официально фиксирующиеся виды экономической деятельности: речь идёт об объявлениях, в которых вместо конкретной профессии указывались половозрастные характеристики кандидата. К ним относятся: «девушки», «женщины», реже – «юноши». Данную категорию нельзя отнести к высококвалифицированным, однако её доля в общем результате оказывается сопоставимой с востребованностью высоко- и среднеквалифицированных специалистов.

Ввиду того, что в группах занятий, не входящих в классификатор профессий,

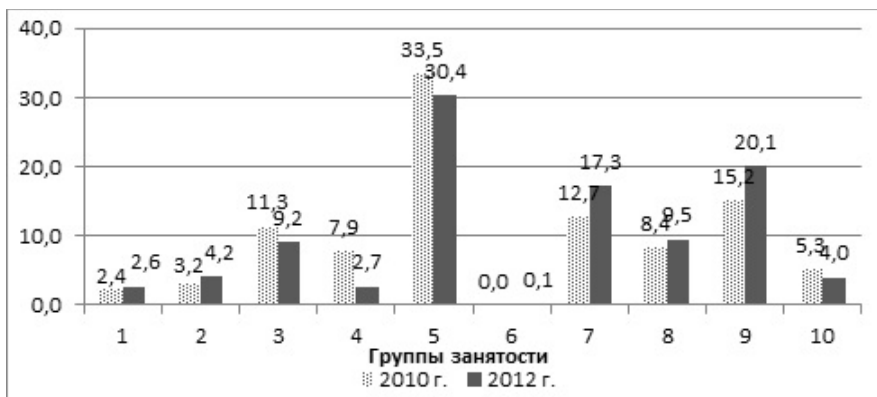

Рисунок 3. Распределение объявлений по группам профессий, % от общего числа объявлений за год

медицинский представители, промоутер), сферой общественного питания (повар, бармен, официант) и работники косметических и парикмахерских салонов (парикмахер, массажист, косметолог, маникюр, мастера тату и пирсинга). Кроме того,

главным и зачастую единственным требованием работодателя выступает половозрастной критерий, можно прийти к выводу об их близости по уровню квалификации к категории неквалифицированных рабочих.

В данном графике практически отсутствует шестая классификационная группа, объединяющая квалифицированных работников сельского, лесного, охотничьего хозяйства, рыбоводства и рыболовства. В 2010 г. данная категория использовалась лишь единожды. При повторном замере число соответствующих вакансий увеличилось, но осталось достаточно незначительным (9 объявлений за год). Данное свойство эмпирического материала является следствием того, что в исследовании относится к промышленно развитому городу.

Если на группы специальностей, относящихся к квалифицированным и неквалифицированным рабочим, наблюдается повышенный спрос работодателей, то обратная картина наблюдается в отношении специалистов высшего и среднего уровня. Бросается в глаза низкий спрос на представителей групп профессий, связанных с высоким уровнем квалификации (доля вакансий увеличилась лишь на процент), включающей занятия (профессии), отличающиеся «высокой степенью сложности выполняемых работ и требующие уровня квалификации, соответствующего высшему профессиональному образованию, а также более высоким уровнем» [8]. Почти в три раза больше объявлений в 2010 г. посвящено найму на работу специалистов со

Пермского края, составил примерно по 8%). Данные классификационные группы особенно важны ввиду того, что включают в себя высокопрофессиональный и технический классы, играющие, согласно теоретической концепции Белла, ключевую роль в развитии постиндустриального общества [2, с. 18].

Стабильно невысокий спрос существует и на представителей первой классификационной группы, объединяющей представителей руководящих должностей. В эту группу вошли такие группы занятости, как «помощник руководителя», «управляющий», «супервайзер». Их доля среди искомых профессий составляет около 2,5% и за время исследования существенных изменений в относительном выражении не претерпела (см. рис. 4).

Однако более показательным источником информации о состоянии регистрируемого рынка труда являются данные официальной статистики. Прежде всего, указанный источник информации о процессах на рынке труда позволяет делать обобщения на гораздо большем массиве данных. Кроме того, в нем отсутствуют некоторые погрешности, связанные с объявлениями: повторяющиеся наблюдения, отсутствие указания количества вакансий в объявлении и т.д.

При сравнении результатов исследования с данными Пермского городского Цен-

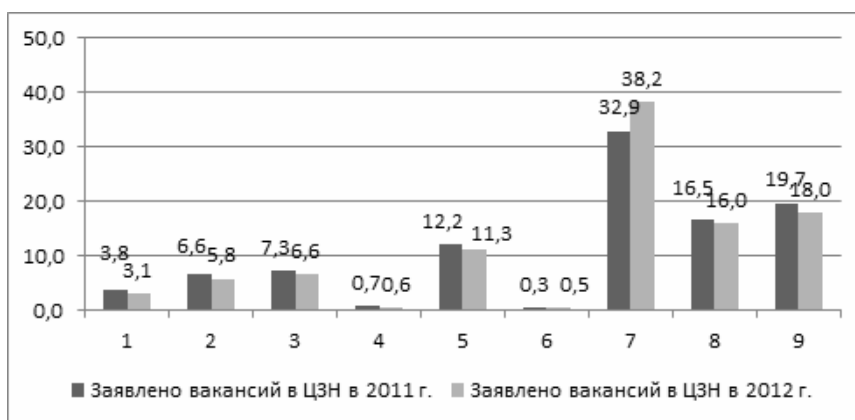

Рисунок 4. Распределение вакансий, заявленных в ЦЗН г. Перми, % от общего числа заявленных вакансий [8]

средним уровнем квалификации, однако в исследовании 2012 г. их доля значительно снижается. Необходимо отметить, что среди занятых доля данных работников в Пермском крае за 2008 г. составляет 15,7 и 17% соответственно [12, с. 27] (спрос на данные профессиональные группы, по данным Агентства по занятости населе-

тра занятости населения о структуре спроса на рынке труда (рис. 4) можно заметить множество существенных различий. На первый план выходят рабочие профессии (как требующие формальной квалификации, так и не предполагающие таковой). Спрос на высококвалифицированных специалистов оказывается несколько выше,

что, впрочем, не распространяется на специалистов со средним уровнем.

Специальности, связанные со сферой обслуживания, ЖКХ и торговли, в данных ЦЗН, напротив, вытесняются из тройки лидеров и демонстрируют весьма невысокий, по сравнению с данными контент-анализа, результат. Значительно меньшей оказывается и востребованность специалистов, чей труд сопряжен с подготовкой информации, ведением документооборота и учетом.

Таким образом, можно констатировать устойчивую специфику данных, получаемых при анализе различных каналов согласования спроса и предложения на рынке руда г. Перми. И дело оказывается не только в том, что официальная статистика не регистрирует ряд специфических родов занятий, отражаемых в категории профессий, не учитываемых в классификаторах профессий. Данные различия могут отражать и отличия социальных агентов (работодателей), которые используют данные каналы.

Но помимо различий можно обнаружить и несколько совпадений. Примерно на одном уровне находится спрос на категории руководителей и неквалифицированных рабочих. Так же, как и в исследовании, спрос на квалифицированных работников сельского хозяйства, рыбоводства и рыболовства, по данным статистики, не превышает одного процента.

Наблюдается низкий спрос на представителей творческих профессий, таких как архитектор, аниматор, ароматист, диджей, дизайнер, мастер по пирсингу и тату. Несмотря на некоторое увеличение доли подобных специальностей в 2012 г.,

их доля продолжает оставаться ничтожно малой в общем массиве информации.

В целом список наиболее востребованных специальностей за два года, разделяющие исследования, не изменился (рис.5): незначительные передвижки коснулись лишь двух последних мест в пятерке лидеров и незначительных изменений в доле объявлений, относящихся к указанным специальностям, что объясняется увеличением количества родов занятий, проанализированных на втором этапе исследования.

Куда большие изменения произошли во второй половине десятки наиболее востребованных специальностей: если в 2010 г. наблюдалось широкое включение специалистов среднего уровня квалификации и работников сферы обслуживания, то в 2012 г. большая часть относится к неквалифицированным рабочим.

Рынок труда краевого центра, по данным городской службы занятости, характеризуется лидерством спроса на квалифицированных специалистов строительства [11].

Ещё одной важной характеристикой данных о востребованности профессий является степень неоднородности значений, принимаемых показателем количества вакансий, предлагаемых работодателями через газету «Ва-Банк». В качестве основного показателя меры разброса в данной работе берется стандартное отклонение. Расчет стандартного отклонения показал значительное уменьшение степени разнородности частоты упоминания профессий (с 2,22 до 1,34). Список из пяти специальностей, показавших наибольшее значение признака, содержательно почти не изменился, в нем остались: охранник, водитель, прода-

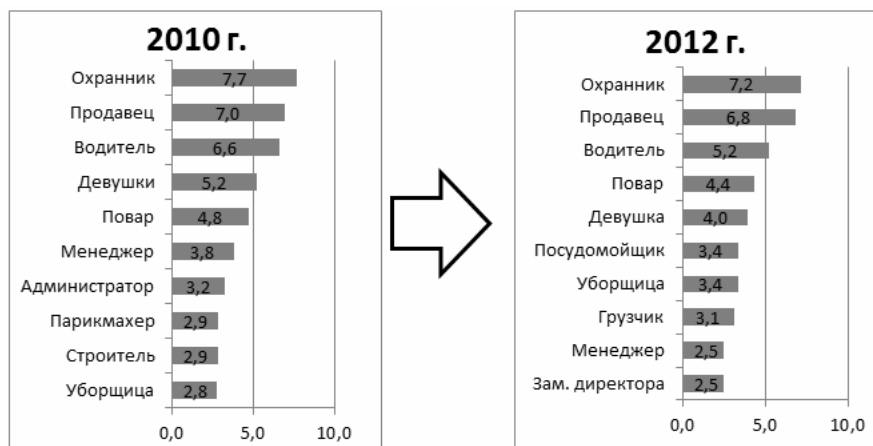

Рисунок 5. Динамика востребованности отдельных профессий, %

вец, грузчик, т.е. виды занятости, входящие в ТОП-10 востребованных профессий. Изменения коснулись специальности строителя: ввиду увеличения числа рассматриваемых профессий и большей детализации единиц анализа, показатель распределения сократился практически в 5 раз, достигнув значения 2,13. В исследовании 2012 г. его место заняли неквалифицированные работники, занятые мойкой посуды.

Обобщая приведённые выше результаты исследования, можно прийти к некоторым выводам.

Прежде всего, следует зафиксировать устойчивое различие в данных, отражающих различные каналы согласования спроса и предложения на рынке труда г. Перми. Если по информации Центра занятости населения на первый план выходят группы занятости с квалифицированным и неквалифицированным физическим трудом, то в результатах контент-анализа объявлений о приеме на работу лидируют специальности, связанные со сферой обслуживания и торговлей. Учет некоторых форм неофициальной занятости и выявление групп занятости, не учитываемых официальной статистикой, но тем не менее являющихся элементами социальной реальности, позволяет говорить о наличии определенного эвристического потенциала у анализа материалов СМИ.

Помимо существенных различий, можно говорить и о некоторых точках соприкосновения двух вариантов оценки состояния и динамики рынка труда.

Указанные обстоятельство позволяют говорить о важности комплексного учета двух указанных каналов взаимодействия потенциального работника и работодателя.

Большая доля спроса на квалифицированных работников промышленных предприятий, строительства, транспорта (в совокупности с группой операторов, аппаратчиков, машинистов) и группу неквалифицированных рабочих позволяет ставить вопрос о характеристике г. Перми как преимущественно индустриального центра, несмотря на позиционирование Перми в роли «лидера в направлении постиндустриального развития» [9].

Данное обстоятельство имеет весьма важное следствие для дальнейшего анализа различных социальных процессов, прежде всего профессионального самоопределения: в отечественной научной традиции профессиональное самоопределение молодежи и выбор профессиональ-

но-образовательной траектории устойчиво связывается с потребностями общественного производства [6; 13], что говорит о важности изучения социокультурных факторов, стоящих за стремлением к профессиональному образованию в описанных условиях рынка труда.

1. Антипов, А.Г. Структура спроса на профессии (на основе контент-анализа объявлений о работе в г. Перми) [Текст] / А.Г. Антипов, В.С. Волегов // Научный вестник Уральской академии государственной службы: политология, экономика, социология, право. 2012. № 1. С. 192–198.

2. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования [Текст] / Д. Белл / перевод с английского. Изд. 2-ое, испр. и доп. М.: Academia, 2004. 788 с.

3. Вебер, М. Избранные произведения: Пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

4. Воробьева, Н.В. Спорные вопросы организационно-экономического содержания понятия «рынок труда» [Текст] / Н.В. Воробьева // Журнал экономической теории. 2009. № 1. С. 244–248.

5. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. А.Б. Гофмана, примечания В.В. Сапова. М.: Канон, 1996. 432 с.

6. Кон, И.С. Психология юношеского возраста: (Проблемы формирования личности). Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1979. 175 с.

7. Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов. ОК 016-94 [Электронный ресурс]. URL: <http://professions.org.ru/> (дата обращения: 14.01.2014).

8. Паспорт г. Перми. 2011 г.; Отчет по профессиональному состоянию ищущих работу и вакансий за 2012 г.

9. Пермский региональный сервер [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perm.ru/?id=1000064&show=23450> (дата обращения: 10.05.2013).

10. Спрос и предложение на рынке труда [Экономический ресурс] // Современная экономическая теория. URL: <http://modern-econ.ru/micro/resursy/trud/spros-i-predlojenie.html> (дата обращения: 09.12.2011).

11. ТОП-5 самых востребованных профессий Перми [Электронный ресурс] / PRM.RU – Интернет-дайджест Перми. URL: <http://prm.ru/business/218159/> (дата обращения: 22.04.2013).

12. Труд и занятость в Пермском крае. Статистический сборник / Пермьстат. Пермь, 2009. 149 с.

13. Шубкин, В.Н. Социология и общество: Научное познание и этика науки [Текст] / В.Н. Шубкин. Монография. М.: ЦСПИМ, 2010. 424 с.

14. Щепанская, Т.Б. Символизация повседневности и неформальный контроль в профессиональном сообществе [Текст] / Т.Б. Щепанская / Антропология профессий, или Посторонним вход разрешен / под редакцией П. Романова, Е. Ярославской-Смирновой. М.: ООО «Ваиант», ЦСПГИ, 2011. С. 85–112.

References

1. Antipjev A.G., Volegov V.S. *Nauchnyj vestnik Ural'skoj akademii gosudarstvennoj sluzhby: politologija, jekonomika, sociologija, pravo*, 2012, no. 1, pp. 192-198 (in Russian).
2. Bell D. *Grijadushhee postindustrial'noe obshhestvo. Opyt social'nogo prognozirovanija* [Forthcoming postindustrial society. Experience of social forecasting]. Moscow, Academia, 2004, 788 p. (in Russian).
3. Veber M. *Izbrannye proizvedenija* [Selected works]. Moscow, Progress, 1990, 808 p. (in Russian).
4. Vorob'eva N.V. *Zhurnal jekonomicheskoj teorii*, 2009, no. 1, pp. 244–248 (in Russian).
5. Djurkgejm Je. *O razdelenii obshhestvennogo truda* [On division of social labour]. Moscow, Kanon, 1996, 432 p. (in Russian).
6. Kon I.S. *Psichologija junosheskogo vozrasta: (Problemy formirovanija lichnosti) [Psychology of youth: (Problems of forming personality)]*. Moscow, Prosveshhenie, 1979, 175 p. (in Russian).
7. *Obshherossijskij klassifikator professij rabochih, dolznostej sluzhashchih i tarifnyh razrjadov. OK 016-94 (Russian National Classification of Occupations of Employees, Positions of Civil Servants and Wage Category RC 016–94)*, available at: <http://professions.org.ru/> (accessed 14 January 2014) (in Russian).
8. *Pasport g. Permi. 2011 g.; Otchet po professional'nomu sostojaniju ishhushchih rabotu i vakansij za 2012 g.* (in Russian).
9. *Permskij regional'nyj server* (Perm regional server), available at: <http://www.perm.ru/?id=1000064&show=23450> (accessed 10 May 2013) (in Russian).
10. *Spros i predlozhenie na rynke truda [Supply and demand in the labor market]. Sovremennaja jekonomicheskaja teorija (Present-day economic theory)*, available at: <http://modern-econ.ru/micro/resursy/trud/spros-i-predlozhenie.html> (accessed 9 December 2011) (in Russian).
11. *TOP-5 samyh vostrebovannyh professij Permi [Top-5 of the most in-demand occupations of Perm]. PRM. RU - Internet-dajdzhest Permi (PRM.RU – Internet-digest of Perm)*, available at: <http://prm.ru/business/218159/> (accessed 22 April 2013) (in Russian).
12. *Trud i zanjatost' v Permskom krae. Statisticheskij sbornik [Labor and employment in Perm Krae. Statistics digest]. Perm'stat, Perm', 2009, 149 p.* (in Russian).
13. Shubkin V.N. *Sociologija i obshhestvo: Nauchnoe poznanie i jetika nauki [Sociology and society: Scientific cognition and scientific ethics]*. Moscow, CSPiM, 2010, 424 p. (in Russian).
14. Shhepanskaja T.B. *Simvolizacija povsednevnosti i neformal'nyj kontrol' v professional'nom soobshhestve [Symbolization of everyday routine and informal control in occupational community]. Antropologija professij ili postoronnim vhod razreshen (Anthropology of professions or strangers are allowed to enter)*. Moscow, OOO «Vaiant», CSPGI, 2011, pp. 85-112 (in Russian).

UDC 316.344.24

OCCUPATIONAL STRUCTURE OF THE LABOR MARKET IN PERM (BASED ON THE LONGITUDINAL STUDY)

Antipjev Anatolij Grigoryevich,

Perm State University,
Professor of the Chair
of Sociology and Politology,
Doctor of Sociological Sciences,
Perm, Russia.
E-mail: agantip@psu.ru

Volegov Vladimir Sergeevich,

Perm State academy of Art and Culture,
Post-graduate Student of the Chair of
Cultural Studies,
Perm, Russia.
E-mail: wsvolegov@mail.ru

Annotation

The article presents the results of the longitudinal study of the structure of demand in the labor market of Perm. The most popular groups of employment are allocated on the basis of the analysis of two groups of sources: statistics of appeals to the employment center and the content analysis of regional print media.

Key concepts:

professions,
socio-professional structure,
the demand for professions,
groups of employment.

УДК 316.452

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГРУППЫ ИВЕНТ-МЕНЕДЖЕРОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Старцева Наталья Николаевна,

Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Уральский институт-филиал,
аспирант,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: arkara3@mail.ru

Аннотация

Используя типологию механизмов, посредством которых происходят институциональные изменения, мы попытались выяснить, какой механизм – «принудительный», «подражательный» или «нормативный» – преобладал в процессе формирования ивент-деятельности и группы ивент-менеджеров в современной России.

Ключевые понятия:

ивент-деятельность,
ивент-менеджеры,
«принудительный» механизм,
«подражательный» механизм,
«нормативный» механизм.

Институциональные изменения, произошедшие в России в конце XX века, способствовали появлению новых видов деятельности и профессиональных групп. В этот период формируется и объект нашего интереса – ивент-менеджеры.

На основе проведённых ранее исследований, посвящённых изучению рынка ивент-услуг в современной России* и профессиональной культуры ивент-специалистов**, автор приходит к следующему определению группы ивент-менеджеров.

Ивент-менеджеры – специалисты, владеющие технологиями планирования, организации, управления и контроля событий различных типов (корпоративные, частные, деловые мероприятия; маркетинговые, праздничные, специальные события и мн. др.).

В данном случае под ивент-деятельностью автор статьи понимает особый вид профессиональной деятельности – ивент-менеджмент, который представляет собой «все планируемые, организуемые, контролируемые и управляемые меры, необходимые для проведения исключительного, единственного в своём роде ивента» [2, с. 37].

Используя типологию механизмов, посредством которых происходят институциональные изменения, предложенную П. Димаджио и У.В. Пауэллом, мы попытаемся выяснить, какой механизм – «принудительный», «подражательный» или «нормативный» [1] – преобладал в процессе формирования ивент-деятельности и группы ивент-менеджеров в России.

Под «подражательным» механизмом в данном случае следует понимать реакцию агентов формирующегося поля ивент-деятельности на неопределённость процессов, происходящих в социальном пространстве, которая выражается в копировании наиболее успешных образцов практик других агентов того же поля.

«Нормативный» механизм связан с профессионализацией ивент-деятельности, с выработкой агентами ивент-поля профессиональных правил, норм, транслируемых на всё профессиональное сообщество либо через развитую систему профессионального ивент-образования, либо через профессиональные ивент-ассоциации.

*Исследование «Рынок ивент-услуг в современной России» (ноябрь 2009 – февраль 2010 года) проведено автором статьи с помощью методов полуструктурированного интервью и несинхронного онлайн-интервью; объектами исследования выступили специалисты в области ивент-услуг России.

**Исследование по теме «Профессиональная культура ивент-специалистов» (февраль–апрель 2011 года) проведено автором статьи с помощью методов полуструктурированного интервью и несинхронного онлайн-интервью; объектами исследования выступили ивент-менеджеры и руководители ивент-фирм России.

«Принудительный» механизм чаще всего «выступает как результат формального или неформального давления, оказываемого одними организациями на другие, от которых они зависят» [1, с. 40]. Зачастую «принудительный» механизм воспринимается как реакция агентов ивент-поля на предписание государства за соблюдением установленных правил и норм функционирования в поле профессиональной и коммерческой деятельности.

С июля по сентябрь 2013 года автором статьи было проведено исследование. Методом глубинного интервью (личное или опосредованное через скайп) на основе разработанного гайда было опрошено 18 руководителей и 8 ивент-менеджеров России. Отбор респондентов осуществлялся стихийно (стихийная выборка), методом «снежного кома», когда предыдущий информант рекомендовал последующего, и, несмотря на то, что при таком отборе возможны перекосы, для качественного исследования они допустимы (особенно учитывая, что параметры профессиональной группы ивент-менеджеров статистически не определены). Условием достаточности количества опрашиваемых стал факт повторения информации, получаемой от респондентов. Анализ некоторых материалов исследования осуществлялся при помощи пакетов программ статистической обработки SPSS, версия 17.0.

Поскольку ивент-деятельность и профессиональная группа ивент-менеджеров в России формировалась в условиях неопределённости (не было чёткого понимания организационных технологий, целей), то подражательное поведение агентов ивент-поля с точки зрения экономии ресурсов являлось наиболее удобным и оправданным. В связи с этим мы полагали, что роль «подражательного» механизма в процессе профессионализации ивент-деятельности и в формировании группы ивент-менеджеров будет оценена респондентами достаточно высоко.

В то же время мы считали, что в силу развития коммуникации между агентами поля ивент-деятельности, становления профессионального ивент-образования и возникновения ивент-ассоциаций, то есть процесса профессионализации ивент-деятельности, постепенно роль «нормативного» механизма должна будет возрасти, и это скажется на оценках руководителей ивент-компаний и ивент-менеджеров.

Также было выдвинуто предположение, что поскольку государство изначально не принимало активного участия в институционализации нового вида деятельности и

формировании профессиональной группы ивент-менеджеров, то «принудительный» механизм сыграл незначительную роль в процессе формирования ивента в России.

Для проверки данных гипотез мы предложили участникам исследования оценить степень влияния каждого из представленных механизмов, распределив 100% между ними. Таким образом, «подражательному» механизму респонденты отдали 62%, «нормативному» – 30%, «принудительному» – 8%.

Итак, анализ мнений респондентов показал, что большинство и экспертов, и ивенторов «профессионалов» выделяют действие «подражательного» механизма в процессе формирования ивент-деятельности, группы ивент-менеджеров и в целом рынка ивент-услуг в России.

Один из экспертов отмечает: *«Первые агентства в России открылись в 1991 году, все они работали в «подражательном» формате, так как консультантами являлись представители из США или Европы, либо основатели первых ивент-агентств прошли различные профессиональные практики за границей»* (м., исполнительный директор НАОМ, стаж работы в ивент-сфере более 10 лет, г. Москва).

При этом в ходе исследования нам удалось выявить, что на выбор ивенторами объекта подражания влияют такие факторы, как территориальное расположение ивент-агентства и его величина (крупное, среднее, малое).

Эксперты отмечают: *«Подражательный механизм в большей степени сработал. При этом на Запад смотрела Москва, а регионы смотрели на Москву»* (ж., руководитель, стаж работы в ивент-сфере более 30 лет, г. Екатеринбург); *«Лидеры ивент-рынка, такие как Князев, Шумович, Чудилова, они привозят что-то новое из-за рубежа, а мы у них перенимаем и адаптируем, воспринимаем как некий эталон и к нему стремимся»* (ж., руководитель, стаж работы в ивент-сфере 7 лет, г. Екатеринбург). *«Я постоянно отслеживаю успешные компании, чтобы понимать, что у них происходит, какую политику они ведут, в каких базах данных они есть. Когда ты смотришь, что какая-то компания в этом преуспела, тебе хочется считать её опыт и самой развиваться»* (ж., руководитель, стаж работы в ивент-сфере 4 года, г. Екатеринбург).

Также эксперты сообщают о причинах доминирования подражательного механизма в процессе развития ивент-деятельности в России. Они говорят о наличии у западных коллег готовых, отработанных

технологий организации событий: «Организация ивент-деятельности подразумевала влияние Запада, потому что учились у западных коллег, потому что по техническому оснащению, нормам ориентировались исключительно на западных коллег... технологии брали оттуда» (м., руководитель, стаж работы в ивент-сфере 8 лет, г. Екатеринбург). «То, что мне четыре года назад говорил Серёжа Князев и Москва, сегодня мне говорит город Екатеринбург. А до этого группа ребят в Нью-Йорке сделала мероприятие... Конечно, это всё под российскую действительность адаптировано, но технологии, механизмы – они скопированы» (ж., руководитель, стаж работы в ивент-сфере 7 лет, г. Екатеринбург).

Другие участники интервью причиной доминирования «подражательного» механизма называют стремление организаторов событий к новизне и нежелание придумывать что-то самим: «Постепенно все устали от стандартного взгляда на это [организацию событий] и стали искать что-то новое. А откуда брать что-то новое? Придумывать никто не стал, все посмотрели, что происходит на Западе, в Америке, и начали делать то же самое» (ж., руководитель, стаж работы в ивент-сфере 4 года, г. Чебоксары).

Третьи видят причину действия «подражательного» механизма в установке «иностранное – лучше нашего», которая определяет действия как производителя, так и потребителя ивент-услуг. «Мы привыкли во всём равняться на Запад и считать, что там лучше» (ж., руководитель, стаж работы в ивент-сфере 4 года, г. Чебоксары); «Всё идет с Запада, но пока ещё наша, российская система в ивент-индустрии не так идеальна и структурирована, как там» (ж., ивент-менеджер, стаж работы в ивент-сфере 4 года, г. Санкт-Петербург).

Четвёртые ищут причину в объективном процессе развития российского рынка организации событий, указывая на то, что был некий «непрофессиональный» этап, а сейчас в России формируется «профессиональный» ивент-рынок: «Мы все ориентируемся на Запад. Наш ивент-рынок совсем юный, вернее не юный... мы пытаемся отойти от массовиков затейников и перейти к организаторам и ивент-менеджерам» (ж., руководитель, стаж работы в ивент-сфере 7 лет, г. Санкт-Петербург).

Пятые объясняют подражание в целом взаимопроникновением и смешением культур (усвоение моделей поведения, норм, ценностей представителей другой культуры): «Опять же все фильмы, свя-

занные с ивентами, американские, они же тоже любимы, они просматриваемы и накладывают огромный отпечаток... Америка и та же Европа начинают и у нас копировать. Как говорится, кто-то задал скорость, и это были они, а уже потом все подхватили, и начался взаимообмен» (ж., руководитель, стаж работы в ивент-сфере 7 лет, г. Екатеринбург).

Несмотря на преобладающее мнение среди экспертов о доминировании «подражательного» механизма, была высказана и другая позиция. Так, интересно мнение эксперта, который отмечает большую значимость «нормативного» механизма: «Я бы выделила нормативный механизм. Сформировалась потребность, поэтому появились организаторы событий, которые договорились о правилах и нормах, своих действиях на рынке, и ивент-рынок стал развиваться» (ж., руководитель, стаж работы в ивент-сфере 5 лет, г. Новосибирск). Другой эксперт понятие «нормативный механизм» употребляет в негативном ключе, как действие «негласного» договора между ивент-агентствами о нормах, правилах и моделях поведения в своём рыночном сегменте; так, руководитель ивент-агентства отмечает: «Работает нормативный механизм. У нас есть компании, которые договорились о том, что предлагают «пакет» услуг, стандартный набор на событие, всё по шаблону, и цены у них одни, и предложение одно, и к клиенту они одинаково подходят» (ж., руководитель, стаж работы в ивент-сфере 8 лет, г. Прага, г. Екатеринбург).

Мы предполагали, что если ивенторы не будут осмысленно выделять «нормативный» механизм как значимый в процессе оформления ивент-деятельности в России, то будет интересно посмотреть, готовы ли они участвовать в создании и распространении правил и норм в профессиональном сообществе, готовы ли они активизировать «нормативный» механизм и процесс профессионализации ивента и обособления ивент-менеджеров от других профессиональных групп.

Опираясь на мнения участников интервью можно сказать, что данная гипотеза получила своё подтверждение.

Руководители ивент-компаний зачастую готовы через развитие ивент-образования, через налаживание процесса коммуникации с коллегами участвовать в формировании нормативной основы для ивент-деятельности и профессиональной группы ивент-менеджеров в России.

Так, 10 из 18 руководителей ивент-компаний являются авторами и действующими тренерами или преподавателями курсов по ивент-менеджменту. Эксперты отмечают: *«У меня есть несколько курсов для подготовки организаторов мероприятия, я очень интенсивно занимаюсь образовательной деятельностью»* (ж., руководитель, стаж работы в ивент-сфере 5 лет, г. Новосибирск); *«Преподавательская деятельность для меня больше хобби... Я читала курс по ивент-менеджменту в МГУКИ, в «Специалисте» читала, был опыт работы со Школой Сергея Князева»* (ж., руководитель, стаж работы в ивент-сфере более 15 лет, г. Москва); *«Я сделал образовательный тур-2013, где в течение всего 2013 года буду посещать страны России и СНГ»* (м., руководитель, стаж работы в ивент-сфере 12 лет, г. Москва).

Необходимо отметить, что 12 руководителей ивент-компаний, принявших участие в нашем исследовании, проявляют активность в процессе построения эффективных моделей общения с коллегами и партнёрами. Эксперты отмечают, что являются инициаторами и организаторами встреч с наиболее успешными игроками ивент-рынка России в своих городах: *«Я организовывала мастер-класс С. Князева у нас, достаточно интересный был для екатеринбургских организаторов опыт»* (ж., руководитель, стаж работы в ивент-сфере более 25 лет, г. Екатеринбург); *«В этом году мне удалось пригласить к нам Дарию Бикбаеву и Лосло Габани»* (ж., руководитель, стаж работы в ивент-сфере 8 лет, г. Прага, г. Екатеринбург). Руководители ивент-компаний говорят, что сами активно занимаются распространением профессионального опыта, организуя коммуникацию между партнёрами по бизнесу и потенциальными клиентами: *«В 2013 году мы интенсивно участвовали в организации и проведении выставки «Wedding Show Urals» в Екатеринбурге, там же я проводила свой мастер-класс, посвящённый свадьбам в Чехии»* (ж., руководитель, стаж работы в ивент-сфере 8 лет, г. Прага, г. Екатеринбург); *«В своё время я очень сильно разрабатывала направление аниматоров... проводила в Москве несколько фестивалей анимационных команд...»* (ж., руководитель, стаж работы в ивент-сфере более 15 лет, г. Москва). Один из руководителей ивент-компаний рассказал о личном опыте создания нового канала коммуникации между игроками свадебного рынка Перми: *«Первое, с чего мы начали, был свадебный сайт, он называется «Love-Гид» и в Перми достаточно*

популярен, – это уникальный контент. Мы сделали «Свадебный гид» как рекламно-информационный форум, который может облегчить жизнь молодожёнам и ивент-менеджерам» (ж., руководитель, стаж работы в ивент-сфере 4 года, г. Пермь).

Исследование показало: несмотря на наличие факторов, сдерживающих процесс действия «нормативного» механизма, можно заключить, что процесс формирования правил, норм и стандартов профессиональных практик идёт, и главную роль на сегодня в нём играют руководители ивент-агентств, «ориентированные» на профессионализацию ивент-деятельности и оформление ивент-менеджеров в особую профессиональную группу.

Что касается действия «принудительного» механизма, то позиция руководителей ивент-компаний и ивент-менеджеров достаточно однозначна.

Большинство участников интервью отмечают, что, несмотря на попытки государства влиять на рынок ивент-услуг через введение тендерных процедур и изменения в налоговом законодательстве, особого воздействия на процесс развития ивент-деятельности и формирования группы ивент-менеджеров оно не оказывает.

Как полагает один из участников исследования: *«Насколько я знаю, особых норм и правил, созданных государством, ещё никаких нет, поэтому «принудительный» механизм вообще у нас не работает»* (ж., ивент-менеджер, стаж работы в ивент-сфере 3 года, г. Нижний Новгород). Один из экспертов резюмирует: *«Со стороны государства больше ужесточений относительно ивент-рынка нежели отношений в сторону образовательной деятельности ивент-менеджера»* (м., руководитель, стаж работы в ивент-сфере 8 лет, г. Екатеринбург).

Причины непопулярности «принудительного» механизма инвенторы связывают, во-первых, с ментальной установкой на отрицание внешнего воздействия, принуждения: *«В силу каких-то традиций и нашего менталитета «принудительный» не работает»* (ж., руководитель, стаж работы в ивент-сфере 4 года, г. Пермь); *«Принудительный» механизм у нас не будет работать... с нашим то отношением к работе и со стремлением обойти закон... это что-то невероятное!»* (ж., руководитель, стаж работы в ивент-сфере 4 года, г. Новосибирск).

Во-вторых, слабое влияние «принудительного» механизма обусловлено таким объективным фактом, как разная скорость, несоответствие интенсивности протекания

экономических и политических процессов: «Я думаю, что в данной ситуации законодатели равняются конкретно на рынок, нежели рынок равняется на законодателей. Государство пока не успевает за развивающейся структурой ивента. У нас есть закон по котировкам, тендерные отношения сейчас более или менее развиваются, закон «О публичных мероприятиях» есть... и в принципе всё!» (м., руководитель, стаж работы в ивент-сфере 8 лет, г. Екатеринбург); «Какое отношение государство вообще может иметь к ивент-рынку? У нас государство далеко-далеко в отсталом состоянии по отношению к этому явлению как таковому. Сначала появилось явление, а потом государство прилепилось к нему, не более того» (ж., руководитель, стаж работы в ивент-сфере более 25 лет, г. Екатеринбург). Другой эксперт отмечает: «Ассоциация постоянно ведёт диалог с властью... но «принудительный» механизм пока не запущен» (м., исполнительный директор НАОМ, стаж работы в ивент-сфере более 10 лет, г. Москва).

Таким образом, общий вывод может быть сведён к следующему: на процесс формирования ивент-деятельности и группы ивент-менеджеров в России большее влияние оказал «подражательный» механизм; «нормативный» механизм относительно «подражательного» сыграл меньшую роль, однако его влияние с ростом активности агентов, доминирующих в поле ивент-деятельности, будет возрастать; роль «принудительного» механизма была незначительной, однако, возможно в силу дальнейшего процесса профессионализации ивент-деятельности и формировании группы ивент-менеджеров, его значение повысится.

1. Димаджо, П.Дж. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях [Текст] / П.Дж. Димаджо, У.В. Пауэлл // Экономическая социология. 2010. Т. 11. № 1. С. 35–53.

2. Хальцбаур, У. Event-менеджмент [Текст] / У. Хальцбаур, Э. Йеттингер, Б. Кнаузе, Р. Мозер, М. Целлер / пер. с нем. Т. Фоминой. М.: Эксмо, 2007. – 382 с.

References

1. Dimadzhio P.Dzh., Paujell U.V. Jekonomicheskaja sociologija, 2010, tom 11, no. 1, pp. 35–53 (in Russian).

2. Hal'cbaur U., Jettinger Je., Knause B., Mozer R., Celler M. Event-menedzhment [Event-management]. Moscow, Jeksmo, 2007, 382 p. (in Russian).

UDC 316.452

MECHANISMS OF FORMING A NEW PROFESSIONAL GROUP OF EVENT-MANAGERS IN MODERN RUSSIA

Startseva Natalia Nikolaevna,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Ural Institute – Branch,
Post-graduate Student,
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: arkara3@mail.ru

Annotation

Using the typology of mechanisms through which institutional changes take place, we tried to find out which mechanism: “forcing”, “imitating” or “normative” dominated in the process of forming event-activity and a group of event-managers in modern Russia.

Key concepts:

Event-activity,
Event-managers,
“forcing” mechanism,
“imitating” mechanism,
“normative” mechanism.

УДК 101.1:316

ПРОТЕСТНОСТЬ И СОЛИДАРНОСТЬ В ОБРАЗОВАНИИ*

Кожевникова Маргарита Николаевна,

Российская академия образования,
Институт педагогического образования
и образования взрослых,
старший научный сотрудник,
кандидат философских наук,
г. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: margaritakozh@ya.ru

Аннотация

Есть ли место для протестности в образовании? Возможно ли становление солидарности в образовании и какова она? Образование в воплощении «системы образования» обычно ассоциируется с конформизмом. С чем эта ассоциация может быть связана? С самой природой образования как феномена социального института, обеспечивающего воспроизводство государства и общества и ради этого сращенного с вмененной ему «конформирующей», «приспосабливающей» функцией? С социальной ролью и самосознанием учителей как держателей, блюстителей и распространителей традиции? На эти вопросы отвечает статья, затрагивающая проблемы понимания образовательной социализации, «скрытых программ», возможностей использования молодежных движений для социализации, типа социальности учителей и роли «священного Нет» в содержании, методах образования.

Ключевые понятия:
философия образования,
конформность,
социализация,
солидарность.

Есть ли место для протестности в образовании? Образование в воплощении «системы образования» обычно ассоциируется с конформизмом. Но если конформизм порождает сознание «принадлежности к большинству», не есть ли это путь достижения солидарности и не будет ли она в этом случае этически обоснована в плане социальной миссии образования?!

Конформизм

Как исходный пример для взгляда на проблему, хочу предложить одно воспоминание из школьных времен. Это образ дороги в школу: темная остановка трамвая в предрассветном зимнем Новосибирске. Трамвай не приходит. После десяти минут на морозе каждая дополнительная минута чувствуется как мучение. Люди топают, хлопают руками в рукавицах, натягивают шапки ниже на лоб, поднимают шарфы до глаз. Никто не разговаривает друг с другом. Мороз в тридцать пять и даже до минус сорока градусов в Сибири в январе, феврале – это в пределах нормы. Но после тридцати минут ожидание кажется уже бесчеловечным вызовом, в ответ на который люди имеют право власть в истерику, начать громить всё вокруг. Я думаю: «Мы можем не только отморозить щеку, ухо, нос, пальцы, что часто случается, а и по-настоящему замерзнуть! Надо что-то делать! Надо идти, требовать, кричать!» Но куда идти и как требовать, мне, школьнице, неизвестно.

Минут через сорок трамвай приходил. Но, бывало, трамвай приходил с надписью: «В парк», что означало переход в следующий круг холодного ада. И все же ждавшие люди так и не начинали требовать и кричать, а продолжали молчать. Так же и я – как они.

«Что это?» – задаю же я вопросом теперь. Безмерное русское терпение? Или тот непомерный конформизм, против которого люди не могут выступить, даже когда на кону их здоровье и жизнь? Э. Фромм [7] описывал действия общества и его психосоциальных посредников относительно взрослеющего человека, как навязывание принятых стандартов мыслей и чувств путем вознаграждений и наказаний, вопреки большей части его собственных, истинных, сокровенных (начиная с сексуальной сферы) желаний и интересов. «Сломить волю человека, оставив его при этом в неведе-

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ проекта проведения научных исследований «Проблема становления социальности в образовании», проект № 13-03-00276.

нии», – так закладывается конформизм в глубокие слои психики.

Каков конформизм в нашей школе? По международным исследованиям ICCS-2009 (International Civic and Citizenship Education Study)*, проведенным в России в 45 регионах (4480 учащихся 14–15 лет, 8 класса, и 3380 учителей), выявлявшим проявление у подростков гражданских принципов и гражданского участия (и в формах гражданского протеста), выяснилось, что у российских школьников теоретические знания преобладают над способностью определяться в практических проблемах, и что из них практически доверяют 88%, школе – 84%, (в других странах только около 60%), однако людям в общем доверяют лишь 51% (ниже среднего по исследованию).

Конформизм – «приспособление». Советская программа «социализации» подразумевала приспособление к обществу. Неминуемо ли становление социальности в образовании должно пониматься только таким образом?

Образовательная социализация

Интересен ответ, данный нашими коллегами, философами образования Финляндии**, страны, образовательные успехи которой вызвали неутраченный интерес во всем мире. При том, что и общая, и образовательная политика Финляндии базируется на эгалитарных принципах, философы уточнили, что в социализации, составляющей «основную или даже единственную цель» образования и означающей «производить таких граждан, которые приспособлены к тому, чтобы вести жизнь в социуме и найти там свое место», подлинный смысл «полностью зависит от смыслов и ценностей, на которых строится само государство и общество» (выделено курсивом – М.К.). Цели, декларируемые школами, в любом случае могут звучать как: «Сделать общество лучше», но социализация в качестве приспособления образовательными системами своих граждан к социуму могла быть эффективной и в случае обществ антигуманных ценностей, как социум нацистской Германии.

При социализации в школьной жизни – в выполнении заданий, в награждении хороших и наказании плохих, в заня-

тиях спортом и прочим, «что поддерживает социальные инстинкты», помимо эксплицитных программ действуют и «скрытые программы» [11, р. 137], обучающие принимать нормы социальной несправедливости как данность и справедливость (что продемонстрировал П. Бурдьё [2, с. 125–166]. Айраксинен, говоря о возможности для учителей «нащупать доступ» к социализирующим «скрытым программам», подчеркнул: на то те программы и «скрытые», чтобы к ним нельзя было найти доступ.

Так как же формируется конформистская социальность в образовании на таких уровнях, как социальность учителей, сам образовательный социум, образовательные ситуации, специальные социализирующие образовательные меры и стратегии?

Социальность учителей

Глядя на мир школы, можно сказать: конформизм начинается с учителей. Их социальность, задающая рамки для учеников, задана их социальным самосознанием и позициями и принятой ими институциональной ролью (роль «авторитетной фигуры» – «представителя взрослых», представителя власти в социуме школы и, прежде всего, «представителя власти знания»), консервативного и лишённого свободы, как бывает лишён личной свободы всякий представитель. (Этносоциологи считают учителей социальной группой оплачиваемых работников, взаимодействующих со знанием, но не владеющей им и не влияющей на создание этого символического продукта [10, р. 123]).

В этом смысле объяснимы страх ошибки, доведенный в учительском подсознании до инстинкта, и могучая внутренняя цензура учителей, заставляющая их прислушиваться скорее не к собственному «внутреннему голосу», но к «внутреннему голосу представляемой ими власти».

М. Хоркхаймер и Т. Адорно заметили, что в области циркуляции произведенного инструментальным разумом товара мысли в цензуре, начинающейся с «автоматической прозорливости» автора и охватывающей целый штаб редакторов, издателей... именно воспитательная система берется за тотальное обеспечение чистоты, коррект-

*Здесь данные и их анализ приводятся по [1, с. 108].

**В статье излагаются высказывания, сделанные проф. Тимо Айраксиненом в своем докладе на Международном семинаре по философии образования «Индивидуальный путь в глобальном мире: образовательная модель (на примере Финляндии)» в Санкт-Петербурге 30 сентября 2013 г. Видеоматериалы семинара – на сайте ИПООВ РАО.

ности передаваемых текстов, строго ограничивая их «лишь констатацией фактов и расчетом вероятностей» [8, с.10].

В том плане, в каком учителя являются «представителями», расширяя в самосознании свою, наделенную нераспознаваемыми социокультурными предвзятостями «мы-группу» (по А. Шютцу) до «всеобщих» пределов, они и срабатывают как живые носители «скрытых программ».

И школьные учителя имеют в мире школы такой контекст общения (социальности базового уровня, по Г. Зиммелю [4, с. 485]), который ощущается ими как тесная, жесткая, гомогенизированная среда. (Работая с педагогами одной из успешных петербургских школ, автор статьи в ответ на вопрос, что «вызывает опасение или протест» в феномене коллектива, получила ответы: «эффект толпы»; мнения, «которые сложно переломить»; «размывание индивидуального подхода»; «недооценка в коллективе личностных особенностей и достижений»; «закрепленные связи»; «трудность влиться в коллектив».) Эта среда являет «власть периферии», пассивного большинства, сопротивляющегося администрации с целью ухода от рисков: учитель-инноватор получит большее понимание этой среды, официально не объявляя свою деятельность инновационной [10]. Понимание же солидарности («педагогического сообщества в полном смысле этого слова») у учителей выразилось в ответах: взаимопонимание, взаимоподдержка и взаимовыручка, обмен опытом, единый подход к обучению и воспитанию, единый понятийный аппарат. Есть необходимость различить «принятую коллективную» (конформистскую) и «рефлексивную социальную» идентичности. Последняя же происходит из мотивационного, концептуального и коммуникативного самоопределения в условиях пространства свободы.

Социум учителей – замкнутый мир профессиональной касты, мало контактирующей с внешним миром. Контакт сводится в основном к общению с родителями. В своем социуме учителя действуют по заданным правилам. Знать правила – их профессиональная квалификация: они научаются регламентирующим «правилам для себя» и диктуют «правила для других», прежде всего учеников, а соприкасаясь с родителями, побуждают или принуждают последних действовать также «по правилам». Так, даже в эпизодических контактах с миром учителя не выбираются со своей территории, но «втягивают» гостей к себе.

И еще, социальность учителей испытывает все большее влияние бюрократизации.

По А. Макинтайру, существование класса бюрократических менеджеров объясняется концепцией эффективности, исходящей из механистической социально-научной картины мира, базирующейся на запущенной в оборот в XVII и XVIII веках обманчивой идее «факта» как объективного (ценностно нейтрального) элемента человеческого бытия [5, с. 120–122]. В итоге продвигаемая бюрократией идеология ведет к росту отчуждения учителей от их собственных ценностных оснований, которые могут и должны служить основой солидарности учительского сообщества. Ориентация же на бюрократические, а не на собственные ценностные основания выражает конформистскую позицию.

(Ремарка: финское образование вышло на первое место в мире, когда жестко централизованная система образования, десятилетиями работавшая над стандартизацией педагогического образования и унификацией учебных программ, перешла в середине 1990-х к ослаблению централизации, регулирования, отчетности и к широкой учительской автономии в содержании и методах преподавания.)

Образовательный социум и образовательные ситуации

Важной проблемой образовательного социума считается возможность организации «школьного самоуправления». Не касаясь различий подлинной демократии и формальной, можно счесть за пример такого самоуправления советскую школу, где пионерская дружина делились на отряды, и т.д. С.И. Гессен писал про американский опыт: «Заинтересованные вначале этой игрой в государство, школьники сравнительно быстро остывали к ней... копируемая школой государственная машина оказалась слишком сложной и работающей впустую... форма вытеснила содержание...» [3, с. 179–180]. Так, дети скорее получали опыт бюрократических менеджеров.

Пример создания образовательного социума на антиформальных основаниях представляла школа К.И. Мая, в которой учителей подбирали исходя не только из профессиональных знаний и умений, но и из их ценностей и мотиваций, и где сам директор здоровался с учениками за руку, а высшим наказанием было, когда провинившимся он не подавал руки.

Кроме того, и во времена Мая, и в наше время школы способны превращаться в активные центры общественной

жизни, образованные не только семьями учащихся, но и коллективами предприятий, и местными жителями, находящими для себя там формы творческой реализации, волонтерского участия и общения. В этих случаях возникает феномен открытого образовательного сообщества, с условиями для формирования многосторонней социальности учеников, что обеспечивает «профилактику» конформности.

Каковы бывают образовательные ситуации? Учитель излагает материал, предлагает задания, вопросы и т.д. Основная модель этих ситуаций – мимезис, уподобление образцам, и в обучении преимущественно применяются утвердительные формы и процессы (А Адорно в «Негативной диалектике» подчеркивал, что позитивность являет «противоположность мышления»). Лишь недавно задания, диалогичные по форме, но однозначные по сути, стали дополнять иными, предполагающими выбор. Еще больше свободы предоставили ситуации «проектов» (постепенно входящие в российское образование), которые учащиеся должны сами определить, планировать и проводить, обращаясь лишь за консультацией к учителю.

Специальные социализирующие образовательные меры и стратегии

Одна мера – это «гражданское образование», проблемы которого выявили исследования ICCS-2009. Другие меры и стратегии – это декларируемая, финансируемая и отчетливо институционализированная работа с молодежными движениями, состоящая в проводимой в жизнь вузами, колледжами и пр. государственной молодежной политике. Имея в виду такие поддерживаемые властями организации, как созданный в замещение ВЛКСМ «Российский Союз Молодежи» и прокремлевские движения («Наши» и пр.), а на региональном уровне – конкурсы молодежных организаций, связанные с программами государственной политики, можно усмотреть основной социальный смысл для участвующей в них молодежи в «социальном лифте», дающем возможность быстрого карьерного роста (сопряженного с конформностью и бюрократическим менеджментом).

Главное же, эти стратегии не затрагивают собственно молодежные социальные движения: «свободноорганизованные кол-

лективы», «действующие в неинституционализированной форме» и стремящиеся «произвести изменения в обществе» [9, с. 45], неконформистские по своей природе. А действительные общественные движения, призванные быть полем становления социальности, в условиях нового тысячелетия усложняются, меняя свою прежнюю функцию социально-классового представительства на представительство общностей по интересам, и преобразуются – в особенности в случае молодежи – в феномен «молодежных солидарностей» [6].

«Священное НЕТ»

Присущи ли отрицание и протест самому феномену образования? Иначе говоря: подразумевает ли образование адаптационные и воспроизводящие или критические, взрывные, преобразующие функции относительно социума?

Э. Фромм отмечал, что при условии интернализированного (обществом, образованием) страха неповиновение оценивается морально и в результате вызывает чувство вины. Утвержденная последовательность: неповиновение – чувство вины – смирение под страхом наказания – прощение – это порочный круг. Но при культивировании отсутствия протеста (и это неминуемо связано с манипулированием!) человек приходит к риску «стать не-человеком», по А. Швейцера, поскольку «несамостоятельность современного человека по отношению к обществу принимает такой характер, что он уже почти перестает жить собственной духовной жизнью»*.

Авторский тезис состоит в том, что описанную характеристику современного человека следует рассмотреть как проявление инфантилизма, а образование трактовать как доведение до личностной зрелости. У растущего человека качественные скачки в развитии и становление идентичности, происходящие в кризисы возраста, содержат, как необходимый элемент, дух отрицательности. Этот негативизм – путь к отстаиванию независимости и в особенности – к обретению личного опыта в существенных вопросах. В разных этнических культурах учитывалась необходимость прохождения юношества через протестный этап. Но надо различить возрастной, незрелый тип протестности (с проблемами «бун-

*Цитата из А. Швейцера здесь приводится по Э. Фромму [7].

тующего человека» А. Камю), и иной, зрелый тип. Социально взрослый – это тот, кто осознанно берет на себя ответственность (за свое дело, за младших, слабых), а не принимает вмененную ответственность (от старших, власти, институций, анонимного большинства). Так, для состояния зрелости оказывается важна связь способностей к протесту и к осознанной ответственности.

В целом проявление протеста – это активность субъекта как таковая, ведь если «Нет» не исходит из самого индивида, а получено из коллективного источника, тогда его природа – «Да». Идея активного субъекта и самоорганизации вложена в фундамент современных образовательных реформ ФГОС.

Что такое «священное Нет»? Ф. Ницше, описывая стадии достижения человеком состояния «самокатящегося колеса», устами Заратустры говорил: «Завоевать себе свободу и священное Нет даже перед долгом – для этого, братья мои, нужно стать львом». «К чему нужен лев в человеческом духе?.. Создавать новые ценности – этого не может еще лев; но создать себе свободу для нового созидания – это может сила льва».

В сфере познания значение «Нет», воплощаемого в сомнение, критичность, этого «Нет», высказываемого данности, – это сама возможность движения познания. В сфере этического «Нет» – это условие индивидуальных ценностей и идеалов. В сфере социального «Нет» социальной протестности – путь к рефлексивной социальной идентичности человека и, значит, к сознанию и позиции подлинной общности с Другими.

Современному образованию надо принять во внимание значение и преобразующий потенциал «Нет» во всех своих сферах: содержании и методах обучения и воспитания, способах индивидуальной тренировки учащихся, моделях образовательной ситуации, принципах существования школьного сообщества, подходах к взаимодействию с молодежными движениями. И во всех случаях допущение «Нет» – это признание Другого с его собственным, другим, лицом.

Но допущение «Нет» зависит от позиции учителя, которая, возможно, должна соответствовать выраженной Заратустрой («Я велю вам потерять меня и найти себя; и только когда вы все отречетесь от меня, я вернусь к вам!») И эта позиция, по глубокому убеждению автора, зависит от самосознания учителя. Нам всем – а учителю особенно – требуется обнаружить, каково явленное миру цензурирующее Я, источник нашего конформизма, и каково глубинное Я, скрываемое, бесконечно одинокое во всех экзистенциальных опытах:

страстных желаний, бремени долга, страха перед Другими, наконец, смерти.

В итоге: о солидарности

На XXIII Всемирном философском конгрессе в августе 2013 в Афинах Ю. Хабермас сконцентрировал пафос всего своего выступления на солидарности, объясняя ее как феномен, имеющий не этическую, но социальную, политическую природу.

В современном мире, охваченном манипуляциями, достигающими все более коварного и могущественного воздействия виртуальными средствами, нам необходимо осмыслить природу человеческой солидарности как подлинной общности, возникающей в рамках подлинной социальности, и различить ее с неподлинными видами общности и мнимой социальностью. В первом случае к Другим обращается глубинное Я, во втором – цензурирующее Я. Авторский тезис таков: обсуждавшаяся вначале социализация происходит путем принятия Других, общества – путем соглашательства, при котором взаимодействует цензурирующее Я. Следующая необходимая стадия – отрицание, протест, при котором человек дает свободу глубинному Я. Третья стадия – согласно диалектике Гегеля – «снятие». Здесь только возможна зрелая социальность, порождающая солидарность, и зрелый протест, равнозначный ответственности. На стадии зрелости протест не разделен с принятием неминуемого: нежеланного, смерти, Другого.

1. Болотина, Т.В. Воспитание демократической гражданственности (гражданское образование) в общеобразовательных учреждениях Российской Федерации [Текст] / Т.В. Болотина // Гражданское образование и просвещение населения: российский и зарубежный опыт: Международная монография по итогам акций ЮНЕСКО «Неделя образования взрослых» 2012–2013 г. / под ред. В.С. Ткаченко. СПб. : Изд-во «Политехника-сервис», 2013. 310 с.

2. Бурдье, П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля [Текст] / П. Бурдье // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. М. : Институт экспериментальной социологии; СПб. : Алетейя, 1999. С. 125–166.

3. Гессен, С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию [Текст] / С.И. Гессен. М. : Школа-пресс, 1995. 448 с.

4. Зиммель, Г. Избранное. Том 2. Созерцание жизни [Текст] / Г. Зиммель. М. : Юрист, 1996. 607 с.

5. Макинтайр, А. После добродетели: Исследования теории морали [Текст] / А. Макинтайр; пер. с англ. В.В. Целищева. М.: Академический Проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2000. 384 с.

6. Новые молодежные движения и солидарности России [Текст] / под ред. Е.Л. Омельченко, Г.А. Сабировой. Ульяновск : Изд-во Ульяновского государственного университета, 2011. 216 с.

7. Фромм, Э. Иметь или быть? [Текст] / Э. Фромм // Психоанализ и религия; Искусство любить; Иметь или быть? Киев : Ника-Центр, 1998. 400 с.

8. Хоркхаймер, М., Адорно, Т.В. Диалектика Просвещения [Текст] / М. Хоркхаймер, Т.В. Адорно. М.; СПб. : Медиум, Ювента, 1997. 311 с.

9. Штомпка, П. Социология социальных изменений [Текст] / П. Штомпка; пер. с англ., под ред. В.А. Ядова. М. : Аспект Пресс, 1996. 416 с.

10. Caria, T. The Professional Culture of the primary school teacher in Portugal: A line of research undergoing development *Sisifo* [Text] / T. Caria // *Educational sciences journal*. 2007. № 3. P. 121-134.

11. Harris, K. *Education and Knowledge* [Text] / K. Harris. L. : Routledge & Kegan Paul, 1979. 214 p.

References

1. Bolotina T.V. *Vospitanie demokraticheskoj grazhdanstvennosti (grazhdanskoe obrazovanie) v obshheobrazovatel'nyh uchrezhdenijah Rossijskoj Federacii [Upbringing democratic public spirit (civil education) in educational establishments of the Russian Federation] Grazhdanskoe obrazovanie i prosveshhenie naselenija: rossijskij i zarubezhnyj opyt: Mezhdunarodnaja monografija po itogam akcij JuNESKO «Nedelja obrazovanija vzroslyh» 2012–2013 g.* (Civil education and enlightenment of citizens: Russian and foreign experience: International monograph summarizing the results of UNESCO actions "Week of adult education" 2012–2013). St.Petersburg, Izd-vo «Politehnika-servis», 2013, 310 p. (in Russian).

2. Burd'jo P. *Duh gosudarstva: genezis i struktura bjurokraticeskogo polja [Rules of Art: Genesis and Structure of the Literary Field]. Pojetika i politika. Al'manah Rossijsko-francuzskogo centra sociologii i filosofii Instituta sociologii Rossijskoj Akademii nauk* (Poetics and politics. Anthology of Russian-French centre of sociology and philosophy of the Institute of sociology of Russian Academy of science). Moscow, Institut jeksperimental'noj sociologii; St.Petersburg, Aletejja, 1999, pp. 125–166 (in Russian).

3. Gessen S.I. *Osnovy pedagogiki. Vvedenie v prikladnuju filosofiju* [Basis of pedagogics. Introduction to applied philosophy]. Moscow, Shkola-press, 1995, 448 p. (in Russian).

4. *Zimmel' G. Izbrannoe. Tom 2. Sozercanie zhizni* [Selection. Volume 2. Life contemplation]. Moscow, Jurist, 1996, 607 p. (in Russian).

5. Makintajr A. *Posle dobrodeteli: Issledovanija teorii moralj* [After virtue: Researches of moral theory]. Moscow, Akademicheskij Proekt; Ekaterinburg, Delovaja kniga, 2000, 384 p. (in Russian).

6. *Novye molodezhnye dvizhenija i solidarnosti Rossii* [New youth movements and solidarity of Russia]. Ul'janovsk, Izd-vo Ul'janovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2011, 216 p. (in Russian).

7. Fromm Je. *Imet' ili byt'?* [To have or to be?]. *Psihoanaliz i religija; Iskusstvo ljubiti; Imet' ili byt'?* (Psychoanalysis and religion; The art of loving; To have or to be?). Kiev, Nika-Centr, 1998, 400 p. (in Russian).

8. Horkhajmer M., Adorno T.V. *Dialektika Prosveshhenija* [Dialectics of Enlightenment]. Moscow; St.Petersburg, Medium, Juventa, 1997, 311 p. (in Russian).

9. Shtompka P. *Sociologija social'nyh izmenenij* [Sociology of social changes]. Moscow, Aspekt Press, 1996, 416 p. (in Russian).

10. Caria T. *Educational sciences journal*, 2007, no 3. PP. 121–134 (in English).

11. Harris K. *Education and Knowledge*. London, Routledge & Kegan Paul, 1979, 214 p. (in English).

UDC 101.1:316

REMONSTARTIVITY AND SOLIDARITY IN EDUCATION

Kozhevnikova Margarita Nikolaevna,

Russian Academy of Education, Institute of Pedagogical Education and Adult Education, Senior Research Assistant, Candidate of Philosophical Sciences, Saint-Petersburg, Russia.
E-mail: margaritakozh@ya.ru

Annotation

Is there any place for remonstartivity in education? Is it possible to form solidarity in education and what kind? Education being implemented in the "system of education" is usually associated with conformism. What can this association be connected with? With the nature of education as a phenomenon of social institution, providing state and society reproduction and for the sake of that being knitted to the "conformative", "adaptive" function assigned to it? With the social role and self-consciousness of teachers as keepers, guardians and propagators of traditions? Isn't conformity as awareness of belonging to the majority a way to achieve solidarity and isn't it justified ethically as a social mission of education?! These questions are answered in this article which touches upon problems of comprehending educational socialization, "hidden programs", possibilities of using youth movements for socialization, types of teachers' sociality, role of "sacramental NO" in content, methods of education.

Key concepts:

Philosophy of education, conformity, socialization, solidarity.

УДК 316.74: 2

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Антонова Оксана Игоревна,

Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской
Федерации,

Уральский институт-филиал,
доцент кафедры теории и социологии
управления,

кандидат социологических наук,
г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: antonova.oi@yandex.ru

Вольф Вера Сергеевна,

Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской
Федерации,

Уральский институт-филиал,
аспирант кафедры теории
и социологии управления,

г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: volf522@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена проблемам взаимодействия религиозных объединений, принадлежащих к разным конфессиям, и необходимым условиям для межконфессионального диалога, проявлению различного рода толерантности.

Ключевые понятия:

межконфессиональные отношения,
толерантность,
взаимодействие религиозных
объединений.

Декларация принципов толерантности, утвержденная резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года, определяет толерантность как уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Формированию толерантности способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Толерантность – это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира. Она представляет собой активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека. Ни при каких обстоятельствах толерантность не может служить оправданием посягательств на эти основные ценности, толерантность должны проявлять отдельные люди, группы и государства. Толерантность – это обязанность способствовать утверждению прав человека, плюрализма (в том числе культурного плюрализма), демократии и правопорядка [1].

О толерантности в условиях сильной церковной цензуры писал Дж. Локк в «Очерках о терпимости» и «Письмах о терпимости», П. Бейль в нескольких своих философских сочинениях. Как философская категория толерантность была сформулирована в связи с проблемой нетерпимости и первоначально воспринята как осмысление итогов Тридцатилетней войны, в ходе которой представители враждующих религиозных конфессий почти поголовно истребили друг друга.

Значительная часть экспертов признает, что особенности российской и советской истории, связанные с имперским прошлым и советской национальной политикой, во многом обусловили существующие в современном российском обществе формы расизма и расовой дискриминации, ксенофобии и нетерпимости. К изначальным предпосылкам ксенофобии, как отмечает А. Малашенко в статье «Ксенофобии в постсоветском обществе», могут быть отнесены традиции и преставления о роли и идеологии русского (позже – российского) государства: Россия – наследница Византии, Москва – Третий Рим, абсолютная истина – в православии. После революции 1917 года официальная советская идеология фактически санкционировала существование ксенофобии как таковой. Советский Союз и созданное в его рамках общество были провозглашены вы-

сшим достижением человеческой мысли и практики. На смену православию пришел государственный атеизм: «чужаком» стал человек, исповедующий ту или иную религию [2, с. 12–13].

Говоря о религиозной фобии, прежде всего следует остановиться на дискриминации по отношению к новым, «нетрадиционным» религиям – она сегодня особенно остра в России, Центральной и Восточной Европе. Если в столице основная масса не выкрикивает лозунгов, призывающих запретить какие-либо религиозные группы, то в провинции большинство настроено к нетрадиционным религиям крайне отрицательно, забывая при этом о том, что когда-то нашими предками зарождение и распространение христианства или ислама также рассматривалось как воинствующее инакомыслие. Искоренив инакомыслие, государство якобы достигнет желанного единства и порядка. Однако история свидетельствует о том, что насильственными действиями этого не добиться.

Толерантность – это, прежде всего, взаимодействие людей, осуществляющих совместную деятельность, основанную на принципах взаимоуважения и терпимости.

В современном мире, с одной стороны, наблюдается тенденция секуляризации всех сфер общества, а с другой – многоконфессиональными становятся даже те страны, которые исторически таковыми не являлись. Это обуславливает ряд проблем, с которыми сталкиваются представители различных конфессий и органов власти. К таким проблемам, прежде всего, относятся: нахождение границ допустимого влияния религиозных объединений на различные стороны жизни общества и преодоление острого противостояния в межрелигиозных отношениях. Только в условиях диалога между представителями разных конфессий, органами государственной власти, коммерческими организациями и общественными объединениями возможно достижение общих целей.

В связи с увеличением в России за последние десятилетия численности религиозных граждан и конфессиональных объединений разной вероисповедной принадлежности происходит активизация религиозной среды, становится более значительной роль религии в жизни социума.

Мы согласны с Н.Б. Костиной, обращающей внимание в статье «Мировоззренческая толерантность как условие межконфессионального диалога» на то, что, с одной стороны, данные общности, объединяю-

щие российских граждан, не могут оставаться в стороне от современных проблем, с другой – в России за многовековое преобладание православия и семидесятилетнее господство атеистической идеологии не сформировалось традиций терпимого и уважительного отношения к инакомыслию и инакочувствованию, механизмов сотрудничества верующих разной конфессиональной принадлежности. В последние годы необходимость диалога не только между религиозными объединениями и государством, но и между представителями разных конфессий начинает осознаваться как одна из важнейших тенденций современного общества: существует множество систем религиозного сознания и практики, и сторонники каждой из них считают свою веру истинной. Но они должны жить в едином обществе, «строить» отношения вне религиозной сферы с людьми иных воззрений на основе уважения иных взглядов и соблюдения закона [2, с. 89–90].

В 2013 году нами было проведено эмпирическое исследование, посвященное изучению мнений представителей различных конфессиональных объединений и органов государственной власти Свердловской области о проблемах толерантности в межконфессиональных отношениях. Исследование проводилось по инициативе авторов, использовался метод экспертного опроса. В экспертном опросе приняли участие представители религиозных объединений Свердловской области: протоиерей Бачинин Игорь Владимирович, председатель Иоанно-Предтеченского братства Трезвения Русской Православной Церкви; Хантимиров Хайдар Хайдарович, помощник муфтия Уральского муфтията, руководитель мусульманской общины г. Полевского Свердловской области; отец Павел Зырянов, настоятель Христо-Рождественского храма Русской православной старообрядческой церкви в Екатеринбурге; Соскин Яков Менделевич, председатель иудейской религиозной общины при Екатеринбургской синагоге; Бак Леонид Анатольевич, пастор Церкви Христиан Веры Евангельской «Живое слово». А также представитель органов государственной власти Свердловской области Вертегел Григорий Иванович, начальник управления по работе с ветеранами, национальными и религиозными организациями департамента внутренней политики губернатора Свердловской области.

В Свердловской области зарегистрированы 746 религиозных организаций 20-ти

конфессий. Русская православная церковь представлена 502 организациями, старообрядчество – 9 организациями, протестантизм – 119, ислам – 59, иудаизм – 9, Римско-католическая церковь – 4, индуизм – 3, буддизм – 2 и т.д.

Крупнейшими (по количеству приверженцев, членов конфессиональных организаций) религиозными течениями являются православие (Русская православная церковь, Русская православная старообрядческая церковь), протестантизм, ислам, иудаизм. Объединения данных религий составляют более 95% всех религиозных объединений области.

Стоит отметить, что в регионе за последние десятилетия количество религиозных организаций увеличилось более чем на 60 %. Динамика числа зарегистрированных организаций выглядит следующим образом: 2002 год – 439, 2005 год – 557, 2009 год – 645, 2011 год – 663, 2012 год – 691, 2013 – 746. Как и по всей стране, в Свердловской области за эти годы сформировалось разнообразие новых религиозных движений.

Всеми экспертами был отмечен тот факт, что взаимодействие религиозных общностей в Свердловской области носит несистемный характер, ограничивается разовыми мероприятиями – в основном в сферах социальной работы и профилактики экстремизма. В такой ситуации интерес скорее вызывает вопрос об общем уровне толерантности внутри религиозного сообщества. При этом некоторые эксперты отмечали, что определенная напряженность среди представителей различных конфессий существует, и необходима работа в первую очередь органов государственной власти по ее устранению.

Религиозные общности на рубеже XX – XXI веков стали реальным элементом социальной структуры современного российского общества, субъектом-участником решения социальных проблем.

Межконфессиональное взаимодействие и взаимодействие религиозных объединений различной конфессиональной принадлежности с органами власти в Свердловской области ведется по нескольким направлениям. Основными областями сотрудничества являются: социальные проблемы, проблемы экстремизма и международных отношений.

Активное участие в решении социальных проблем ведет практически каждое религиозное объединение области. Основные направления – благотворительность,

помощь малообеспеченным и неимущим, работа с трудными подростками, детьми, оставшимися без попечения родителей, социально-психологическая помощь людям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации, реабилитация наркоманов, работа с беспризорниками и многое другое.

Особое положение в социальной деятельности религиозных общностей области занимает Екатеринбургская митрополия Русской православной церкви, имеющая огромный опыт в её организации.

Основными направлениями социальной деятельности митрополии являются: просветительская деятельность, реализация благотворительных проектов, социальное служение в реабилитационных центрах, тюрьмах, приютах, организация бесплатного благотворительного питания, деятельность благотворительных организаций «Колыбель», «Милосердие», «Жизнь», общества «Трезвение», оказание помощи отказанным детям, детям из детских домов и интернатов и многие другие.

Значительную социальную работу ведут духовные управления мусульман Свердловской области. Они оказывают благотворительную поддержку и помощь ветеранам, участникам Великой Отечественной войны и труженикам тыла, престарелым, социально незащищенным людям, мусульманам, находящимся в местах лишения свободы. Так, при Духовном управлении мусульман Урала уже много лет действует Совет по работе с национальными общинами, созданный при Соборной мечети г. Екатеринбурга и ведущий большую работу прежде всего с трудовыми мигрантами из стран СНГ, Центральной и Средней Азии.

Средоточием социальной работы иудейских общин является Екатеринбургский еврейский общинный центр-синагога. Особое место занимают такие социальные программы, как благотворительная столовая, оказание гуманитарной помощи, «Еврейская ассоциация ветеранов войны», служба знакомств, агентство по трудоустройству, консультации юристов и психологов, горячая линия по антисемитизму.

Большую социальную работу ведут протестантские церкви. На базе протестантских церквей области построено около 20 реабилитационных центров. Протестанты активно работают с беспризорниками, людьми без определенного места жительства, наркозависимыми.

Старообрядческие организации системной социальной работы не ведут ввиду отсутствия кадров и финансов.

Все сказанное свидетельствует о том, что перечисленные виды деятельности могут осуществляться объединенными усилиями религиозных организаций разной конфессиональной принадлежности, стать полем формирования и проявления толерантности. Тем не менее анализ как осуществляемой деятельности, так и результатов опроса экспертов показал, что взаимодействие в сфере социальной работы ограничивается участием представителей религиозных организаций в общих мероприятиях, таких как 22 июня – День скорби и печали, траурные мероприятия, посвященные жертвам сталинских репрессий, 4 ноября – День народного единства. Ввиду специфики государственной политики официальное сотрудничество существует только между представителями Русской православной церкви, иудеями и традиционными мусульманами. Однако и между представителями данных конфессий отношения складываются в зависимости от позиции духовных лидеров. Всеми экспертами было отмечено, что светская активность в налаживании межрелигиозного диалога была наиболее высокой, когда во главе Екатеринбургской митрополии стоял Владыка Викентий. Будучи по происхождению молдаванином, он выстраивал толерантную национальную и религиозную политику. При нем были созданы и действовали различные общественные советы, такие как «Институт человека», где для обсуждения вопросов религии, семьи и патриотического воспитания собирались за общим столом представители религиозных организаций, ученого сообщества и органов государственной власти. На данный момент (ввиду потери спонсора и интереса православных лидеров к данной форме взаимодействия) этот институт не функционирует. Представители религиозных организаций, традиционно функционирующих на территории Свердловской области, принимали также участие в заседаниях общественного совета по контролю за оборотом наркотиков.

Сегодня определенную работу ведет Межрелигиозный совет при губернаторе Свердловской области, однако, по мнению, представителей органов государственной власти, участие в его заседаниях представителями религиозных организаций воспринимается без особого энтузиазма. Межрелигиозный совет – скорее форма государственно-конфессионального диалога, нежели межрелигиозного. На заседаниях совета обсуждаются вопросы духовно-патриотического воспитания молодежи, воз-

рождения семейных ценностей, недопущения нравственного разложения общества.

Одним из немногих примеров активного межрелигиозного сотрудничества является объединение усилий «традиционных религиозных организаций» в процессе внедрения курса основ религиозных культур и светской этики в общеобразовательных учреждениях. В рамках данного проекта были созданы различные советы как на региональном уровне (во главе с бывшим председателем правительства Свердловской области А.Л. Грединым), так и на местном – во многих муниципалитетах региона.

По поводу взаимодействия в сфере профилактики экстремизма и гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений экспертами было отмечено следующее.

Проблема религиозного экстремизма в Свердловской области предопределена раздробленностью в мусульманском сообществе региона. В отличие от православия, в исламской среде нет не только общего канонического главы, но и признанной группы авторитетных духовных лидеров, выступающих с единых позиций.

Исламское сообщество на Среднем Урале представляют 59 мусульманских организаций. Из них – 4 централизованных и 55 местных религиозных организаций.

Региональное духовное управление мусульман Свердловской области, Казыятское управление мусульман Свердловской области, Мусульманское духовное собрание Свердловской области зарегистрированы Главным управлением Министерства юстиции по Свердловской области. Духовное управление мусульман Урала получило регистрацию в Министерстве юстиции Российской Федерации как межрегиональное (имеет в своём составе одну местную религиозную организацию из Пермского края). В апреле 2013 года зарегистрировалась пятая региональная организация – Духовное управление мусульман Свердловской области (Центральный муфтият), которая объединила три местные организации.

Ряд местных организаций входят напрямую в Духовное управление мусульман Европейской части России или зарегистрированы как независимые, т.е. не входящие ни в одну из централизованных.

По мнению представителей мусульманских организаций, сотрудничающих с органами государственной власти в вопросах борьбы с экстремизмом, тревожным фактором является миграция из Средней

Азии. В последние годы на территории Свердловской области был зафиксирован ряд фактов подпольного распространения радикального ислама. Кроме того, благодатной почвой для распространения экстремизма является молодежная среда. Молодые мусульмане, получившие систематическое исламское образование в арабских странах, распространяют на территории области нетрадиционный ислам, опираясь на поддержку из государств, где получили религиозное образование. Представители мусульманских организаций открыто говорят о том, что периодически на имамов и прихожан оказывается давление со стороны религиозных групп радикального толка.

Профилактика экстремизма в Свердловской области реализуется на базе работы по исполнению областной целевой программы «Патриотическое воспитание граждан в Свердловской области» на 2011–2015 годы. Лидеры традиционных религиозных организаций систематически участвуют в работе Комиссии по профилактике экстремизма совместно с представителями государственной власти и силовых структур. Распространена практика лекций, семинаров, круглых столов с участием членов комиссий, ведущих активную просветительскую работу.

На сегодняшний момент наиболее актуальные проблемы в религиозной сфере на территории области связаны с взаимоотношениями Русской православной церкви и иными христианскими религиозными организациями и проявлением религиозного экстремизма.

Безусловно, привилегированное положение Русской православной церкви, а также реальное выделение традиционных религий (вопреки провозглашенному Конституцией РФ равенству перед законом религиозных объединений и запрету установления государственной религии) предопределило маргинализацию иных религиозных объединений.

Представители старообрядчества и протестантов в Свердловской области отмечают, что испытывают информационную блокаду в отношении деятельности своих организаций. Средствами массовой информации не освещаются многочисленные мероприятия в сфере социальной работы, проводимые данными организациями, их представители не участвуют в различных формах государственно-конфессионального взаимодействия.

Кроме того, по словам представителей многочисленных протестантских цер-

квей области, в рамках реализации социальной работы они испытывают открытое притеснение. До сих пор распространен стереотип, что единственная цель протестантских, католических и иных организаций, функционирующих на территории российских регионов, это распространение враждебного западного влияния в России. В Свердловской области только протестантизм представляют более ста организаций, Христиане веры евангельской – пятидесятники – образовали в области 53 организации; адвентистских организаций, зарегистрированных на территории Свердловской области – 13, Церковь христиан веры евангельской имеет 7 организаций и т.д.

По мнению экспертов, стереотипное отношение в обществе подогревается неоднозначностью позиции Русской православной церкви в отношении деятельности этих организаций. На практике протестантов попросту гонят из тюрем, детских домов и реабилитационных центров, обвиняя в посягательстве на чужой приход.

Причиной такого положения данных церквей, по мнению экспертов, является своеобразие российской веротерпимости, которое состоит в том, что она относится к сфере прав народов, а не прав человека. Отношение конкретного человека к религии оценивается окружающими с учётом этноконфессионального контекста, в котором этнический русский должен быть православным, татарин, башкир – мусульманином и так далее. Православие идентифицирует русских, поэтому русский баптист вызывает в России настороженность. Неоосведомленность, неграмотность в сфере религий породила миф о том, что неправославные христиане есть сектанты.

Напряженность сохраняется в среде мусульманских организаций. Как уже было сказано, отсутствие согласия между многочисленными мусульманскими организациями не позволяет мусульманскому сообществу противостоять распространению радикального ислама. Кроме того, отсутствие единой политики исламских организаций формирует определенную напряженность в обществе в отношении этих организаций и их представителей. На бытовом уровне эта ситуация проявляется в отсутствии представления у большинства россиян о разделении понятий традиционного и радикального ислама, что является потенциальной основой для социального конфликта.

Всеми опрошенными экспертами было отмечено, что, несмотря на доктринальные

различия и исторические и идеологические предпосылки, необходимость взаимодействия религиозных общностей существует. Сферами совместной работы, в том числе и с органами государственной власти, были названы молодежная, семейная, патриотическая и миграционная политика.

Функция по блокированию напряженности в межрелигиозной среде и созданию атмосферы толерантности в обществе всеми опрошенными была возложена на органы государственной власти. Формами реализации данной функции были названы совместные социальные акции.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что религиозные объединения выступают активным субъектом в различных областях жизни общества, и задачей органов власти на всех уровнях является не только решение вопросов по регистрации религиозных объединений, взаимоотношения с этими объединениями, но и гармонизация отношений между общностями различной конфессиональной принадлежности, содействие в преодолении противостояния между ними.

1. Декларация принципов терпимости. Принята в г. Париже 16.11.1995 Резолюцией 5.61 на 28-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=6244> (дата обращения: 30.10.2013).

2. Костина, Н.Б. Мирозренческая толерантность как условие межконфессионального диалога [Текст] / Н.Б. Костина // Вопросы политологии и социологии. № 2 (3), 2012. С. 83–89.

3. Малашенко, А. Ксенофобии в постсоветском обществе (вместо введения) [Текст] / А. Малашенко // Нетерпимость в России. Старые и новые фобии. М.: Московский Центр Карнеги, 1999. С. 12–13.

References

1. Deklaracija principov terpmosti. Prinjata v g. Parizhe 16.11.1995 Rezolucijej 5.61 na 28-oj sessii General'noj konferencii JuNESKO, available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=6244> (accessed 30 October 2013) (in Russian).

2. Kostina N.B. Voprosy politologii i sociologii, 2012, № 2 (3), pp. 83–89 (in Russian).

3. Malashenko A. Ksenofobii v postsovetском obshhestve (vmesto vvedeniija) [Xenophobia in post Soviet society (instead of the introduction)]. Neterpimost' v Rossii. Starye i novye fobii (Intolerance in Russia. Old and new phobias). Moscow, Moskovskij Centr Karnegi, 1999, pp. 12–13 (in Russian).

UDC 316.74: 2

TOLERANCE IN INTER-CONFESSIOAL RELATIONS IN SVERDLOVSK REGION

Antonova Oksana Igorevna,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ural Institute – Branch, Associate Professor of the Chair of Theory and Sociology of Management, Candidate of Sociological Sciences, Yekaterinburg, Russia.
E-mail: antonova.oi@yandex.ru

Volf Vera Sergeevna,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ural Institute – Branch, Post-graduate Student of the Chair of Theory and Sociology of Management, Yekaterinburg, Russia.
E-mail: volf522@yandex.ru

Annotation

The article is related to the problems of interrelations of different religious communities, belonging to different confessions and to the necessary condition for inter-confessional dialogue – tolerance.

Key concepts:

Inter-confessional relations, tolerance, interaction of religious communities.

УДК 321

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Ляхов Виктор Павлович,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления – филиал, докторант, кандидат политических наук, г. Ростов-на-Дону, Россия.
E-mail: sovet_moro@mail.ru

Аннотация

В данной статье автор раскрывает многочисленные оттенки того спора, который развернулся вокруг проблемы политической модернизации России в научной среде, параллельно обозначая свои позиции и научные теоретические относительно этого дискуссионного вопроса.

Ключевые понятия:

политическая модернизация, местное самоуправление, демократические отношения, гражданское общество, Россия.

Модернизации России, в том числе политической, отечественные ученые уделяют значительное внимание. Спектр проблем, поднимаемых при этом, также весьма широк: от институциональных оснований, факторов и ресурсов реализации до анализа рисков и угроз, а также модернизационных преобразований в современном социально-политическом пространстве России.

В качестве основного фактора низкой эффективности модернизационных преобразований, помимо их несоответствия социокультурной специфике российского общества и его слабой готовности к ним, называется крайне низкий уровень доверия к власти в России [2; 10; 12; 18].

Основной спор в научном сообществе развернулся вокруг вопроса о модели модернизационного проекта, который может быть реализован в российском обществе. Этот спор не утихает с того самого момента, как политической элитой страны активно стал использоваться концепт «модернизация», а момент этот, по мнению российских исследователей, наступил в 2009 году [6, с. 15].

В зависимости от того, каким будет ответ на данный спорный вопрос и, соответственно, выбор стратегии, будет складываться расстановка основных сил и социальных ресурсов политической модернизации, вопрос об акторах которой напрямую связан с проблемой выбора ее модели для России.

Сказать определенно, какая модель нужна России и какая модель реализуется на данный момент, пока сложно. Столь же дискуссионным остается вопрос о политических субъектах модернизации в России, и, например, О.Н. Яницкий артикулирует этот вопрос следующим образом: кто должен быть мотором, двигателем грядущих преобразований – власть в лице номенклатуры, т.е. лидеров сложившейся административно-командной системы с приглашением «варягов» в виде экспертов и наставников с Запада, или без них, на самостоятельной основе – со всей мощью регулятивных и силовых структур, или же слабое, но образованное и политически активное меньшинство, которое выступает активным ядром гражданского общества, взаимодействующим с такими же инициативными группами на Западе [19, с. 125]?

Основная идея модернизации, по мнению Р. Инглхарт, состоит в том, что экономический и технологический прогресс порождают комплекс социально-политических трансформаций, а они, в свою очередь, ведут к радикальным переменам в ценностях и мотивации [9, с. 166], что ста-

новится источником изменения в различных сферах жизнедеятельности общества: в семейной, религиозной, профессионально-трудовой, политической. Модернизационные изменения ужесточают требования к элитам, к уровню ответственности с их стороны за реализацию выбранного социально-экономического и политического курса, а также модель модернизационных преобразований.

Несмотря на то что модернизация уже полным ходом реализуется, остается еще очень много неясного и противоречивого с научной точки зрения. Существующее дискуссионное пространство относительно ответа на вопросы о том, какая модель модернизации реализуется в России и какая ей необходима для решения основной задачи – демократизации страны, политического пространства и политических отношений, также противоречиво и разносторонне.

Одни исследователи полагают, что «догоняющая» модернизация как институциональный перенос западных экономических и социальных образцов воспроизводит эффект демодернизации и возврата к сословности, структурам взаимопомощи и клиенталистского образа жизни населения, в то время как инерционный сценарий копирует иерархию, централизованность и «стабильность» мобилизационного общества, которая не обеспечит модернизационный прорыв, а наоборот – обеспечивает «скольжение вниз» [7, с. 203, 205].

Другие полагают, что российская правящая элита не определилась, какая модернизация, модернизация чего именно стране необходима: технологическая, экономическая, политическая или все вместе, так что ни о какой модели модернизации в современном российском обществе пока не может идти и речи, что, в свою очередь, и выступает причиной низкого эффекта от реализации модернизационного проекта, лишённого своей идеологической основы [20, с. 18].

Что же говорят данные социологии о тех или иных идеях в глазах современных россиян, которые должны составлять основу модернизации в России? Данные всероссийского социологического исследования показывают, что ключевой для российской модернизации идеей, по мнению большинства опрошенных россиян, выступает идея соблюдения прав человека, равенства всех перед законом как наиболее универсальная на современном этапе развития российского общества; следующими по степени важности для россиян

стоят идея жесткой борьбы с коррупцией и идея обеспечения социальной справедливости [3, с. 33–35].

Анализируя обозначенный набор ключевых идей модернизации России, можно сделать вывод, что в стране назрели проблемы, решение которых невозможно без реализации активной позиции государства, которое выступает главным политическим актором модернизации, но пока еще не в состоянии решить эти чрезвычайно важные проблемы. Это актуализирует необходимость пристального внимания со стороны исследователей к государству как главному политическому актору модернизации России.

И все же, несмотря на то, что еще нет четких ориентиров и идеологической основы модернизации в России, ту модель модернизации, которая реализуется в России, можно назвать технбюрократической, и именно ориентация на ее реализацию выступает основным источником дальнейшего отставания России от Запада, поскольку продуцирует в итоге модернизацию догоняющего типа.

Идеологической основой российской модернизации должна стать при этом гуманитарная концепция развития, в рамках которой возможно реализовать необходимую для России социально-гуманитарную модернизацию. Ее разработка и внедрение предполагает активное участие гражданских организаций при публичности обсуждения как проблемы модернизации в России, так и механизма ее реализации. Другими словами, основным актором модернизации в предлагаемом проекте выступает гражданское общество в лице гражданских организаций, структур.

В рамках подобных рассуждений сформировалась, на наш взгляд, весьма методологически перспективная концепция проектной стратегии целостного социального развития, базирующаяся на методологическом ядре структурационной модели модернизации, в рамках которой происходит окончательный отказ от односторонней линейной модели модернизации как движения в сторону западных институтов и ценностей, а под модернизацией при этом понимается «модернизационный «ответ» на «вызовы» локальной цивилизационной системы» [8, с. 34].

Данная концепция противостоит идейным установкам так называемого формационного подхода, постулирующего универсальный проект развития человеческой цивилизации и отстаивающего позиции уникальности характера и типа общественного развития и процесса модернизации.

Подобный модернизационный проект реализуется в том случае, когда политическая элита не видит возможности сохранить традиционный образ социально-политической системы, но с учетом того, что имеющиеся в обществе традиции, сформировавшиеся в ходе исторического развития, оказывают непосредственное влияние на ход модернизации, сдерживая или ускоряя ее ход в зависимости от того, открыто или закрыто «окно политических возможностей» для масштабных социальных трансформаций и их адекватного восприятия со стороны данного общества.

Являясь наиболее многогранной в оценке процессов модернизации, «проектная стратегия» заострена на практическую политологическую разработку, так как в ее методологических рамках постулируется идея, что в контексте государственной политики проводится синтез целей модернизации с особенностями, присущими конкретному обществу, и на этом основании определяются структурные ограничения их реализации.

В рамках проектной стратегии и модернизации на ее основе надо учитывать ценностную составляющую, которая позволяет о каждом обществе говорить как об уникальном явлении со своими сложившимися политическими и культурными традициями, а посему модель социально-гуманитарной модернизации следует рассматривать как концептуально более близкую российским условиям, и, соответственно, проектный подход, исходящий из данной концепции, должен быть более адекватен современным обстоятельствам.

Действительно, каждое общество дифференцируется и структурируется по своим ценностным основаниям, которые определяют его облик, его социальный потенциал и капитал, возможности и ограничения модернизации. В этой связи ограничением политической модернизации России следует считать социокультурный раскол [1; 13], происшедший в стране после перехода к рыночным отношениям и шоковой терапии, который перенес народ в рамках этого перехода.

Социокультурное пространство российского общества на данный момент представляет собой хаотичное переплетение разнонаправленных и противоположных ценностных ориентаций, установок, которые дифференцируются по критерию приверженности традиционным и модернизационным ценностям, и, соответственно, могут быть разделены на традиционную и модернизационную ценностные группы.

Традиционная система ценностей олицетворяет исторически сложившуюся российскую систему ценностей, преемницей которой стала советская система ценностей, так как в ее основе находились традиционные для граждан страны коллективистские ценности, установки, определявшие поведение и мышление россиян на протяжении всей истории развития российского государства. В противоположность ей, модернистская система ценностей, носителями которой выступают в основном поколения перестройки и постсоветского периода, в своей основе содержит рационально-индивидуалистические ценности западного общества, которое изначально развивалось в рамках данной ценностной парадигмы, ставшей основой рационально-индивидуалистической духовной и материальной культуры Запада.

Понятно, что при построении целей и задач модернизации общества необходимо провести глубокий анализ ее ценностной составляющей как социального капитала, на который опирается любое государство в процессе реализации модернизационного проекта.

Важность и первостепенность гуманитарной составляющей процесса модернизации отмечает И.В. Гурлев, который пишет, что «первоочередной и главнейшей задачей развития страны является воспитание и образование граждан, прежде всего нынешней школьной и студенческой молодежи, т.к. они станут основной силой, участвующей в модернизации и инновационном развитии России» [5, с. 18].

Эта же мысль является ключевой в умозаключениях Н.Е. Тихоновой, которая указывает в качестве первостепенного факта тот, что успешная реализация модернизационного проекта в нашей стране невозможна без существенного улучшения ситуации в России и сближения модернистского проекта с базовыми нормами и ценностями россиян. Эта идея прослеживается также в ряде фундаментальных работ данной исследовательницы по модернизации и среднему классу, как движущей силе этого процесса в российском обществе [11; 16–17].

Безусловно, модернизация должна опираться на определенные социальные ресурсы, и невозможно рассчитывать на успех, если нет соответствующей почвы для реализации модернизационного проекта.

Стране нужна не одноотраслевая, социально и политически ограниченная мо-

дернизация, а системная модернизация, с признанием того, что для выживания России в современном мире и повышения ее конкурентоспособности и благосостояния граждан модернизация имеет судьбоносное значение [3, с. 7].

Системная модернизация России обусловлена системным характером ее трансформации, и этот процесс, связанный с переходом к «нормальности» в формировании гражданского общества, плюралистической демократии и социального рыночного хозяйства, состоится не завтра и даже не послезавтра [4, с. 141], хотя шансы благополучного завершения этого движения России к демократическому обществу и государству еще сохраняются, тем более что приоритетным направлением демократического развития и условием повышения качества экономического роста является достижение высокой эффективности государственного и местного самоуправления [14, с. 171; 15, с. 7–9].

Резюмируя сказанное выше, мы приходим к выводу, что в современной России, учитывая многопрофильный характер ее региональных социумов, следовало хотя бы в порядке социально-политического экспериментирования апробировать три модели региональных политических режимов для последующей реализации программы модернизации. К основным моделям этих режимов можно отнести следующие типы: ориентированный на по преимуществу возрожденные системы традиционных социальных ценностей (регионы республик Северного Кавказа, Татарстан, Башкортостан); ориентированные в основном на эгалитарные социальные ценности (малые города, сельские поселения); ориентированные на ценности по преимуществу либерального характера (российские мегаполисы). В рамках этих моделей преобладают разные типы политической культуры, и поэтому пока не может быть сформирована единая «дорожка» политической модернизации. Это будут разные «дорожки», которые в будущем могут сближаться, конвергировать. Таковой видится облик новой «маршрутной карты» политической модернизации в современной России.

1. Бондар, А.В. Социокультурный раскол и развитие российской государственности [Текст] / А.В. Бондар // Власть. 2009. № 3. С. 9–12.

2. Вахтина, М.А. Доверие к государству как фактор повышения его эффективности [Текст] / М.А. Вахтина // JOURNAL OF INSTITUTIONAL STUDIES (Журнал институциональных исследований). 2011. № 3. Том 3. С. 57–65.

3. Готово ли российское общество к модернизации? [Текст] / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крума, Н.Е. Тихоновой. М.: Изд-во «Весь мир», 2010. С. 33–35.

4. Гринберг, Р.С. Системный анализ российской трансформации [Текст] / Р.С. Гринберг // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 141–144.

5. Гурлев, И.В. Обретение будущего: кто будет модернизировать Россию? [Текст] / И.В. Гурлев // Власть. 2011. № 10. С. 16–18.

6. Гусев, Д.В. Проблема модернизации как основного элемента государственной коммуникации в современной России [Текст] / Д.В. Гусев, С.В. Устинкин // Власть. 2010. № 7. С. 15–18.

7. Дятлов, А.В. Социальные ресурсы развития российского общества [Текст] / А.В. Дятлов. Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2004. 224 с.

8. Зворыкин, Б.Д. О теории и практике современной социальной модернизации [Текст] / Б.Д. Зворыкин // Власть. 2009. № 1. С. 33–38.

9. Инглхарт, Р. Модернизация и демократия [Текст] / Р. Инглхарт / в кн. Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века / Центр исследований постиндустриального общества. М.: Издательство «Европа», 2010. 464 с.

10. Магомедов М.Г. Социальное доверие в Ростовской области [Текст] / М.Г. Магомедов. М.: Социально-гуманитарные знания, 2008. 192 с.

11. Мареева, С.В. Средний класс: теория и реальность [Текст] / С.В. Мареева, Н.Е. Тихонова. М.: Альфа-М, 2009. 320 с.

12. Москвин, Л.Б. Власть и общество: проблема доверия [Текст] / Л.Б. Москвин // Власть. 2011. № 9. С. 7–10.

13. Патрушев, С.В. Социокультурный раскол и проблемы политической трансформации России [Текст] / С.В. Патрушев, А.Д. Хлопин // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 6. М.: ИС РАН, 2007. 320 с.

14. Понделков, А.В. Муниципальная реформа на уровне городских и сельских поселений – предмет дискуссий экспертного сообщества России и Германии [Текст] / А.В. Понделков // Власть. 2011. № 7. С. 171–174.

15. Рудой, В.В. Проблема эффективности политического руководства современными модернизационными процессами в России: элитологический аспект [Текст] / В.В. Рудой, А.В. Понделков, А.М. Старостин // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2010. № 4. С. 6–12.

16. Тихонова, Н.Е. Социальная стратификация в современной России. Опыт эмпирического анализа [Текст] / Н.Е. Тихонова. М.: Институт социологии РАН, 2007. 320 с.

17. Тихонова, Н.Е. Социокультурная модернизация в России (опыт эмпирического анализа) [Текст] / Н.Е. Тихонова // Общественные науки и современность. 2008. № 2; 3. С. 5–23.

18. Халий, И.А. Власть и общество: в поисках взаимодействия [Текст] / И.А. Халий // Власть. 2012. № 9. С. 16–20.

19. Яницкий, О.Н. Модернизация, концепция реформ и социальные реалии [Текст] / О.Н. Яницкий / Россия реформирующаяся: Ежегодник-2010 / отв. ред. чл.-корр. РАН М.К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2010. 368 с.

20. Яницкий, О.Н. Социальные ограничения модернизации России [Текст] / О.Н. Яницкий // Социологические исследования. 2010. № 7. С. 17–27.

References

1. Bondar A.V. *Vlast'*, 2009, no. 3, pp. 9–12 (in Russian).
2. Vahtina M.A. *JOURNAL OF INSTITUTIONAL STUDIES (Zhurnal institucional'nyh issledovanij)*. 2011, no. 3, Volume 3, pp. 57–65 (in Russian).
3. *Gotovo li rossijskoe obshhestvo k modernizacii?* [Is the Russian society ready for modernization?]. Moscow, Izd-vo «Ves' mir», 2010, pp. 33–35 (in Russian).
4. Grinberg R.S. *Sociologicheskie issledovanija*, 2010, no. 9, pp. 141–144 (in Russian).
5. Gurlev I.V. *Vlast'*, 2011, no. 10, pp. 16–18 (in Russian).
6. Gusev D.V., Ustinkin S.V. *Vlast'*, 2010, no. 7, pp. 15–18 (in Russian).
7. Djatlov A.V. *Social'nye resursy razvitija rossijskogo obshhestva* [Social resources for developing the Russian society]. Rostov-on-Don, SKNC VSh, 2004, 224 p. (in Russian).
8. Zvorykin B.D. *Vlast'*, 2009, no. 1, pp. 33–38 (in Russian).
9. Inghart R. Modernizacija i demokratija [Modernization and democracy]. *V kn. Demokratija i modernizacija: k diskussii o vyzovah XXI veka. Centr issledovanij postindustrial'nogo obshhestva* (in the book Democracy and modernization: on the discussion about challenges of XXI century. Center of Researches of postindustrial society). Moscow, Izdatel'stvo «Evropa», 2010, 464 p. (in Russian).
10. Magomedov M.G. *Social'noe doverie v Rostovskoj oblasti* [Social trust in Rostov region]. Moscow, Social'no-gumanitarnye znaniya, 2008, 192 p. (in Russian).
11. Mareeva S.V., Tihonova N.E. *Srednij klass: teorija i real'nost'* [Middle class: theory and reality]. Moscow, Al'fa-M, 2009, 320 p. (in Russian).
12. Moskvina L.B. *Vlast'*, 2011, no. 9, pp. 7–10 (in Russian).
13. Patrushev S.V., Hlopin A.D. *Rossija reformirujushhajasja, Ezhegodnik*, Edition 6. Moscow, IS RAN, 2007, 320 p. (in Russian).
14. Ponedelkov A.V. *Vlast'*, 2011, no. 7, pp. 171–174 (in Russian).
15. Rudoj V.V., Ponedelkov A.V., Starostin A.M. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS*, 2010, no. 4, pp. 6–12 (in Russian).
16. Tihonova N.E. *Social'naja stratifikacija v sovremennoj Rossii. Opyt jempiricheskogo analiza* [Social stratification in modern Russia. Experience of empiric analysis]. Moscow, Institut sociologii RAN, 2007, 320 p. (in Russian).
17. Tihonova N.E. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, 2008, no. 2, 3, pp. 5–23 (in Russian).
18. Halij I.A. *Vlast'*, 2012, no. 9, pp. 16–20 (in Russian).
19. Janickij O.N. Modernizacija, koncepcija reform i social'nye realii [Modernization, conception of reforms and social realias]. *Rossija reformirujushhajasja: Ezhegodnik-2010* (Reforming Russia: Annual report-2010). Moscow, Novyj hronograf, 2010, 368 p. (in Russian).
20. Janickij O.N. *Sociologicheskie issledovanija*, 2010, no. 7, pp. 17–27 (in Russian).

UDC 321

POLITICAL MODERNIZATION IN RUSSIA: A THEORETICAL DISCOURSE

Lyakhov Viktor Pavlovich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South Russian Institute, Doctoral Student, Candidate of Political Sciences, Rostov-on-Don, Russia.
E-mail: sovet_moro@mail.ru

Annotation

In this article the author reveals numerous shades of the dispute, which has spread around the issue of political modernization of Russia in the scientific community, in parallel indicating his position and scientific theoretical views of the discussion issue.

Key concepts:

political modernization, local self-government, democratic relations, civil society, Russia.

УДК 323

ПРОБЛЕМА КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА НЕОЛИБЕРАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Хмелинин Алексей Алексеевич,

Уральский федеральный университет
им. Первого Президента России
Б.Н. Ельцина, аспирант,
Екатеринбург, Россия.
E-mail: xalexan@inbox.ru

Русакова Ольга Фредовна,

Российская академия наук,
Уральское отделение,
Институт философии и права,
заведующая отделом философии,
главный редактор журнала
«Дискурс-Пи», доктор политических
наук, профессор,
Екатеринбург, Россия.
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Аннотация

В данной статье авторы рассматривают критику неолиберализма как доминирующую доктрину и глобальную политическую стратегию, изложенную в публикациях и выступлениях представителей различных идейных течений в современной политической философии. Исследовательская проблема заключается в методологической множественности концептуальных оснований политической доктрины неолиберализма. Однако наибольшую солидарность представители различных направлений политической философии проявляют в отношении будущего неолиберальной идеологии: многочисленные модели альтернативного посткапиталистического развития свидетельствуют об утрате неолиберализмом доминирующей позиции как в идеологическом, так и в глобальном политическом и экономическом пространстве.

Ключевые понятия:
неолиберализм,
критический анализ,
Вашингтонский консенсус,
гибридность,
глобализация,
политическая философия.

1.

Современный неолиберализм – многогранное идейно-политическое явление. Это и политическая философия как концептуально-теоретический базис определенной политической идеологии, и политическая стратегия, определяющая вектор развития и трансформаций различных политических субъектов. Это и живая политическая практика, направленная на реализацию принципов и стратегических установок неолиберальной доктрины.

С превращением неолиберализма в конце XX столетия в доминирующую доктрину и глобальную политическую стратегию заметно усилилась его критика в широких интеллектуальных кругах. Значительный вклад в критическое осмысление неолиберализма внесли представители различных идейных течений в современной политической философии – от неомарксистов и антиглобалистов до коммунаристов и либертарианцев.

Сегодня комплексный анализ существующих концептуальных моделей неолиберализма, в особенности тех, которые представляют собой весьма критическое осмысление данного феномена, является одной из наиболее актуальных теоретико-методологических проблем современной политической философии.

В настоящее время в политологических исследованиях можно обнаружить множество разнообразных трактовок неолиберализма, его критических оценок и способов интерпретации. В представленной статье проводится систематизированный анализ наиболее распространенных подходов к осмыслению неолиберализма как политической доктрины и политической практики. Особое внимание уделяется концепциям, в которых неолиберализм выступает предметом научной и политической критики, при этом производится сравнительный анализ различных критических подходов к осмыслению неолиберализма в современной литературе.

Проведенный нами анализ разнообразных определений и трактовок неолиберализма [21, с. 260] позволил выделить две основные концептуальные позиции. Во-первых, это понимание неолиберализма как неклассического продолжения либеральной традиции в условиях глобального экономического кризиса и роста социальных движений, что позволяет авторам отнести воплощенную на практике модель к либерализму кейнсианского типа.

Во-вторых, под неолиберализмом подразумевается политическая доктрина и соответствующая ей политическая практика, обозначаемые понятием «Вашингтонский консенсус», с которым связываются особенности современных процессов глобализации и тренды новейшей геополитики.

Под неолиберализмом, который трактуется с первой позиции, по сути подразумевается некий синтез либеральных и социал-демократических идей, для которого больше бы подошло название «новый либерализм». Именно это название используется рядом авторов для обозначения воззрений, в основе которых лежит идея объединения либеральной теории с концепцией социального государства [22, с. 133].

В настоящее время новый либерализм получил определенное идеологическое развитие в коммунитаризме, в основе которого лежит критика либеральной индивидуализма и социальной политики, проводимой государствами, разделяющими позицию «Вашингтонского консенсуса» [11, с. 95]. В связи с этим мы считаем, что коммунитаризм, как разновидность нового либерализма, скорее противостоит неолиберализму, чем является его идейно-политическим выражением. Поэтому было бы более логично обозначать термином «неолиберализм» то, что его многочисленные критики связывают с доктринальными установками «Вашингтонского консенсуса» и проводимой в его духе глобализацией.

2.

Большинство претензий, выдвигаемых критиками неолиберализма в адрес проводников идей «Вашингтонского консенсуса» и его стратегии глобализации, связаны с упреком отхода от принципов либеральной демократии [19, с. 223].

В разных странах неолиберализм имеет собственные историко-политические корни и специфические черты, что позволяет говорить о национальных моделях неолиберализма [23, с. 34]. С учетом различных социально-политических и экономических условий, в которых эволюционировал неолиберализм в России и на Западе, можно выделить направления, по которым осуществляется критика неолиберализма в российской политической философии, и сравнить содержание и характер данной критики с зарубежными критическими трактовками неолиберализма. В то же время существует много общих моментов

в критических оценках неолиберализма, представленных в работах российских и зарубежных авторов. Как правило, акценты делаются на следующие негативные последствия неолиберальной политики:

- резкий рост экономического, социального и правового неравенства на уровне государств, социальных групп и индивидов; особенно ужасающий уровень расслоения в российской действительности;

- коммерциализация социальной и духовной сфер российского общества;

- увеличивающееся различие в доступе к властным, информационным и материальным ресурсам, растущее так называемое «цифровое» неравенство;

- увеличение относительной и абсолютной бедности;

- концентрация политической власти у отдельных игроков (могущественные «развитые» страны, международные организации, прежде всего финансовые, и отдельные индивиды, сравнимые по своему экономическому статусу с государствами) при отсутствии демократической ответственности;

- появление и усиление экономической власти транснациональных и многонациональных корпораций, которые фактически управляют глобальной экономикой, делая роль суверенных государств в этом процессе номинальной;

- усиливающиеся тенденции расизма, национализма и этноцентризма.

В российских исследованиях политическая практика неолиберализма напрямую связывается с курсом радикальных реформ 1990-х годов. Оценки данного курса имеют в основном негативный оттенок: разные специалисты в разное время называли его «шоковой терапией», «модернизацией», «стратегией перехода» и т.д. Неолиберализм рассматривается как политическая стратегия, вводящая общество в состояние анархии и воплощающая тупиковое развитие современного капитализма [8]. Отмечается также, что глобализация, осуществляемая по неолиберальному сценарию, отличается высокой степенью милитаризации общественной жизни и провоцированием множества военных конфликтов [9, с. 47].

Объектом серьезной критики неолиберального курса, проводимого в разных странах, выступает его социальная и культурная политика.

В самом общем виде неолиберальный поворот в культуре – это коммерциализация возможностей и условий, ранее

составлявших часть общего (публичного, общественного) достояния. В рамках неолиберальной политики социальная сила культуры признается столь незначительной, что культурная адресация к политическому большинству, как и прямое обращение за поддержкой к профессионалам культуры, используются крайне редко и часто в несобственных формах. Подтверждение этому – множество примеров состязательной политической риторики: от более очевидных российских до почти неожиданных, по меркам прежней эпохи, французских. Так, в предвыборных дебатах С. Руаяль и Н. Саркози, кандидатов на пост президента Франции в 2007 году, среди множества аргументов апелляция к культуре фигурировала лишь единожды – в контексте дошкольного воспитания [3, с. 43].

В целом неолиберальная социокультурная политика сводится к следующей формуле: «всеобщая конкуренция минус социальное государство». Данная формула практически отменяет основные функции культуры, сводя их к единственной – прагматической, нацеленной на повышение рентабельности, прибыльности и закрепление идеала «успешности».

Устранение государства из социальной сферы, по мнению критиков неолиберализма, привело к упадку в таких областях человеческого развития, как культура, наука, образование, здравоохранение, которые, по сути, не подлежат тотальной коммерциализации [25]. В России неолиберальная практика привела к социетальному кризису, следствием которого стало сильнейшее социальное расслоение в обществе, массовая депрофессионализация, обострение проблем занятости и рынка труда. Неолиберальные реформы в социокультурной сфере обернулись распылением человеческого капитала страны и обострением миграционных проблем.

3.

В российской политической философии критика неолиберализма осуществляется в отношении всех идейных и политико-практических параметров, на основе чего одни авторы делают вывод о глубоком кризисе неолиберального капитализма в целом [1], в то время как другие считают, что на практике неолиберализм достиг не столько своей критической точки, сколько своей полной противоположности, связанной с развитием не радикального либерализма,

а государственно-монополистического капитализма [18].

Действительно, данные «Фискального монитора» МВФ [12] доказывают, что в тех странах, где, якобы еще в начале 1990-х победил неолиберализм, государство выросло до размеров опасного для общества и экономики. В США дефицит бюджета в 2011 г. составил 1,299 трлн. долларов, или 8,7% от ВВП США. Американцы закачали в экономику триллионы долларов, чтобы выйти из кризиса. Такими были рецепты экономистов-интервенционистов во главе с Б. Бернанки, Дж. Стиглицем, П. Кругманом и их менее именитых коллег из МВФ. Авторитарный Китай, олигархическая Россия, тем более капиталистические Чили и Сингапур, могут научить социалиста Б. Обаму, как проводить настоящую либеральную бюджетную политику. В последние 30 лет, которые оппоненты либералов ошибочно называют временем доминирования неолиберализма, распорядители чужого (политики и чиновники) активно наращивали объемы производства документов.

В бывшей капиталистической Америке, которая быстро превращается в стагнирующее социалистическое государство, размер дефицита бюджета и издержки выполнения регуляторных требований существенно превышают \$1 трлн. Если в США, которые даже европейцы обвиняют в чрезмерном дерегулировании, такая ситуация, то в ЕС ситуация еще более опасная [17]. Вполне естественно, что с таким налоговым и регуляторным ограничением бизнес Запада не может конкурировать с азиатскими тиграми, в том числе Китаем.

Население современной России в большинстве своем уверено, что начало 90-х ознаменовали мощные реформы либерального толка. Это объясняется тем, что политика неолиберализма в России изначально носила противоречивый характер. Так, с одной стороны, проводимые радикальные реформы были направлены на разрешение реальных проблем социума (реформа ЖКХ, пенсионная и бюджетная реформы), с другой стороны – реализация всех направлений реформирования привела на практике к формированию транснациональных корпораций, коммерциализации социальной сферы, резкому разрыву между доходами населения, способствуя росту социального и экономического неравенства. «По данным, приведенным в октябре 2012 года в докладе Global Wealth Report, на долю 1% самых богатых россиян приходится 71 % всех личных активов – в

2 раза больше, чем в США, Европе, Китае, в 4 раза больше, чем в Японии». Поэтому на сегодняшний день идеология неоллиберализма, как и продвижение идей свободы, требует не только ребрендинга, но и глубокой перезагрузки [16].

4.

Одно из направлений критики неоллиберализма зарубежными исследователями касается противоречия между неоллиберальной идеологией и неоллиберальной политической практикой: с одной стороны, идеология неоллиберализма включает концепцию минимального государства, с другой стороны, политическая практика неоллиберализма приводит к усилению влияния государственных корпораций в экономике и других сферах жизни общества. В итоге декларируемые свободы оказываются реальными только для одних групп населения, тесно связанных с государственными структурами, а в отношении других осуществляется курс на их сворачивание. По утверждению К. Пола-ни, известного критика неоллиберализма, идея свободы «сводится, таким образом, просто к свободе предпринимательства», что означает «полноту свободы для тех, чей доход, свободное время и безопасность не нуждаются в защите, и лишь частичную свободу для людей, тщетно пытающихся с помощью дарованных им демократией прав добиться защиты от действий собственников» [14].

Среди наиболее известных исследователей и критиков неоллиберализма следует также выделить Н. Хомского, Н. Кляйн, Д. Харви, С. Жижека.

Так, Н. Хомский, используя множество фактологических доказательств, настаивает на том, что идеология неоллиберализма – не что иное, как идеология эксплуататорства. Согласно исследователю, мировая сеть транснациональных корпораций действует исключительно в интересах узкого круга властной элиты, признанным лидером которой выступают США [21, с. 267]. Этот вариант эксплуататорского поведения реализуется посредством международных финансовых структур: Всемирная торговая организация, Мировой валютный фонд, Мировой Банк. По мнению исследователя, такое эксплуататорство возможно в условиях «согласия управляемых», то есть при условии, что массы не хотят вмешиваться в политику и управление, играя в демок-

ратии роли «зрителей». Противостоять неоллиберализации оказываются способными только национальные и международные организации солидарности трудящихся.

Н. Хомского поддерживает Д. Харви, который утверждает, что «во внутренних делах неоллиберальное государство враждебно (а в некоторых случаях открыто репрессивно) относится ко всем формам социальной солидарности (наподобие профсоюзов или других социальных движений, которые приобрели значительное влияние в социал-демократическом государстве), которые накладывают ограничения на накопление капитала» [24, с. 17]. При этом, по его мнению, чрезвычайно разрастается бюрократия и бюрократизм, поскольку они гарантируют «прозрачность» деятельности государственного сектора при относительно высокой эффективности. Согласно Д. Харви, «неоллиберализм стал основным образом мышления по всему миру» [24, с. 17].

По мнению С. Жижека, политика неоллиберализма порождает негативную реакцию не только со стороны левых идейно-политических кругов, но также у крайне правых сил, в том числе фундаменталистского толка. К примеру, «Усама бен Ладен появился, когда Запад поддержал его...». Новые либералы не столько привлекли фундаментализм «как реакцию на крайности либерального капитализма или любого другого капитализма, но часто в буквальном смысле создавали фундаментализм» [7].

Эмпирическим доказательством ошибочности утверждений неоллибералов о том, что слишком развитое здравоохранение, социальное благосостояние и эгалитаризм вредят конкурентоспособности государства, по Жижеку, является пример государств Северной Европы: Норвегии, Швеции, Дании, Финляндии. В этих скандинавских странах соблюдаются принципы равноправия, равной свободы и шансов, равенства возможностей при наличии серьезного налогового бремени и вмешательства государства во многие «негосударственные» сферы и дела. При этом данные государства занимают первые строчки рейтингов конкурентоспособности государств [7].

В целях осуществления глубокой теоретической критики неоллиберализма Жижек предлагает обратиться к левым политико-философским воззрениям социалистического и коммунистического характера, считая, что марксистский анализ современного капитализма может принести ценные плоды. Он апеллирует к тому, что первоначальное прочтение принципов и смысла

марксистской идеологии было неверным, и сейчас, имея возможность переосмыслить данный идеологический опыт, жизненно необходимо пройти путь критики заново, избегая прежних ошибок [6]. В связи с этим он призывает обратиться к новому прочтению Ленина и других левых политиков прошлого.

По мнению другого известного критика неолиберализма, Н. Кляйн, в основе неолиберальной политики лежит «доктрина шока», которая заключается в создании кризисных ситуаций в разных уголках мира для навязывания корпоративной идеологии транснациональных монополий и принципов так называемого «невмешательства» [10, с. 73].

В зарубежной критике неолиберализма можно выделить два основных концептуальных подхода, которые можно обозначить как «умеренно-критический» и «радикально-критический». Умеренно-критический подход осуществляется в рамках либерального дискурса, направленного на исправление ошибок и дефектов неолиберальной политики в сторону отказа от практики государственного монополизма и безответственной социальной политики. Данная критика в качестве альтернативы неолиберализму предлагает различные улучшенные модели капитализма и либерализма. Прорабатываются также идеи новых пост-Вашингтонских консенсусов. К примеру, Р. Дезай в книге «Глобальный капитализм» утверждает, что, несмотря на провал «Вашингтонского консенсуса» и признание этого главой МВФ, ценности неолиберальной идеологии продолжают существовать и поддерживаться массами. По ее словам, «ни один кризис не может уничтожить старые идеологии, они продолжают существовать, и люди, которым выгодны эти идеологии, их удерживают» [13]. Автор считает также, что настало время говорить о «Пекинском консенсусе», который может прийти на смену «Вашингтонскому консенсусу».

К умеренно-критической позиции можно отнести ряд воззрений бывших активных идеологов неолиберализма, которые позже кардинально изменили свои взгляды: это Дж. Стиглиц, П. Кругман, Дж. Грей, Дж. Сорос, Л. Болтански, Э. Кьяпелло и др. По их мнению, неолиберальная стратегия глобализации наносит непоправимый ущерб экономике стран «третьего» мира и мировой политике, поскольку подобное «несправедливое» распределение власти

вызывает отторжение, отчуждение и, как следствие, конфликты между «пограничными» государствами. Дж. Сорос уверен в том, что сама система капитализма находится под угрозой, поскольку мировой экономике и политике грозит величайший кризис, если не предпринять своевременных действий.

Соратник М. Тэтчер, Дж. Грей, выпустил книгу «Фальшивое очарование. Глобальный капитализм», в которой изложил тезисы, критикующие неолиберальную политику. Автор поясняет, что вместо глобальной экономики, построенной на принципах свободного рынка, мир получил чрезвычайно зависимую и нестабильную систему, доказательством чему может служить трансформация социально-политического строя России, стремительный взлет промышленности Китая, финансово-экономическое зависимое развитие США и японский кризис «неразвития».

Нельзя слепо копировать универсальную неолиберальную модель (уход государства из экономики и поощрение частной инициативы) без учета социально-культурной, экономической и политической ситуации в том или ином государстве. Каждая страна должна избрать свой специфический путь развития – таков следующий тезис английского исследователя [5].

Основную проблему, которую миру предстоит решать в XXI веке, Грэй видит в неизбежном противоречии между принципом социальной ответственности с одной стороны, и глобальной конкуренцией – с другой [5]. Получается, что те, кто в качестве приоритета выбирает экономический рост, – неминуемо должны будут сокращать государственное финансирование социальной сферы и урезать социальные гарантии гражданам. И наоборот, забота о гражданах может привести государство в экономический «тупик».

Усиление социального и экономического неравенства, абсолютизация бедности также вызывают наибольшую критику со стороны умеренных противников неолиберализма. Именно процессы увеличения количества бедных и беднейших слоев населения влияют на изменение внутреннего рынка в сторону его сужения, а это, по мнению Л. Болтански и Э. Кьяпелло, «в классической либеральной экономической модели и является главной базой саморазвития национальной экономики» [4].

В российской политической философии умеренно-критическая позиция в от-

ношении неолиберализма представлена воззрениями, в которых в качестве возможной альтернативы предлагается социально-рыночная модель капитализма и идеология социального либерализма. Государственный патернализм предлагается заменить социальным партнерством, способствующим преодолению неприязни между богатыми и бедными» [15, с. 51].

Социальное партнерство как главный принцип социально-либеральной модели государства подразумевает эффективность общества и реальную социальную направленность функционирования государственного аппарата. Ведущие функции государства в обществе социального либерализма – это «контроль за соблюдением законности, защита от внешней угрозы, в том числе от мирового терроризма, проведение общей экономической, кредитной, налоговой политики, контроль за секторами экономики, где условия свободной конкуренции неосуществимы» [15, с. 52]. За качество жизни граждан отвечают те, кто предоставляет им услуги на местах: так называемая «элита нижнего уровня» (ведущие политические фигуры местного уровня).

Радикальные критики неолиберализма сознательно выходят за рамки либерального дискурса, предлагая разработать постлиберальный дискурс, черпающий идеи из современных левых идеологий. Данная критика распространяется на весь набор неолиберальных ценностей и на всю модель неолиберального капитализма. Согласно ее представителям, основная задача радикальных политических философов состоит в разработке нового антикапиталистического манифеста, который бы объединил противников неолиберализма на базе принципиально новой стратегии глобализации, то есть на основе идей альтерглобализма. В числе такого рода критиков следует прежде всего назвать А. Каллиникоса.

В своей широко известной а альтерглобалистских кругах книге «Антикапиталистический манифест» Каллиникос отмечает, что в настоящее время в мире складывается широкое антикорпоративное движение, в котором усиливаются антикапиталистические и социалистические тенденции, угрожающие неолиберализму [8, с. 42]. Автор считает, что протест против корпоративности на всех уровнях жизнедеятельности общества делает подобные

движения одновременно устойчивыми и разнородными. Конструктивная критика подразумевает выдвигание альтернатив. По мнению Каллиникоса, формулирование альтернативы «глобальному капитализму» возможно только в терминах социализма: планирование, программирование, классовая борьба, стратегия перехода и т.д. В стратегическом плане для преодоления неолиберализма требуется «разработать программу реформ, которые сами по себе были бы желательны и ставили бы под сомнение логику капитала» [8, с. 220].

Проблему поиска альтернативы неолиберальной идеологии и практике ряд авторов предлагают решать в рамках разработки стратегии справедливой глобализации. Так, по мнению У. Бека, для достижения глобальной справедливости необходимо расширить круг участников принятия политических решений, способных «регулировать кризисы и конфликты, неотделимые от мировой экономики» [2, с. 4]. Крупные промышленные группы, межнациональные институты экономической регуляции, неправительственные организации и ООН должны вести совместную работу по формированию государственных структур и институтов, которые будут открыты для всего мира, будут подразумевать религиозные и национальные различия, права человека и экономическую глобализацию. В процесс принятия решений следует также широко вовлекать развивающиеся страны и страны с переходной экономикой.

В заключение следует отметить, что существующие критические подходы в отношении идеологии и политики неолиберализма, несмотря на их концептуальную пестроту, сходятся в одном: неолиберализм в последние годы постепенно утрачивает свою доминирующую позицию как в идеологическом, так и в глобальном политическом и экономическом пространстве. В новейшей литературе данный процесс получил свое отражение в многочисленных разработках альтернативных моделей посткапиталистического развития мира, которые претендуют на статус теоретической основы политической стратегии новой, справедливой глобализации. Комплексное изучение критических исследований неолиберализма позволяет увидеть новые тенденции в развитии предметных областей и дискурса современной политической философии, выявить ключевые тренды в критическом теоретическом осмыслении внутренней политики разных стран и реалий глобализации.

1. Батчиков, С. 8-я Международная конференция «Глобализация и развитие» в Гаване (Куба) [Электронный ресурс] / С. Батчиков, С. Кара-Мурза. URL: <http://www.kara-murza.ru/referat/Neoliberal/neoliberalReform.html> (дата обращения: 17.01.2014).

2. Бек, У. Конец неолиберализма. Глобальное нашествие террора похоже на Чернобыль мировой экономики Inosmi.ru, 14 ноября 2001 [Электронный ресурс] / У. Бек. URL: <http://www.inosmi.ru/2001/11/14/1005765076.html> (дата обращения: 17.01.2014).

3. Бикбов, А. Культурная политика неолиберализма [Текст] / А. Бикбов // Художественный журнал. 2010. № 83. С. 40–52.

4. Болтански, Л. Новый дух капитализма [Текст] / Л. Болтански, Э. Кьяпелло // Логос. 2011. № 1. С. 34–49.

5. Грей, Дж. Фальшивое очарование. Глобальный капитализм [Текст] / Дж. Грей. М.: Практикс, 2011. 231 с.

6. Жижек, С. 13 опытов о Ленине [Текст] / С. Жижек. М.: Издательство «Ад Маргинем», 2003. 87 с.

7. Жижек, С. Правые формируют сегодня повестку дня. Новый смысл Эмми Гудмен [Текст] / С. Жижек. Перевод с английского Д. Райдера. М.: Прогнозис, 2011. 290 с.

8. Каллиникос, А. Антикапиталистический манифест [Текст] / А. Каллиникос. Пер. с англ. А. Смирнова. М.: Практикс, 2005. 192 с.

9. Карнаух, В.К. Глобализация: критика неолиберального подхода [Текст] / В.К. Карнаух // Глобализация в социально-философском измерении. Сборник материалов конференции. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. с. С.47–51.

10. Кляйн, Н. Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф [Текст] / Н. Кляйн. М.: Добрая книга, 2011. 656 с.

11. Куделькин, Н. Либеральная и коммунаристская парадигма [Текст] / Н. Куделькин // Дискурс-Пи. Научно-практический альманах. 2004. Выпуск 4. С. 95–97.

12. Международный Валютный Фонд. Годовой отчет за 2012 год [Электронный ресурс]. URL: http://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/ar/2012/pdf/ar12_rus.pdf (дата обращения: 17.01.2014).

13. Неолиберальная идеология имеет географию, и пример тому – кризис экономики Запада: канадский эксперт [Текст]. URL: Информационное агентство Рекс. 2013 <http://www.iarex.ru/news/36208.html> (дата обращения: 17.01.2014).

14. Писаренко, М. Карл Поляни об утопичности саморегулирующегося рынка [Электронный ресурс] / М. Писаренко. URL: <http://ie.boom.ru/Polanyi/Polanyi1.htm> (дата обращения: 17.01.2014).

15. Погорельский, А. Социальный либерализм: перспективы в России [Текст] / А. Погорельский // Логос. 2004. 6 (45). С.50–59.

16. Развитые страны все больше потребляют, развивающиеся – сберегают (global wealth report 2012) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bb.lv/bb/all/10340/> (дата обращения: 17.01.2014).

17. Резкая критика неолиберализма и глобализма [Электронный ресурс]. URL: http://www.segodnya.ru/w3s.nsf/Contents/2000_40_econom_text_mihailov1 (дата обращения: 17.01.2014).

18. Романчук, Я. Прикончить миф о неолиберализме. Мир движется к окончательному кризису социализма. Май 2012 [Электронный ресурс] / Я. Романчук // Эхо Москвы. 2012. май. URL: <http://echo.msk.ru/blog/romanchuk/885943-echo> (дата обращения: 17.01.2014).

19. Русакова, О.Ф. Современные трактовки предметной области политической философии: методологический анализ [Текст] / О.Ф. Русакова // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. Екатеринбург, 2009. 9. С. 203–229.

20. Русакова, О.Ф. Современная политическая философия: предмет, концепты, дискурс. [Текст] / О.Ф. Русакова. Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2012. 400 с.

21. Русакова, О.Ф. Неолиберальный дискурс: стратегии и технологии конструирования новой субъективности [Текст] / О.Ф. Русакова, А.А. Хмелинин // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. Вып. 12. С. 259–271.

22. Сиземская, И., Новикова, Л. Новый либерализм в России [Текст] / И. Сиземская, Л. Новикова // Общественные науки и современность, 1993. № 5. С.132–140.

23. Харви, Д. Краткая история неолиберализма. [Текст] / Д. Харви. М.: Поколение, 2007. 288 с.

24. Харви, Д. Неолиберализм и реставрация классовой власти [Текст] / Д. Харви // Прогнозис. Журнал о будущем. 2006. №2(6). С.17–29.

25. Чернышева, В. Жизнь «После неолиберализма». Интервью с А.Погорельским [Текст] / В. Чернышева // Независимая газета. 2007. 15 июня. С.4–5.

References

1. Batchikov S., Kara-Murza S. 8-ja *Mezhdunarodnaja konferencija «Globalizacija i razvitie» v Gavane (Kuba) [8th International conference "Globalization and development" in Havana (Cuba)]*, available at: <http://www.kara-murza.ru/referat/Neoliberal/neoliberalReform.html> (accessed 17 January 2014) (in Russian).

2. Bek U. *Konec neoliberalizma. Global'noe nashestvie terrora pohozhe na Chernobyl' mirovoj ekonomiki Inosmi.ru, 14 nojabrja 2001* [The end of neoliberalism. Global invasion of terror looks like Chernobyl of world economics Inosmi.ru, 14 November 2001], available at: <http://www.inosmi.ru/2001/11/14/1005765076.html> (accessed 17 January 2014) (in Russian).

3. Bikbov A. *Hudozhestvennyj zhurnal*, 2010, no. 83, pp. 40–52 (in Russian).

4. Boltanski L., K'japello Je. *Logos*, 2011, no. 1, pp. 34–49 (in Russian).

5. Grej Dzh. *Fal'shivoe ocharovanie. Global'nyj kapitalizm* [False glamour. Global capitalism]. Moscow, Praktis, 2011, 231 p. (in Russian).

6. Zhizhek S. *13 opytov o Lenine* [13 histories about Lenin]. Moscow, Izdatel'stvo «Ad Marginem», 2003, 87 p. (in Russian).

7. Zhizhek S. *Pravye formirujut segodnja povestku dnja. Novyj smysl Jemmi Gudmen* [The rights form the agenda today. New point of Amy Goodman]. Moscow, Prognosis, 2011, 290 p. (in Russian).

8. Kallinikos A. *Antikapitalisticheskij manifest* [Anticapitalistic manifest]. Moscow, Praktis, 2005, 192 p. (in Russian).

9. Karnauh V.K. *Globalizacija: kritika neoliberal'nogo podhoda* [Globalization: critics of neoliberal approach]. *Globalizacija v social'no-filosofskom izmerenii. Sbornik materialov konferencii (Globalization in the social*

and philosophical terms. Digest of the conference). St. Petersburg, Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2003, pp. 47–51 (in Russian).

10. Kljajin N. *Doktrina shoka. Rascvet kapitalizma katastrof* [Doctrine of shock. Flush of capitalism of catastrophes]. Moscow, Dobraja kniga, 2011, 656 p. (in Russian).

11. Kudel'kin N. Diskurs-Pi, *Nauchno-prakticheskij al'manah*, 2004, Edition 4, pp. 95–97 (in Russian).

12. *Mezhdunarodnyj Valjutnyj Fond Godovoj otchet za 2012 god* [International Monetary Fund. Annual report for 2012], available at: http://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/ar/2012/pdf/ar12_rus.pdf (accessed 17 January 2014) (in Russian).

13. *Neoliberal'naja ideologija imeet geografiju, i primer tomu – krizis jekonomiki zapada: kanadskij jekspert* [Neoliberal ideology has geography and the example of it is crisis of west economy: Canadian expert], available at: Informacionnoe agentstvo Reks. 2013 <http://www.iarex.ru/news/36208.html> (accessed 17 January 2014) (in Russian).

14. Pisarenko M. *Karl Polan'i ob utopichnosti samoregulirujushhegosja rynka* [Karl Polany on utopism of self-regulating market], available at: <http://ie.boom.ru/Polanyi/Polanyi1.htm> (accessed 17 January 2014) (in Russian).

15. Pogorel'skij A. *Logos*, 2004, no. 6 (45), pp.50–59 (in Russian).

16. *Razvitye strany vsjo bol'she potrebljajut, razvivajushhiesja – sberegajut (global wealth report 2012)* [Developed countries are consuming more and more, developing countries are saving (global wealth report 2012)], available at: <http://www.bb.lv/bb/all/10340/> (accessed 17 January 2014) (in Russian).

17. *Rezkaja kritika neoliberalizma i globalizma* [Bitter criticism of neoliberalism and globalism], available at: http://www.segodnya.ru/w3s.nsf/Contents/2000_40_econom_text_mihailov1 (accessed 17 January 2014) (in Russian).

18. Romanchuk Ja. *Jeho Moskvj*, 2012, maj, available at: <http://echo.msk.ru/blog/romanchuk/885943-echo> (accessed 17 January 2014) (in Russian).

19. Rusakova O.F. *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk*, Ekaterinburg, 2009, no. 9, pp. 203–229 (in Russian).

20. Rusakova O.F. *Sovremennaja politicheskaja filosofija: predmet, koncepty, diskurs* [Modern political philosophy: subject-matter concepts, discourse]. Ekaterinburg, ID «Diskurs-Pi», 2012, 400 p. (in Russian).

21. Rusakova O.F. *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk*, 2012, no. 12, pp. 259–271 (in Russian).

22. Sizemskaja I., Novikova L. *Obshhestvennyje nauki i sovremennost'*, 1993, no. 5, pp.132–140 (in Russian).

23. Harvi D. *Kratkaja istorija neoliberalizma* [A Brief History of Neoliberalism]. Moscow, Pokolenie, 2007, 288 p. (in Russian).

24. Harvi D. *Prognoziz, Zhurnal o budushhem*, 2006, no. 2 (6), pp. 17–29 (in Russian).

25. Chernysheva V. *Nezavisimaja gazeta*, 2007, 15 ijunja, pp. 4–5 (in Russian).

UDC 323

PROBLEM OF CRITICAL ANALYSIS OF NEOLIBERALISM IN MODERN POLITICAL PHILOSOPHY

Khmelinin Aleksey Alekseevich,

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N.Yeltsin,
Post-graduate Student,
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: xalexan@inbox.ru

Rusakova Olga Fredovna,

Ural Branch of Russian Academy of Sciences,
Institute of Philosophy and Law, Head of the
Philosophy Department, Editor-in-Chief of
the journal "Discourse P", Doctor of Political
Sciences, Professor,
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Annotation

The authors consider critics of liberalism as dominating doctrine and global political strategy presented in publications and speeches of representatives of different ideological schools in modern political philosophy. The research problem consists in methodological plurality of conceptual basis of political doctrine of neoliberalism. However, representatives of different schools show the greatest solidarity to the future of neoliberal ideology: numerous models of alternative post-capitalistic development speak for the fact that neoliberalism has lost its dominating position both in ideological and global political and economical spaces.

Key concepts:

Neoliberalism,
critical analysis,
Washington consensus,
hybridism,
globalization,
political philosophy.

УДК 324

ВЫБОРЫ ГЛАВ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ: ПРОЕКТЫ РЕФОРМАТОРОВ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОЖИДАНИЯ

Зырянов Сергей Григорьевич,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал, директор,
доктор политических наук, профессор,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: director@chel.ranepa.ru

Аннотация

В статье рассматриваются две концепции реформы местного самоуправления в России и анализируются общественные ожидания жителей миллионного города по теме выбора главы муниципального округа.

Ключевые понятия:

выборы главы муниципалитета,
модели реформы местного
самоуправления,
известность главы города,
оптимальный способ наделения
полномочиями главы города.

С момента построения в рамках суверенной демократии вертикали власти в России как-то слабее и слабее стали звучать базовые принципы демократии – избирательность и сменяемость власти. В июне 2013 года в административном центре Челябинской области – городе Челябинске, внимание общественности было привлечено к обсуждению темы о возвращении выборов главы города напрямую жителями муниципалитета по мажоритарному принципу. Были организованы пикеты со сбором подписей за возвращение прямых выборов. Пикеты одновременно проводили две организации – городская общественная организация «Соцгород» и региональное отделение Либерально-демократической партии России. ЛДПР даже выдвинула инициативу о проведении референдума по данному вопросу. Однако Избирательная комиссия Челябинска отказала в регистрации инициативной группе по сбору подписей в поддержку такого референдума. Но стоит отметить, что вопрос о том, чтобы отказаться от «двуглавой системы» управления городом и перейти к избранию главы муниципалитета непосредственно избирателями, поднимается не только в Челябинске.

Как видно из характера обновления российского избирательного законодательства, на сегодняшний день существуют некоторые общероссийские тренды: расширение роли и значения выборов властных персон гражданами; отказ от прежнего механизма наделения губернаторов полномочиями и переход к их выборам; готовность федерального центра обсуждать вопрос о локализации появившейся в последние годы практики так называемой «двуглавой» системы управления крупными городами, как правило, «столицами» субъектов федерации; ожидание отказа от системы выборщиков на муниципальном уровне и переход к прямым выборам. А у различных политических акторов начал формироваться комплекс ожиданий и интересов относительно ведущихся и готовящихся преобразований. Всё чаще в информационном пространстве появляются рассуждения, что власть на любом её уровне должна выбираться населением. Эту тему активно муссируют различные группы интересов, подкрепляя свою позицию третьей статьёй Конституции РФ, говорящей о том, что «единственным источником власти в Российской Федерации является её многонациональный народ». Многие политические акторы, развивая данную тему, полагают,

что сумеют на этой теме наработать себе немалый политический капитал.

Обращаясь к вопросу об отказе от двуглавой системы управления городским муниципальным округом, отметим, что, по данным Министерства регионального развития России, почти в 20% муниципалитетов управление территорией осуществляется путём использования модели с привлечением так называемого сити-менеджера, когда глава муниципального образования возглавляет представительный орган, а глава администрации – орган исполнительной власти и занимается по контракту [3]. Представленная модель существует примерно в 42% городских округов, в том числе в 44-х городах – административных центрах субъектов Российской Федерации.

Зачастую эксперты заявляют о том, что разговоры о возврате выборов главы муниципалитета – не более чем политический ход, и предпосылки для серьёзного восприятия подобной позиции, конечно, есть. Это проявляется в том, что властвующая элита России осуществляет реформу созданной вертикали власти по принципу «шаг вперёд – два шага назад». Так, переход к выборам руководителей исполнительной власти субъектов федерации оказался отягощён введением так называемого муниципального фильтра. Почти то же самое происходит и с согласием федеральной власти на выборы глав муниципалитетов населением. В декабре 2013 года вниманию политического класса и экспертного сообщества был предложен доклад Фонда ИСЭПИ «Реформирование системы организации местного самоуправления в крупных городах и городских агломерациях: возможные подходы». В докладе предложены концептуальные идеи по реформированию системы местного самоуправления на уровне городских округов, которые фактически инициировали дискуссию общественности и экспертного сообщества о возможных путях ее развития.

В докладе выделены две основные модели реформы. Первая предполагает создание территориальных органов власти вместо существующих городских округов и муниципальных районов (так называемый второй уровень местного самоуправления – МСУ). Статус местного самоуправления сохраняют только городские и сельские поселения, внутригородские муниципальные образования, межселенные территории («первый уровень»). Глава территориального органа власти (бывшие главы) муниципальных

районов назначается губернатором (возможно согласование кандидатуры с депутатами «первого уровня» через голосование о доверии); советы городских округов и муниципальных районов, районные думы упраздняются. При этом глава района (города), видимо, государственный служащий, отчитывается перед населением и депутатами местного самоуправления «первого уровня», которые могут потребовать у губернатора его отзыва по итогам работы за год. Выборы в Законодательное собрание региона предлагается привязать к новому делению, чтобы каждый новый муниципалитет получил в Законодательном собрании одного или нескольких представителей. Депутаты «первого уровня» могут быть допущены в Законодательное собрание для обсуждения инициатив, касающихся муниципального образования. Глава органа местного самоуправления «первого уровня» избирается из числа депутатов представительного органа, избранных населением по мажоритарной системе.

Вторая модель предлагает создание «городских агломераций» – нового вида муниципальных образований – на базе городских муниципальных округов в «столицах» субъектов РФ. В агломерации возможно сохранение местного самоуправления двух уровней. Главы агломераций назначаются губернатором и также могут быть отозваны представительным органом или населением по итогам ежегодных отчётов. Отчасти агломерации сходны с моделью местного самоуправления, существующей в городах федерального значения: Москве и Санкт-Петербурге [8].

Другой подход предложен рабочей группой, возглавляемой председателем Всероссийского совета местного самоуправления Вячеславом Тимченко, и, по мнению разработчиков, он ориентирован не на то, чтобы заменить действующий 131-ФЗ, а стать одной из многих, разрешенных законом, форм организации местного самоуправления.

По словам В. Тимченко, рабочей группой одобрена следующая схема: население избирает лишь депутатов поселковых советов и районов крупных городов, а верхний уровень МСУ – районный совет и городскую думу – составляют делегаты, выдвинутые депутатами нижнего уровня. Из числа делегатов избираются также главы городов и районов; делегаты же на паритетных началах с губернатором формируют комиссии по отбору кандидатов в сити-менеджеры.

Депутаты новых внутригородских районов должны получить собственные полномочия (например, вопросы ЖКХ и благоустройства) и свои бюджеты, для их формирования федеральный центр должен передать им часть налогов.

...Схема предполагает значительное увеличение количества местных депутатов. На нижнем уровне МСУ на депутата должно приходиться 3000–5000 избирателей, а сейчас нагрузка на депутата в крупном городе может доходить до 30 000–50 000 избирателей, пояснил В.Тимченко.

Настаивать на переходе на новую схему МСУ никто не будет, заверил В. Тимченко: он надеется, что большинство муниципалитетов её просто поддержат, видимо потому, что она хорошая, или правильная. Основные адресаты реформы – 67 уже разделенных на районы крупных городов; даже если закон не обяжет все муниципалитеты переходить на новую систему, в крупных городах она, вероятно, всё же будет введена [1].

Как следует из содержания подходов обеих концепций реформы, выборы населением глав муниципалитетов не предусматриваются только на уровне поселений и городских районов.

Авторы уверены, что обе модели не потребуют поправок в Конституцию и соответствуют Европейской хартии МСУ, ратифицированной РФ. Для начала вводить модели предлагается на уровне пилотных субъектов РФ [6].

В настоящее время порядок избрания и содержание полномочий главы муниципального образования устанавливаются уставом муниципального образования, в соответствии с Федеральным законом № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Исходя из нормативной базы, заложенной в этом законе, легитимны три разных способа избрания главы муниципального образования: глава муниципального образования избирается населением на муниципальных выборах и одновременно является главой местной администрации («сильный мэр – слабый Совет»); глава муниципального образования избирается населением на муниципальных выборах и является председателем представительного органа муниципального образования, а глава местной администрации (сити-менеджер) назначается по конкурсу («Совет – управляющий»); глава муниципального образования избирается представительным органом муниципального образования из своего состава, а

глава местной администрации (сити-менеджер) назначается представительным органом по конкурсу («сильный Совет – слабый мэр») [4].

Сегодня решение вопроса о прямых всенародных выборах глав «столичных» и не только муниципалитетов по формальным основаниям зависит непосредственно от депутатов представительных органов муниципальных образований, а выборы губернатора – от позиции регионального представительного органа власти. Таковы предложенные правила игры. В этой ситуации инициативные граждане и партии начали активно предлагать восстановить право граждан самостоятельно решать вопрос о том, кто должен управлять крупным городом, «столицей» региона. Есть те, кто идёт ещё дальше и предлагает принять федеральный закон, обязывающий все муниципалитеты на территории всей Российской Федерации внести изменения в свои уставы и восстановить всенародные прямые тайные выборы главы города. Это требование понятно, но не надо забывать о том, что определяющим здесь всё же является, во-первых, позиция федерального центра, во-вторых, решение представительного органа муниципальной власти.

Да, со стороны определённой части общества, у которой сформировалась гражданская позиция, бесспорно, есть запрос на выборы глав исполнительной власти муниципалитетов самими избирателями. Это демонстрируют данные социологических опросов населения. По данным Левада-Центра, более половины россиян (59%) высказываются за возвращение к прямым выборам губернаторов регионов, каждый пятый (20%) против такой идеи, 21% затруднился высказать позицию по данному вопросу [5]. Согласно данным инициативного опроса, проведённого в апреле 2013 года специалистами Челябинского филиала РАНХиГС, большинство опрошенных в Челябинской области (54,8%) поддерживает возвращение к прямым выборам губернаторов. Не поддерживают возвращение к прямым выборам главы региона 21,8% респондентов. Почти каждый четвертый – 23,5% – затруднился ответить на вопрос [7].

В связи с предстоящими в сентябре 2014 года выборами депутатов Челябинской городской Думы и избранием нового главы города Челябинска – по действующему уставу сейчас это председатель городской Думы, было проведено инициативное исследование с целью выяснения того, насколько хорошо в условиях расщеплённой

муниципальной власти населению Челябинска известен действующий глава города и какая схема наделения полномочиями главы города видится респондентам наиболее оптимальной.

Респондентам было предложено ответить на вопрос, знают ли они, кто является главой города Челябинска, и если знают, то назвать его фамилию.

тической жизни страны и региона, чаще остальных указывали правильный вариант ответа, в то время как опрошенные, не интересующиеся политической жизнью страны и региона, чаще, чем в среднем по массиву, в качестве действующего главы города указывали С.В. Давыдова и М.В. Юревича.

Затруднившиеся с оценкой своей заинтересованности к получению информации

Таблица 1

Степень известности главы города Челябинска, председателя Челябинской городской Думы С.И. Мошарова

	В целом	СЛЕДИТЕ ЛИ ВЫ ЗА СОБЫТИЯМИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СТРАНЫ И РЕГИОНА?		
		Да	Нет	Затрудняюсь ответить
С.И. Мошаров	38,9	52,7	22,9	20,0
С.В. Давыдов	34,7	31,1	40,6	35,0
М.В. Юревич	12,5	6,0	19,8	22,5
В.М. Тарасов – глава города Челябинска до 2005 года	0,3	0,6	0,0	0,0
нет, не знаю	13,5	9,6	16,7	22,5

Правильно назвать фамилию действующего главы города Челябинска смогли только 38,9% опрошенных.

Примерно такой же процент опрошенных (34,7%) считает, что главой города является С.В. Давыдов – действующий глава администрации Челябинска.

М.В. Юревич, на момент опроса действующий губернатор Челябинской области, в качестве действующего градоначальника назван 12,5% респондентов, естественно, ошибочно, а 0,3 % челябинцев при ответе на данный вопрос упомянули фамилию В.М. Тарасова, занимавшего пост главы города до 2005 года.

О незнании того, кто в настоящий момент является главой города Челябинска, заявили 13,5% опрошенных.

В опросе для более углубленного понимания позиций респондентов использовался вопрос-фильтр: «Следите ли Вы за событиями политической жизни страны и региона?» Оказалось, что респонденты, проявляющие интерес к событиям поли-

о политической жизни страны и региона чаще остальных, указывали фамилию М.В. Юревича в качестве главы Челябинска и в большей степени выказывали затруднения с ответом на данный вопрос.

В числе тех, кто верно указал фамилию главы города Челябинска, чаще, чем в среднем по массиву, встречаются мужчины, респонденты в возрасте от 31 до 50 лет, респонденты с высшим образованием, по социально-профессиональному статусу – специалисты с высшим образованием.

С.В. Давыдова в качестве действующего градоначальника в большей степени склонны воспринимать женщины, представители старшего поколения (старше 50 лет); опрошенные со средним общим, средним специальным и неоконченным высшим образованием, по социально-профессиональному статусу – рабочие.

Группа респондентов, считающих главой города Челябинска М.В. Юревича (на момент опроса губернатора Челябинской

области), имеет в своем составе больше, чем в среднем, мужчин, представителей молодежи (от 18 до 30 лет); опрошенных со средним общим, средним специальным и неоконченным высшим образованием, по социально-профессиональному статусу – рабочих, студентов и пенсионеров, а также жителей Челябинска с самооценкой материального положения на уровне ниже среднего («денег хватает только на питание»).

О своем незнании того, кто является главой города Челябинска, чаще, чем в среднем, высказывались представители молодежи (от 18 до 30 лет); опрошенные с начальным, неоконченным средним, средним общим, средним специальным и неоконченным высшим образованием (+6,5%), по социально-профессиональному статусу – рабочие, а также респонденты с самооценкой материального положения на уровне ниже среднего («денег хватает только на питание»). В зафиксированной опросом ситуации можно увидеть несколько важных содержательных смыслов. Во-первых, эта схема обеспечивает определенную формулу безответственности муниципальной власти, так как жители не знают или не уверены, что знают точно, кто главный начальник в городе, с кого спрашивать. Для муниципальных властей

полезность схемы связана с возможностью переключать ответственность с себя на кого-то другого. Во-вторых, при доминировании патриархального типа политической культуры, в которой большой вес играет фигура «бигмена», будет происходить нарастание отчуждения власти от населения муниципалитета, а функцию «бигмена» будет выполнять кто-то другой – в нашем случае губернатор.

Один из вопросов, заданных в ходе проведенного исследования, был посвящен выяснению наиболее оптимального, на взгляд респондентов, способа наделения полномочиями главы города Челябинска. При ответе на вопрос: «Какой способ наделения полномочиями главы города Челябинска в сентябре 2014 года Вы считаете наиболее оптимальным?» ответы респондентов распределились следующим образом.

Наиболее оптимальным, по мнению челябинцев, является избрание главы города путем прямых выборов и наделение при этом его же полномочиями главы администрации (30,0%). Это большинство, но уввы, даже не простое, а относительное большинство – чуть менее трети опрошенных.

Избрание главы города прямым голосованием населения и назначение при этом главы администрации на конкурсной основе видится наиболее оптимальной

Таблица 2

Наиболее оптимальный способ наделения полномочиями главы города Челябинска, в оценках жителей города

	В целом	СЛЕДИТЕ ЛИ ВЫ ЗА СОБЫТИЯМИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СТРАНЫ И РЕГИОНА?		
		Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Избирать главу прямым голосованием населения города Челябинска, при этом наделая его и полномочиями главы администрации	30,0	41,3	14,6	20,0
Избирать главу прямым голосованием населения города Челябинска, а главу администрации назначать	13,5	15,6	8,3	17,5
Выбирать главу города из числа депутатов Челябинской городской Думы, а главу администрации назначать по конкурсу	8,0	8,4	4,2	15,0
Затрудняюсь ответить	48,5	34,7	72,9	47,5

схемой наделения полномочиями 13,5% респондентов.

Вариант ответа «Выбирать главу города из числа депутатов Челябинской городской Думы, а главу администрации назначать по конкурсу» указали 8,0% опрошенных. Затруднения с ответом на данный вопрос выразили 48,5% челябинцев.

Отметим также, что респонденты, проявляющие интерес к событиям политической жизни страны и региона, чаще остальных указывали вариант ответа, предусматривающий избрание главы города путем прямого голосования и наделение его полномочиями главы администрации (+11,3%), в то время как опрошенные, не интересующиеся политической жизнью страны и региона, в большей степени затруднялись с оценкой наиболее оптимальной схемы наделения полномочиями главы города Челябинска (+24,4%), а затруднившиеся с оценкой своей заинтересованности к получению данной информации, чаще остальных делали выбор в пользу избрания главы города из числа депутатов Челябинской городской Думы (+7,0%).

Способ наделения полномочиями главы города Челябинска путем избрания его из числа депутатов Челябинской городской Думы и назначение главы администрации на конкурсной основе чаще, чем в среднем по массиву, видится в качестве оптимального опрошенным в возрасте от 31 до 50 лет, респондентам с высшим образованием, по социально-профессиональному статусу – служащим и специалистам с высшим образованием, а также жителям Челябинска с самооценкой материального положения на уровне выше среднего («денег на жизнь хватает, особо не экономим»).

Избрание главы города путем прямого голосования и наделение его полномочиями главы администрации, как оптимальный способ формирования данного органа местного самоуправления, чаще, чем в среднем по массиву, указывали представители старшего поколения (старше 50 лет), опрошенные с высшим образованием, по социально-профессиональному статусу – пенсионеры, а также те, кто оценил свое материальное положение на среднем уровне («живем нормально, но приходится экономить»).

Группа респондентов считающих, что главу города необходимо избирать прямым голосованием, а главу администрации назначать на конкурсной основе, имеет в своем составе больше, чем в среднем по массиву, мужчин, представителей молоде-

жи (от 18 до 30 лет), по социально-профессиональному статусу студентов и безработных.

Затруднение с ответом на данный вопрос чаще остальных высказывали опрошенные в возрасте от 18 до 30 лет, респонденты со средним общим, средним специальным и неоконченным высшим образованием, по социально-профессиональному статусу – рабочие, а также челябинцы, оценившие свое материальное положение на уровне ниже среднего («денег хватает только на питание»).

Следует заметить, что среди сторонников выборов главы города Челябинска из числа депутатов Челябинской городской Думы зафиксировано значительное численное превосходство респондентов с позитивной оценкой работы действующего главы С.И. Мошарова (в чем можно убедиться из данных таблицы 3), а он, напомним, был избран на занимаемую должность именно таким способом.

Отметим также, что среди опрошенных, указавших в качестве оптимального способа наделение полномочиями главы города Челябинска – избрание его прямым голосованием и наделение полномочиями главы администрации, – зафиксировано преобладание респондентов, «удовлетворительно» оценивших работу С.И. Мошарова.

Действительно, жители Челябинска хотят участвовать в формировании персонального состава исполнительных органов муниципальной власти. Всё это свидетельствует о росте гражданского самосознания и, как результат, о более высокой степени зрелости политической культуры городского сообщества, готовности граждан разделять ответственность за свой выбор. Для руководителей регионов и муниципальных образований процесс выборов – достаточно серьезное испытание. Но тем не менее степень доверия населения своему руководству – главе региона, главам муниципальных образований, которая, как правило, коррелируется с готовностью голосовать за них на выборах, – крайне важный элемент, по которому, кстати, систематически оценивается эффективность их работы.

Таким образом, требование и готовность населения – безусловно, первое необходимое, но недостаточное условие для того, чтобы изменить форму избрания главы муниципалитета. Однако должно быть второе условие – готовность региональной

Оценка работы главы города Челябинска, председателя Челябинской городской Думы С.И. Мошарова по критерию оценки наиболее оптимального способа наделения полномочиями главы города

КАК ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ РАБОТУ ГЛАВЫ ГОРОДА ЧЕЛЯБИНСКА, ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ С.И. МОШАРОВА?	В целом	КАКОЙ СПОСОБ НАДЕЛЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЯМИ ГЛАВЫ ГОРОДА ЧЕЛЯБИНСКА В СЕНТЯБРЕ 2014 ГОДА ВЫ СЧИТАЕТЕ НАИБОЛЕЕ ОПТИМАЛЬНЫМ?			
		Выбирать главу города из числа депутатов Челябинской городской Думы, а главу администрации назначать по конкурсу	Избирать главу прямым голосованием населения города Челябинска, при этом наделяя его и полномочиями главы администрации	Избирать главу прямым голосованием населения города Челябинска, а главу администрации назначать	Затрудняюсь ответить
Очень хорошо / Скорее хорошо	16,2	29,2	15,4	19,5	13,6
Удовлетворительно	16,2	12,5	20,9	19,5	12,9
Скорее плохо / Очень плохо	14,5	12,5	15,4	9,8	15,7
Затрудняюсь ответить	53,1	45,8	48,4	51,2	57,8

элиты к такому шагу. О том, в каком формате будут проходить выборы главы города, должна быть выработана консолидированная позиция городской и региональной элиты.

Итак, быть ли всенародным выборам главы Челябинска, решает законодатель, а не отдельная политическая партия или группа людей. Обобщая сказанное выше, стоит отметить: мнение населения учитывать необходимо, но определяющим здесь всё же является существующая нормативная база и позиция представительного органа власти. Кроме того, по данному вопросу должна быть выработана консолидированная позиция городской власти и региональной элиты. Мнение населения здесь, кстати, тоже далеко не однозначно. Но, как сказал французский философ Ж.-Ж. Руссо: «если бы не существовало таких точек, в которых сходи-

лись бы интересы всех, не могло бы быть и речи о каком бы то ни было обществе» [2]. Сегодня политические и общественные процессы как в Челябинской области, так и России в целом наглядно демонстрируют то, как важно найти эти самые точки пересечения взаимных интересов.

1. Бочарова, С. Реформа не обязательна [Электронный ресурс] / С. Бочарова // Ведомости. 2014. 21 февраля. URL: <http://www.vedomosti.ru/politics/news/23104541/reforma-ne-obyazatelna> (дата обращения: 22.02.2014).

2. Жан-Жак Руссо: биография, произведения, афоризмы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rousseau.ru/content/view/full/18/32/> (дата обращения: 21.02.2014).

3. Журнал «Муниципальная Россия». 2011. № 8. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.окмо.рф/?id=82> (дата обращения: 18.02.2014).

4. Королев, С.В. Теория муниципального управления [Текст] / С.В. Королев. М., 1999. 143 с.

5. Левада-Центр. Опрос об идее возвращения к прямым выборам губернаторов регионов населением этих регионов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/archive/partii-i-obshchestvennye-organizatsii/vy-lichno-za-ili-protiv-idei-vozvrashcheniya-k-pryamym> (дата обращения: 21.02.2014).

6. Неземская реформа [Электронный ресурс] // Коммерсант. 2013. 16 февраля. URL: <http://www.kommersant.ru/Doc/2369439> (дата обращения: 18.02.2014).

7. Отношение населения Челябинской области к возвращению прямых выборов губернатора [Электронный ресурс]. URL: <http://rane74.ru/science/Sots.%20issledovaniya.php> (дата обращения: 21.02.2014).

8. Реформирование системы организации местного самоуправления в крупных городах и городских агломерациях: возможные подходы. Аналитический доклад [Электронный ресурс]. URL: http://www.iseprs.ru/fileadmin/f/activity/report/koncepcija_reformy_msu.pdf (дата обращения: 27.02.2014).

References

1. Bocharova S. *Reforma ne objazatel'na* [Reform is not compulsory], *Vedomosti*, 2014, 21 February, available at: <http://www.vedomosti.ru/politics/news/23104541/reforma-ne-obyazatelna> (accessed 22 February 2014) (in Russian).

2. *Zhan-Zhak Russo: biografija, proizvedenija, aforizmy* [Jean-Jacques Rousseau: biography, works, sayings], available at: <http://www.rousseau.ru/content/view/18/32/> (accessed 21 February 2014) (in Russian).

3. *Municipal'naja Rossija*, 2011, no. 8, available at: <http://www.okmo.rf/?id=82> (accessed 18 February 2014) (in Russian).

4. Korolev S.V. *Teorija municipal'nogo upravlenija* [Theory of municipal administration]. Moscow, 1999, 143 p. (in Russian).

5. *Levada-Centr. Opros ob idee vozvrashhenija k prjamym vyboram gubernatorov regionov naseleniem jetih regionov* [Levada-Centre. Inquiry about the idea of returning to direct regional governors' elections by population of these regions], available at: <http://www.levada.ru/archive/partii-i-obshchestvennye-organizatsii/vy-lichno-za-ili-protiv-idei-vozvrashcheniya-k-pryamym> (accessed 21 February 2014) (in Russian).

6. *Nezemskaja reforma [Non-territorial reform]*, *Kommersant*, 2013, 16 February, available at: <http://www.kommersant.ru/Doc/2369439> (accessed 18 February 2014) (in Russian).

7. *Otnoshenie naselenija Cheljabinskoj oblasti k vozvrashheniju prjamym vyborom Gubernatora* [Attitude of the population of Chelyabinsk region to the return of direct governor's elections], available at: <http://rane74.ru/science/Sots.%20issledovaniya.php> (accessed 21 February 2014) (in Russian).

8. *Reformirovanie sistemy organizacii mestnogo samoupravlenija v krupnyh gorodah i gorodskih aglomeracijah: vozmozhnye podhody. Analiticheskij doklad* [Reforming the system of organizing local self-management in cities and urban agglomerations: possible approaches. Analytical report], available at: http://www.iseprs.ru/fileadmin/f/activity/report/koncepcija_reformy_msu.pdf (accessed 27 February 2014) (in Russian).

UDC 324

ELECTIONS OF THE CHIEFS OF MUNICIPAL UNITS: PROJECTS OF REFORMISTS AND PUBLIC EXPECTATIONS

Zyrianov Sergey Grigoryevich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Director, Doctor of Political Sciences, Professor,

Chelyabinsk, Russia.

E-mail: director@rane74.ru

Annotation

The author considers two conceptions of reforming local self-government and analyzes public expectations of the residents of a million city about elections of the chief of the municipal district.

Key concepts:

Elections of the chiefs of municipal units, models of reforming local self-government, popularity of the city executive, the best way of vesting the city executive with authority.

УДК 323.2

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО КАК ЭТАП СТАНОВЛЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕМОКРАТИИ

Алдошенко Евгений Викторович,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации – Челябинский филиал, заместитель директора по информационным технологиям, г. Челябинск, Россия.
E-mail: aldoshenko@chel.ranepa.ru

Аннотация

В статье рассматриваются этапы создания системы «электронное правительство» для повышения качества и прозрачности государственного управления.

Ключевые понятия:

электронное правительство, информационное общество, информационно-коммуникационные технологии.

В лексикон политической науки в современной России достаточно органично вошло понятие «электронная демократия», которое в настоящее время употребляется не только учеными – политологами и аналитиками средств массовой информации, но и политическими деятелями, в том числе и высшими руководителями российского государства.

Определяя «электронную демократию» как политическую систему, в которой механизмы управления максимально информатизированы, мы можем признать ее наибольшую, по сравнению с иными моделями политической демократии, приближенность к модели демократии, участия, поскольку механизмы электронной демократии позволяют принимать участие в обсуждении и принятии политических решений самым широким массам населения страны и в относительно короткий срок. В то же время электронную демократию можно определять и не как политическую систему, а как совокупность механизмов, информационных технологий, используемых в интересах оптимизации взаимоотношений власти и общества, расширения политической коммуникации государства и граждан и ее демократизацию посредством повышения реального участия граждан в политической жизни государства.

В рамках становления электронной демократии особенно важным представляется проект создания электронного правительства, который может рассматриваться как первоначальная ступень развития политических институтов страны в информационном обществе на пути строительства системы электронной демократии. Задачи по созданию и развитию электронного правительства в современных условиях вполне выполнимы, в особенности при учете стремления государственной власти к информатизации управленческих процессов. Тем более что в настоящее время уже имеется достаточно богатый опыт развития института электронного правительства в других государствах.

Пионером внедрения информационно-коммуникационных технологий в политическую практику деятельности органов государственной власти и управления выступил Сингапур. Еще в 1981 г. были начаты мероприятия по созданию электронного правительства Сингапура, которые в течение более чем тридцати лет оптимизировались и развивались в соответствии с общим развитием информационно-коммуникационных технологий и науки о государственном управлении в современном мире.

Сингапур в направлении развития такого инструмента власти, как «электронное правительство», продвинулся гораздо дальше не только постсоветских государств, включая и Российскую Федерацию, но и стран Западной Европы и США. Конечно, здесь имеет значение малая территория этого островного государства, но нельзя игнорировать и тот факт, что практический успех любой инновационной политики зависит от того, насколько серьезно и добросовестно государство и государственный аппарат относятся к идее ее внедрения в политическую практику государственного образования.

Авторитет Сингапура как пионера информатизации государственного управления признается такими видными представителями мировой социальной науки, как Мануэль Кастельс, который считает именно Сингапур и Японию образцами внедрения информационно-коммуникационных технологий в политическую и социальную практику, призывая остальные государства мира следовать примеру этих «азиатских тигров» и развивать электронные правительства государства, повышая открытость и информатизацию органов власти и государства в целом [5, с. 68].

В современных условиях электронное правительство может способствовать значительному повышению эффективности функционирования государственной власти как на центральном общегосударственном, так и на региональном и муниципальном уровнях. В условиях повсеместного распространения информационно-коммуникационных технологий, повышения технической грамотности населения и удешевления средств массовой коммуникации неиспользование богатых возможностей информационно-коммуникационных технологий в интересах политической модернизации представлялось бы откровенной политической недалекостью. Поэтому в создании механизмов электронного правительства оказались заинтересованы не только и даже не столько гражданские активисты, сколько сами органы государственной и муниципальной власти и управления.

Политическая элита страны поставила себе целью обеспечение широкого использования электронных технологий в государственном управлении, что обусловило и необходимость повышения внимания к таким проектам, как электронная демократия и в особенности – электронное правительство.

Концепция создания «электронного правительства» была поддержана высшим руководством Российской Федерации, а 7 мая 2013 г. президентом России В.В. Путиным обязанности по реализации проекта электронного правительства были возложены на ФГУП «Почта России» и НИИ «Восход». Первая структура будет выполнять функции оператора портала государственных услуг, тогда как вторая займется разработкой IT-обеспечения функционирования электронного правительства [6].

Залогом истинных, а не кажущихся изменений должна стать корреляция между общепринятыми политическими институтами (например, партиями и движениями) и электронными системами коммуникации. Это даст возможность укрепить данные институты, а также снизит риск проявления отрицательных квазиавторитарных и олигархических тенденций, способных заметно усилиться в ситуации, когда политические процессы дают крен в сторону регулярного проведения различных референдумов.

Увеличение сетевой активности в обществе наряду с ее достаточно сложной организацией актуализирует вопрос о деятельности государства, его структур, и в первую очередь исполнительного аппарата. Создание «электронного правительства», даже если принимать во внимание исключительно техническую часть данного проекта, даст возможность контролировать назначение на государственные должности, в результате способствуя формированию государственного аппарата, базирующегося на модернистских принципах.

Развитие информационно-коммуникационных технологий позволяет представить всю систему организации государственной власти и управления в современном мире как единый сервис, доступный любому гражданину из любой точки, при условии использования им доступа к электронным информационным сетям. Таким образом, электронное правительство является квинт-эссенцией современных технологий государственного управления.

Современный российский исследователь Ю.А. Нисневич определяет электронное правительство не только и не столько как механизм государственного управления в условиях информационного общества, сколько как особую философию управления в постиндустриальную эпоху развития человечества [4, с. 6]. И здесь с ним сложно не согласиться, поскольку развитие системы государственного управле-

ния посредством электронных технологий коренным образом меняет саму структуру политической жизни страны.

Формирование структуры электронного правительства в современной России преследует несколько целей, реализации которых можно добиться в процессе информатизации политической практики российской власти. В первую очередь, это повышение качества и доступности широким слоям населения страны предоставляемых органами власти и управления государственных услуг, оптимизация системы обслуживания граждан территориальными подразделениями органов государственной и муниципальной власти и управления.

Вторая цель, преследуемая созданием электронного правительства, – автоматизация административно-управленческой деятельности органов власти и управления. К третьей цели может быть отнесена оптимизация информационно-аналитической системы, обеспечивающей процесс принятия управленческих решений, в том числе в направлении обеспечения информационной безопасности функционирования органов государственной власти и управления [1].

В первую очередь, по мнению исследователей, создание системы электронного правительства требует соответствующего регулирования нормативно-правовой базы, обеспечивающей функционирование его в рамках российской правовой системы. Естественно, что решение этой задачи потребует определенных корректировок российского законодательства, в частности – принятия законодательных актов, призванных регулировать компетенции электронного правительства, осуществлять государственный и гражданский контроль за его функционированием [4, с. 14–15].

Естественно, что процесс создания электронного правительства не может быть сиюминутным и потребует длительного времени. Современное российское общество, учитывая непродолжительность истории парламентской демократии в стране, низкий уровень развития институтов гражданского общества и политических свобод, будет весьма медленно адаптироваться к тем широким возможностям, которые открывает перед ним формирование института электронной демократии и, соответственно, механизмов электронного правительства.

Можно говорить о том, что процесс формирования электронного правительства проходит несколько этапов, на протяжении которых будут создаваться отдельные

компоненты общей системы электронного правительства, а также формироваться общественное мнение и изыскиваться ресурсы для обеспечения последующих стадий становления электронного правительства.

По мнению Дж. Демпси, создание «электронного правительства» проходит три стадии: публичность, участие и онлайн-транзакции [2, с. 24–27]. Между упомянутыми стадиями нет отношений взаимозависимости, хотя в целом их наличие отражает определенную последовательность в формировании и развитии механизмов применения информационно-коммуникационных технологий в модернизации системы политического управления в современном обществе.

Применительно к современной российской действительности концепция Дж. Демпси также может быть применена. Так, на стадии публичности происходит обеспечение информированности граждан относительно деятельности органов государственной и муниципальной власти и управления в первую очередь посредством создания электронных порталов государственных и муниципальных структур власти и управления в информационно-коммуникационных сетях. Это создание сайтов органов власти и управления, рассылка пресс-релизов и иной информации в электронные СМИ, создание страниц государственных органов власти в социальных сетях.

Для того чтобы полноценно участвовать в политической жизни общества, в деятельности органов местного самоуправления, гражданин должен быть осведомлен о характере деятельности органов власти и управления, получать своевременно и в полном объеме информацию о происходящих изменениях в политике органов власти и управления. Обладание информацией является важнейшим залогом политической активности и гражданской ответственности общества. В этом контексте расширение доступа к информационным сетям, обеспечение начальной подготовки граждан основам коммуникации в сети Интернет является важным шагом к повышению информационной обеспеченности общества.

На стадии участия, как следует из ее наименования, происходит вовлечение граждан в непосредственное участие в принятии политических и управленческих решений посредством использования широких возможностей средств информационно-коммуникационных сетей. Естественно, что вовлечение граждан в управленческий процесс также подразумевает их обес-

печенность доступом к информационно-коммуникационным сетям, а также – информированность относительно событий в политической сфере жизни общества. Второй момент и объясняет преемственность данной стадии по отношению к предыдущей. В первую очередь стадия участия предполагает обязательность наличия обратной связи у органов государственной и муниципальной власти и управления с гражданами.

Применительно к электронным технологиям это означает необходимость создания электронной почты, сайтов, страниц в социальных сетях для государственных и муниципальных органов власти и управления с соответствующими возможностями для обратной связи. Гражданин должен иметь возможность оперативной связи с представителями государственной и муниципальной власти посредством электронной почты или обращения в социальной сети, а также записей на сайтах в гостевых книгах и форумах.

Соответственно, государственные органы власти и управления, равным образом как и политические партии и объединения, должны изучать и учитывать мнение граждан, выражаемое в комментариях и электронных письмах, анализировать поступающий массив писем, обращений, комментариев и предложений на предмет выявления конструктивных рекомендаций и пожеланий, позитивной критики. Второй ступенью данной стадии является создание в сети Интернет дискуссионных площадок, «гайд-парков», электронных парламентов, позволяющих гражданам участвовать в выдвижении и обсуждении политических инициатив, принятии политических и управленческих решений.

Таким образом, мы видим, что основной в данной стадии является линия на информационный контакт власти и общества посредством участия граждан в управленческом процессе. Соответственно, должна быть создана как организационно-технологическая, так и нормативно-законодательная база для реализации мероприятий по оптимизации системы политической коммуникации власти и общества в рамках «стадии участия».

Большое значение для модернизации системы государственного и муниципального управления имеет возможность проведения так называемых «онлайн-транзакций», т.е. оплаты различного рода государственных и муниципальных услуг, коммунальных платежей, пошлин, штра-

фов, налогов и пр. через Интернет. Также необходимо предоставление физическим лицам возможности электронной регистрации собственности и оформления документов.

Можно предположить, что очевидным положительным результатом таких мер будут являться снижение коррупции (что неизбежно при постепенной деперсонализации отношений гражданин-чиновник), сокращение бюджетных расходов на содержание бюрократического аппарата, упрощение для граждан бюрократических процедур и, как следствие, более лояльное отношение населения к деятельности отдельных органов управления и власти в целом. Стадию «онлайн-транзакций» Дж. Демпси выделяет в качестве третьей, также играющей ключевое значение, стадии в процессе формирования института электронного правительства.

Первостепенное внимание должно быть уделено обозначению конкретных прав электронного правительства как нового института государственной власти и управления. Важной задачей также является нормативно-правовое обеспечение взаимодействия власти и общества посредством электронного правительства. Необходимо обратить внимание на специфику участия граждан и общественных организаций в деятельности электронного правительства, открывающие возможность посредством электронного правительства обсуждать и принимать политические и управленческие решения.

Соответственно, должна быть обеспечена и правовая база использования информационных технологий рядовыми гражданами, в том числе в интересах ознакомления с деятельностью органов государственной власти и управления. Граждане и общественные организации смогут получить возможность контроля над деятельностью органов государственной власти и управления в определенных сегментах их работы, что потребует принятия соответствующих законов относительно использования информационно-коммуникационных сетей в повседневной административной практике управленческих органов на территории Российской Федерации.

1. Гиляровская, С.В. Проблемы развития электронного правительства в регионах России [Текст] / С.В. Гиляровская // Инициативы XXI века. 2010. № 3. С. 27–29.

2. Демпси, Дж. Электронное правительство и его выгоды для широких масс [Текст] / Дж. Дем-

пси / Государственное управление в переходных экономиках: Ежеквартальное издание программы «Инициатива реформирования местного самоуправления и государственных услуг» / Институт открытого общества. 2003. С. 24-27.

3. Мавитодзи, К. Электронное правительство – опыт Сингапура [Электронный ресурс]. URL: <http://www.egov.md/index.php/ru/resurse-ru/newsletter/item/1070> (дата обращения: 15.01.2014).

4. Нисневич, Ю.А. Электронное правительство как постиндустриальная философия государственного управления [Электронный ресурс] / Ю.А. Нисневич. URL: http://www.hse.ru/pubs/lib/data/access/ticket/139400619897411c994812a60aaa7030d9170b0eca/ep_filosofiya.pdf (дата обращения: 15.01.2014).

5. Панцеров, К.А. Информационное общество: эволюция концепции в исторической перспективе [Текст] / К.А. Панцеров // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2010. Вып. 1. С. 65–72.

6. Путин поставил точку: «Электронное правительство» передается «Почте России» и «Восходу» [Электронный ресурс]. URL: http://www.cnews.ru/top/2013/05/22/putin_postavil_tochku_elektronnoe_pravitelstvo_peredaetsya_pochte_rossii_i_voshodu_529550 (дата обращения 15.01.2014).

References

1. Giljarovskaja S.V. Inicijativy XXI veka, 2010, no. 3, pp. 27–29 (in Russian).

2. Dempsi Dzh. Jelektronnoe pravitel'stvo i ego vygody dlja širokih mass [Online government and its benefits for general public]. *Gosudarstvennoe upravlenie v perehodnyh jekonomikah: Ezhekvartal'noe izdanie programmy "Inicijativa reformirovanija mestnogo samoupravlenija i gosudarstvennyh uslug". Institut «Otkrytoe obshhestvo»* (Public administration in emerging economies: Quarterly publication of the programme "Initiative of reforming local self-government and public services", Institute of open society), 2003, pp. 24–27 (in Russian).

3. Mavitodzi K. *Jelektronnoe pravitel'stvo – opyt Singapura* [Online government – Singapore's experience], available at: <http://www.egov.md/index.php/ru/resurse-ru/newsletter/item/1070> (accessed 15 January 2014) (in Russian).

4. Nisnevich Ju.A. *Jelektronnoe pravitel'stvo kak postindustrial'naja filosofija gosudarstvennogo upravlenija* [Online government as post industrial philosophy of public administration], available at: http://www.hse.ru/pubs/lib/data/access/ticket/139400619897411c994812a60aaa7030d9170b0eca/ep_filosofiya.pdf (accessed 15 January 2014) (in Russian).

5. Pancerev K.A. *Vestnik SPbGU, Ser. 6, 2010, Edition 1*, pp. 65–72 (in Russian).

6. Putin postavil točku: «Jelektronnoe pravitel'stvo» peredaetsja «Pochte Rossii» i «Voshodu» [Putin put the lid on the matter: "Online government" is passed to "Russian Post" and "Voshod"], available at: http://www.cnews.ru/top/2013/05/22/putin_postavil_tochku_elektronnoe_pravitelstvo_peredaetsya_pochte_rossii_i_voshodu_529550 (accessed 15 January 2014) (in Russian).

UDC 323.2

ONLINE GOVERNMENT AS A STAGE OF ESTABLISHING ELECTRONIC DEMOCRACY

Aldoshenko Evgeniy Viktorovich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Associate Director of Information Technology, Chelyabinsk, Russia.
E-mail: aldoshenko@chel.ranepa.ru

Annotation

The article considers stages of creating the system "Online government" for increasing quality and transparency of public administration.

Key concepts:

Online government, information society, information and communication technologies.

УДК 323.1

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ ЭТНОСА И НАЦИИ В РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Трусов Михаил Александрович,

Уральский федеральный университет,
аспирант кафедры теории и
истории политической науки,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: glacial.abbyss@gmail.com

Аннотация

Статья ставит своей целью исследование применения различных концепций, стоящих за категориями «этнос» и «нация», в официальных документах и риторике, влияющих на ход развития национальной политики Российской Федерации.

Ключевые понятия:

этнос,
нация,
национальная политика.

Особым значением в рамках категориального аппарата политической науки обладают концепции этноса и нации, содержание которых трактуется специалистами по-разному, а также значительно изменилось в ходе развития политической, этнографической, социологической наук и истории XIX–XX веков. Изучение этих понятий затруднено широким разнообразием конечных сфер их применения: этнография, политология, социология, воплощаемые на практике государственные концепции, нормативные акты и повседневный язык – все они в той или иной степени оперируют этими терминами, порой вкладывая в них абсолютно разное значение, более релевантное в конкретном случае.

Основными магистральными подходами можно считать эволюционизм и конструктивизм: рассмотрение этноса и нации, соответственно, как объективно предопределённых и не изменяющихся в ходе исторического процесса общностей, связанных по тому или иному признаку, или как конструкции, создаваемой людьми для самоотождествления и точки приложения своей воли в политической сфере. Однако существуют и иные разделения: общий язык много лет не могут найти сторонники концепций этнонации и гражданской нации, открытой для включения в себя групп представителей иных этносов. Отчасти именно терминологическая и концептуальная путаница подогревает напряжённую национальную обстановку и служит одним из косвенных факторов, способствующих эскалации конфликтов на соответствующей почве.

Основная задача данной работы заключается в изучении различных значений, придаваемых этим терминам, и стоящих за ними более развернутых концепций, а также соотнесение их с закреплённой в документах государственной национальной политикой и риторикой соответствующего ряда представителей отечественной политической сферы.

Эволюционизм, будучи исторически более ранней идеей, в значительной степени опирается на труды этнографов и исследователей культур примитивных народов. Так, отправной точкой эволюционизма можно считать примордиализм – этнос, согласно этой теории, выступает изначальным и неизменным объединением людей с неизменными признаками. В русской научной литературе одним из отцов-основателей данной школы можно считать Сергея Михайловича Широкого – автора работы «Этнос. Исследование основных принципов изме-

нения этнических и этнографических явлений». Там он определяет понятие этноса как «группы людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традиций и отличаемых ею от таковых других групп» [10, с. 6]. Прочим материалом для исследования понятия этноса в представлении эволюционистской и примордиалистской школы являются, в основном, работы именно этнографического и культурологического толка: среди них можно выделить такие произведения, как «Золотая ветвь» Джеймса Джорджа Фрезера, «Первобытная культура» Эдварда Тайлора, «Древнее общество» Льюиса Моргана и «Основания социологии» Герберта Спенсера. Именно сформировавшееся в работах учёных этой школы понятие этноса стали развивать исследователи, более непосредственно занимающиеся развитием политической науки.

Отметим, что в массовом сознании жителей и политиков России понятия этноса и нации трактуются, как правило, вполне в духе школы примордиализма, что отмечает академик Валерий Тишков. «Глубоко примордиалистское понимание этой субстанции на протяжении десятилетий (фактически начиная с переписи 1926 г.) привело к глубокой вере, что население страны состоит из отдельных народов (этносов) и этнографических групп (субэтносов), которые и составляют реестр национальностей» [5].

Этничность, постигаемая через призму социального поведения и набора установок, усвоенных в процессе передачи культурного наследия, выступает как механизм дискриминации (в широком смысле): позволяет самоорганизовываться в группы и выступает своего рода защитным механизмом. При этом разумно предположить, что принадлежность к той или иной этнической культуре, подобно принадлежности к этносу, свойственна всем без исключения индивидам и, следовательно, является вполне универсальным критерием. «Большинство социологов считает, что "набор и связи" культурных стандартов обладают определенным постоянством» [11, с. 163].

Существует, однако, мнение о неустойчивости, текучести, многоуровневости и двусмысленности этнической характеристики, что делает ее применение значительно более проблематичным. Это мнение разделяет академик Валерий Тишков и в какой-то степени – официальные круги, определяющие развитие национальной

политики в России. «Этническая самоидентификация столь подвижна и достаточно легко конструируется, что даже если одна перепись зафиксирует "полную картину этносов", то следующая перепись даст наверняка другой больший или меньший список, и обязательно отличный от предыдущего» [5]. В таком случае остается еще меньше места для примордиальной детерминированности, а управлению и изменению (при последовательном и разумном подходе) поддаются абсолютно все характеристики.

Согласно труду Лии Гринфельд «Национализм», нация может представлять из себя либо сумму всех ее членов, понимаемую как сумма свобод, либо как унитарное тело, своего рода организм. Таким образом, вновь проявляется внутренняя дихотомия этого термина, чуть иначе объясняемая, но равно уверенно заявленная также, например, Хансом Коном. Нация первого типа служит выразителем совокупности коллективных свобод входящих в нее людей и не функционирует в отрыве от их волеизъявления, что естественным образом связано с определенным уровнем развития демократических институтов и достаточной степенью проникновения демократических традиций в политическую культуру нации. Другим типом выступает нация как самоцель и самостоятельный (в некотором смысле – единственный) субъект политического процесса, обладающий собственной волей, целями и средствами их достижения. В таком случае население относительно отстранено от принятия политических решений, которыми занимается относительно узкая прослойка правящей элиты. «В первом случае национальность, в принципе, является открытой и добровольной, ее можно, а иногда и нужно получить. Во втором случае считается, что национальность есть нечто врожденное, приобрести ее нельзя, если у человека ее нет, и нельзя изменить, если она имеется, к личной воле она не имеет никакого отношения и является как бы генетической характеристикой» [3, с. 15]. В нашем случае не так важно сравнение механизмов волеизъявления, как признание того, что под одним «зонтичным» термином могут пониматься совершенно различные на практике понятия, об определении которых неплохо было бы договариваться до начала любой релевантной публичной дискуссии.

Соответственно и критерии членства в первом случае могут быть как гражданскими, так и этническими. В первом случае национальность теснее отождествляется с гражданством: именно в рамках такой кон-

цепции могут существовать «гражданские нации», большим сторонником которых является, к примеру, академик Валерий Тишков. Во втором случае нация соответствует «объективной» этнической характеристике и представляет собой этнонацию.

Говоря о континентальной европейской традиции толкования феномена нации, крайне похожей на экстраполяцию концепции примордиализма, стоит также вспомнить Иоганна-Готлиба Фихте: «Соразмерное разуму государство не может быть построено искусственным образом из любого наличного материала, нация должна быть сначала образована и воспитана для него» [9, с. 160]. Именно против практического применения конструкции этнонации такого типа академик Валерий Тишков возражает особенно сильно.

Бенедикт Андерсон в своей работе «Воображаемые сообщества», считающейся важнейшим конструктивистским трудом, также рассматривает термин «нация» и пытается дать ему определение. Он говорит о парадоксе столкновения нации как относительно молодой исторической общности и существующего в голове националиста образа нации как древней мифологизированной сущности. Из этого вытекает его краткое и любопытное определение нации: «это воображённое политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное» [2, с. 30]. «Воображённость» нации связана с тем, что каждый член нации (равно как и член любого сообщества крупнее первобытной деревни) никогда не видел большинства других её членов. В то же время она является ограниченной (потому что ни одна нация не соразмеряет себя с человечеством) и суверенной (за счёт приблизительно единовременного утверждения в политической жизни Европы стремления к суверенности и образованию наций). Бенедикт Андерсон подытоживает своё определение используемых терминов, утверждая, что нация воображается как сообщество, «поскольку независимо от фактического неравенства и эксплуатации, которые в каждой нации могут существовать, нация всегда понимается как глубокое, горизонтальное товарищество». При этом Андерсон практически не говорит об этносе, этничности, а термин «национальность» трактует как «nation-ness», принадлежность к определённой нации. Несмотря на постоянно муссируемую государственными идеологиями идею многонациональной России как государства с тысячелетней историей и объективное сожительство (в тех или иных

формах) регионов с различным этническим составом населения в рамках СССР и Российской империи, необходимо помнить, что как минимум Российская Федерация, столь же объективно являясь крайне молодым государством, требовала переосмысления национальной политики и переконфигурирования национальных отношений. При этом невозможно было обойтись без элемента конструктивизма: воображения нации, должной соединить в себе население оставшихся после распада СССР в составе РФ регионов.

Напомним, что в рамках действующей концепции национальной политики (закрепленной «Концепцией государственной национальной политики» от 1996 года и заменившей её недавней «Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года») фактически предполагается создание прочной и единой гражданской нации россиян, обладающих при этом множественной идентичностью, непременно включающей в себя разноуровневые этнические компоненты, призванные подчеркнуть культурный, языковой и религиозный плюрализм, существующий внутри этой нации. В рамках описанной выше гражданской нации гражданин может иметь иные идентичности нескольких уровней, самостоятельно решая, какой из них отдавать приоритет. «Эти идентичности многоуровневы и не взаимоисключают друг друга, они могут носить местно-общинный характер (карамахинец), локально-этнический (тоджинец, андиец), национально-этнический (аварец, даргинец), регионально-культурный (дагестанец, татарстанец, якутянин), культурно-гражданский (россиянин)» [4, с. 15]. Основными типами идентичности в рамках этой идеологической концепции можно считать два: «по культуре и по гражданско-политическому сообществу».

При этом не предполагается наделение представителей этих этносов какой бы то ни было политической субъектностью на региональном уровне: этносы не переходят в нации, и общая гражданская нация состоит именно из политически «недееспособных» этносов.

Считаем возможным полагать, что такой подход может вызвать некоторые трудности. Термин и конструкция «этнос» применяются здесь в достаточно узком этнографическом ключе (с поправкой на потенциальную многоуровневость этнической самоидентификации), в первую очередь сообщающая о единстве происхождения некой социаль-

ной группы, единстве ее культуры и языка. Исторически этнография преимущественно рассматривала «примитивные» этносы в рамках изучения первобытной культуры и основ человеческого общежития – отсюда отсутствие надления понятия этноса каким бы то ни было политическим содержанием, практически никак не представленным в повседневной жизни «примитивных» этносов, не имеющих своего государства и живущих родоплеменным укладом.

Гражданская нация – конструктивистская по природе своей, а также подчеркнута и вынужденно конструктивистская в условиях полного отторжения концепции этнонации при действующей концепции «многонациональной» и мультикультурной России. Доктрина Тишкова отдельно ставит своей целью открытое противостояние феномену этнонационализма, во многом продиктованное характером и составом государства. «Этнонационализм в его изоляционистской, или сепаратистской, формах является одним из главных вызовов для государств со сложным составом населения» [6]. Результирующая гражданская нация представляется понятием и конструкцией весьма современным и прогрессивным, опирающимся на достаточно актуальные концепции. В этой схеме отсутствует потенциально возможное среднее звено, соединяющие эти два уровня: обладающие политической субъектностью этнонации, являющиеся естественным продолжением конструкции этносов в политическом поле. В Российской Федерации даже население официально признанных республик, обладающих собственной Конституцией и более широкими законодательными полномочиями, порой ощущает собственное положение как квазинациональное, что особенно заметно при сравнении с некоторыми другими государствами, где подобные проблемы были решены по-другому и с применением иных практических концепций, обоснованных использованием иной теоретической базы. Так, существует совместное заявление Всемирного курултая башкир и Всемирного конгресса татар, выражающее неприятие концепции государственной национальной политики 1996 года из-за её предполагаемой нацеленности на создание «общегражданской российской нации» [1] и нивелирование национально-культурных особенностей входящих в неё народов. Официальная позиция по этому вопросу, впрочем, достаточно понятна и призвана их успокоить: «Никто и никогда не заставит осетин, татар, якутов превращаться в россиян, ибо они и есть россияне, российская нация, но которые по

своей этнической принадлежности остаются теми, кем себя считают» [7]. Таким образом, отдельным этносам, населяющим различные республики, отказывается в национальной самостоятельности при полном сохранении их этнокультурного и лингвистического богатства.

Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, должный служить функции территориального (а следовательно, некоторым косвенным образом, и национального или этнического представительства), не может выполнять подобную функцию на практике. Во-первых, этому препятствует фактическая неизбираемость сенаторов и отсутствие прямой связи между ними и населением представляемого ими региона. Во-вторых, спектр возможностей законодательной инициативы членов Совета Федерации крайне узок и в основном сводится к утверждению законопроектов, прошедших нижнюю палату Федерального Собрания Российской Федерации. Все это сочетается с требованиями к сенаторам, в которые входит «безупречная репутация» и «5 лет оседлости» [8] – сенатор в идеологическом плане действительно является почетным представителем своего региона (и опосредованно – этноса или нации), но при этом служит скорее дополнительным независимым, опытным и уравновешенным ревизором принимаемых законопроектов и должен соотносить их с интересами населения своего региона, но не имеет больших законодательных полномочий сам по себе.

Примерами других вариантов решения обозначенной проблемы могут служить США и Бельгия, внутренние национальные отношения которых в целом сводятся к двум полярным концепциям. В случае США мы видим существенно более сплоченную и гомогенную гражданскую нацию, составленную из носителей различных этнических, лингвистических и религиозных параметров, которые, не теряя свою расовую и этническую самоидентификацию (что в рамках официальной риторики и статистики выражается делением американской нации на различные этнические группы (от английского *ethnic groups*), кроме того, считается допустимым учитывать этническое происхождение ее представителей), с принятием американского гражданства приобретают однозначную национальную и гражданскую самоидентификацию, оставляя все возможные связи с иными государствами. Отчасти этому способствует исторически сложившийся образ американской нации как нации мигрантов, высокоинклюзивного «плавильного котла», что поддерживалось

и поддерживается как политическими мерами, так и массовой культурой.

В случае Бельгии мы можем выделить общеваллонскую гражданскую нацию, состоящую, однако, только из обладающих собственными национальными политическими аппаратами фламандцев и валлонов. Как во Фландрии, так и в Валлонии (как и в республиках Российской Федерации) существуют собственные правительства и парламенты, что придает этнически однородным населением этих регионов многие политические рычаги, свойственные таким политическим субъектам как нациям. Помимо этого, однако, состав федерального парламента, формируемого по пропорциональному принципу, полностью зависит от конфигурации партийного аппарата страны и электоральных предпочтений жителей тех или иных регионов. Изучение этих сфер позволяет легко отметить крайне диверсифицированную электоральную картину: жители Фландрии фактически голосуют за один набор партий (в который входят преимущественно правые либеральные партии), а жители Валлонии – за другой (в основном левые социал-демократические партии), несмотря на доступность голосования за любую партию и отсутствие документального закрепления территориальной привязки партий, приведшего бы к ограничению электорального права гражданина. На практике программы, к примеру всех основных фламандских партий (в особенности правого политического спектра: *Nieuw-Vlaamse Alliantie*, *Vlaams Belang*, *Christen-Democratisch en Vlaams*), ориентированы в первую очередь именно на решение внутренних проблем Фландрии и обеспечение интересов фламандской нации, и обычно касаются более широких проблем федерального уровня лишь постольку, поскольку эти отношения способны навредить прямым интересам Фландрии и ее нации (в первую очередь в экономическом плане). При этом фактически существует некоторая электоральная сегрегация Фландрии и Валлонии, а парламент, избранный при таком устройстве избирательной системы, служит интересам национального представительства фламандского и валлонского народов.

Таким образом, можно выделить основные концепции, наиболее важные для национальной политики Российской Федерации. Одной из главных является понятие «этноса», воспринимаемого здесь в качестве многоуровневой этнокультурной самоидентификации, на одном из уровней также представляющего собой набор территориально распре-

ленных «кирпичиков», составляющих общее здание нации Российской Федерации. При этом для понимания происходящих процессов крайне важно, что «нация» в концепциях и риторике государственного уровня трактуется только как инклюзивная гражданская общность, совокупность свобод – несмотря на немалое число сторонников этнонационального подхода.

В рамках дихотомии примордиального и конструктивистского подхода к нации риторика, как правило, указывающая на объективную обусловленность текущей конфигурации российской нации и ее давние исторические корни, не должна отталкивать нас от использования конструктивистского подхода при изучении Российской Федерации, к которому вполне ясно подводит общая молодость современного государственного организма и недостаточная отрефлексированность государственной национальной политики.

1. Азанбаев, Р.Т. Сохранить конституционные основы этнокультурного многообразия народов Российской Федерации! [Электронный ресурс] / Р.Т. Азанбаев, Р.З. Закиров. URL: <http://mariuver.wordpress.com/2009/08/04/tatary-bashkiry/> (дата обращения: 20.01.2014).

2. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма [Текст] / Б. Андерсон. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. 288 с.

3. Гринфельд, Л. Национализм: пять путей к современности [Текст] / Л. Гринфельд. М.: ПЕР СЭ, 2012. 528 с.

4. О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 3 декабря 2012 г. № 229-ФЗ: принят Государственной Думой 20 ноября 2012 года: одобрен Советом Федерации 28 ноября 2012 года // Российская газета. 2012. 7 декабря. № 5956.

5. Покасова, Е.В. Адаптация в поликультурном окружении: маргинальность или бикультурность? [Текст] / Е.В. Покасова // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник / под ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск: Nonparel, 2004. Вып. 6. С. 163–166.

6. Тишков, В.А. Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнополорама» 1999–2011 гг. [Текст] / В.А. Тишков. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2011. 232 с.

7. Тишков, В.А. Перепись населения и конструирование идентичности [Электронный ресурс] / В.А. Тишков. URL: http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn/na_puti_k/perepisi_n.html?forprint=1 (дата обращения: 20.01.2014).

8. Тишков, В.А. Россия это нация наций. В поисках формулы [Электронный ресурс] / В.А. Тишков. URL: http://valerytishkov.ru/cntnt/novye_publicacii/rossiya__e1.html (дата обращения: 20.01.2014).

9. Тишков, В.А. Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности и развития российского общества [Электронный ресурс] / В.А. Тишков. URL: <http://valerytishkov.ru/engine/documents/document1273.doc> (дата обращения: 20.01.2014).

10. Фихте, И.Г. Речи к немецкой нации [Текст] /

И.Г. Фихте. М.: «Наука», 1992. 350 с.

11. Широкогоров, С.М. Избранные работы и материалы [Текст] / С.М. Широкогоров. Книга 1. Владивосток, Издательство Дальневосточного университета, 2001. 191 с.

References

1. Azanbaev R.T., Zakirov R.Z. *Sohranit' konstitucionnye osnovy jetnokul'turnogo mnogoobrazija narodov Rossijskoj Federacii!* [To preserve constitutional basis of ethnocultural diversity of peoples of the Russian Federation!], available at: <http://mariuver.wordpress.com/2009/08/04/tatary-bashkiry/> (accessed 20 January 2014) (in Russian).

2. Anderson B. *Voobrazhaemye soobshhestva. Razmyshlenija ob istokah i rasprostranении nacionalizma* [Imaginary communities. Reflections upon sources and spread of nationalism]. Moscow, «KANON-pess-C», «Kuchkovo pole», 2001, 288 p. (in Russian).

3. Grinfel'd L. *Nacionalizm: pjat' putej k sovremennosti* [Nationalism: five ways to modern times]. Moscow, PER Sje, 2012, 528 p. (in Russian).

4. O porjadke formirovanija Soveta Federacii Federal'nogo Sobranija Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 3 dekabnja 2012 g. № 229-FZ: prinjat Gosudarstvennoj Dumoj 20 nojabnja 2012 goda: odobren Sovetom Federacii 28 nojabnja 2012 goda. Rossijskaja gazeta, 2012, 7 December, no. 5956 (in Russian).

5. Pokasova E.V. Adaptacija v polikul'turnom okruzenii: marginal'nost' ili bikul'turnost'? [Adaptation in a polycultural surroundings: marginality or biculturalism?]. *Jetnosocial'nye processy v Sibiri: Tematiceskij sbornik* (Ethnosocial processes in Siberia: subject collection). Novosibirsk, Nonparel', 2004, Edition 6, pp. 163–166 (in Russian).

6. Tishkov V.A. *Edinstvo v mnogoobrazii: publikacii iz zhurnala «Jetnopanorama» 1999–2011 gg.* [Unity ib diversity: articles from the journal "Ethnopanorama" 1999–2011]. Orenburg, Izdatel'skij centr OGAU, 2011, 232 p. (in Russian).

7. Tishkov V.A. *Perepis' naselenija i konstruirovanie identichnosti* [Population census and construction of identity], available at: http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn/na_puti_k_/perepisi_n.html?forprint=1 (accessed 20 January 2014) (in Russian).

8. Tishkov V.A. *Rossija jeto nacija nacij. V poiskah formuly* [Russia is a nation of nations. In search of a formula], available at: http://valerytishkov.ru/cntnt/novye_publicacii/rossiya__e1.html (accessed 20 January 2014) (in Russian).

9. Tishkov V.A. *Jetnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie – osnova stabil'nosti i razvitija rossijskogo obshhestva* [Ethnic and religious diversity is a basis for stability and development of Russian society], available at: <http://valerytishkov.ru/engine/documents/document1273.doc> (accessed 20 January 2014) (in Russian).

10. Fichte I.G. *Rechi k nemeckoj nacii* [Addresses to the German Nation]. Moscow, «Наука», 1992, 350 p. (in Russian).

11. Shirokogorov S.M. *Izbrannye raboty i materialy* [Selected works and materials]. Book 1. Vladivostok, Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, 2001, 191 p. (in Russian).

UDC 323.1

ON THE PECULIARITIES OF USING THEORETICAL CONCEPTIONS OF ETHNOS AND NATION IN RUSSIAN NATIONAL POLICY

Trusov Mikhail Aleksandrovich,

Ural Federal University, Post-graduate Student of the Chair of Theory and History of Political Science, Yekaterinburg, Russia.
E-mail: glacial.abys@gmail.com

Annotation

The aim of the article is to study different conceptions which stand for the categories "ethnos" and "nation" in official documents and rhetoric influencing the development of national policy of the Russian Federation.

Key concepts:

Ethnos,
nation,
national policy.

УДК 323.212:323.22

РЕГУЛИРОВАНИЕ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА: РАЗРАБОТКА КООРДИНАЦИОННОГО МЕХАНИЗМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

Белай Сергей Викторович,

Академия внутренних войск
МВД Украины,
начальник научно-организационного от-
дела, кандидат военных наук,
старший научный сотрудник,
г. Харьков, Украина.
E-mail: Belwz3@mail.ru

Аннотация

Проведен анализ основных теоретических понятий терминов взаимодействия и социального диалога между властью и общественностью.

Представлено авторское определение терминов социального диалога с позиции государственного управления в сфере урегулирования кризисных явлений (ситуаций). Обоснованы теоретические положения координационного механизма взаимодействия власти и общественности при урегулировании кризисных явлений (ситуаций) социально-экономического характера и представлена соответствующая структурная схема этого механизма.

Ключевые понятия:

власть,
общественность,
взаимодействие,
координационный механизм.

В настоящее время в мире все чаще возникают кризисные явления. Изменения социальной политики стран Европы вызывают недовольство граждан, которое выражается в организации забастовок, массовых беспорядков. События «арабской весны» доказывают способность граждан отстаивать права на достойный уровень жизни путем применения крайних насильственных действий – революций и гражданских войн. Страны постсоветского пространства не являются исключением в этом вопросе. Последние события в Украине наглядно демонстрируют, как кризисные явления социально-экономического характера (а именно низкий уровень и качество жизни населения, отсутствие социальной справедливости в обществе, проблемы занятости населения, высокий уровень коррупции и т.д.) привели сначала к мирным акциям Евромайдана, которые в последствии перешли грань закона и переросли в массовые беспорядки.

Захват насильственным способом зданий государственных учреждений, использование «коктейлей Молотова», применение огнестрельного оружия являются преступлениями в соответствии с действующим законодательством Украины. Жертвы и пострадавшие как со стороны протестующих, так и со стороны личного состава сил охраны правопорядка служат доказательством неэффективной деятельности органов государственной власти.

Таким образом, взаимодействие власти с общественностью на сегодняшний день является крайне актуальным, основной задачей которого является урегулирование кризисных явлений с целью недопущения снижения уровня и качества жизни населения, возникновения социальной напряженности в обществе, а также эскалации социальных конфликтов, которые могут привести к гибели населения и свержению конституционного строя государства.

Вопросы взаимодействия власти и местного самоуправления с общественностью поднимались в исследованиях ученых: А.В. Скрипнюка [14], А.А. Дегтяря [1], А.В. Халецкого [1, 16–18], В.И. Надрга [8], А.А. Бабиной [3], В.В. Сидоренка [13], Л.Н. Тимофеева [15], Л.В. Беззубки [2], Д.В. Кольцовой [2] и других. Отдельным блоком выступают вопросы исследования социального диалога между властью и населением, а именно, научные труды А.Н. Петрова [11], В.Ф. Цвиха [19], Д.В. Нелипы [19], И.А. Лосихи [7], А.Н. Крутий [6], Н.А. Грамодской [4] и других.

В работах ведущих ученых исследуются основные теоретико-методологические основы взаимодействия властных структур с общественностью, а также вопросы осуществления социального диалога. Имеющиеся работы по указанным вопросам посвящены, как правило, решению отдельных проблем такого взаимодействия. Внимания ученых еще требуют недостаточно хорошо разработанные вопросы определения концептуальных основ эффективного взаимодействия органов исполнительной власти с общественностью в условиях возникновения кризисных явлений и ситуаций социально-экономического характера.

Целью статьи является рассмотрение основных теоретических понятий, раскрывающих процесс взаимодействия и социального диалога между властью и общественностью, а также разработка координационного механизма взаимодействия органов государственной власти с общественностью при урегулировании кризисных явлений (ситуаций) социально-экономического характера.

Обеспечение взаимодействия институтов власти с общественностью относится к одной из важнейших проблем человечества со времен появления государства и является актуальной на современном этапе развития государственности, особенно в условиях существования кризисных явлений социально-экономического характера.

Решение проблемы обеспечения взаимодействия органов государственной власти с гражданским обществом требует институционального, финансового, организационного, экономического и научного обеспечения, тогда как его становление происходит через активизацию соответствующих механизмов государственного управления [1, p. 10]. Эффективным инструментом реализации принципа четкой определенности категории "взаимодействие" в контексте теории государственного управления является раскрытие содержания основных терминов.

Взаимодействие – это заранее согласованные действия, которые ведутся каждым из субъектов (партнеров), вступивших в отношения с целью выполнения своей задачи с учетом действий противоположного субъекта этих отношений, с расходом части собственных ресурсов для выполнения задания сторонами отношений и с соответствующим расходом ими части своих ресурсов для других субъектов, осуществляющих действия в своих интересах [10, p. 111].

Взаимодействие более активно осуществляется в условиях полной определенности относительно намерений и планов субъектов взаимодействия. Главный признак взаимодействия – отсутствие негативного влияния на партнера. Задачи субъектов взаимодействия могут полностью или частично совпадать.

Основными формами взаимодействия современная научная мысль определяет: независимые действия, согласованные действия, совместные действия, помощь, взаимопомощь.

Действия могут иметь различную степень согласованности, но главным признаком взаимодействия является отсутствие противодействия. В случае полной несогласованности действия субъектов называются независимыми (взаимодействие отсутствует) [10, p. 12].

Наведенные формы взаимодействия реализуются в условиях полной определенности относительно намерений и планов субъектов взаимодействия при условии соблюдения принципа ненападения вреда партнеру. Во время взаимопомощи субъекты не пытаются повысить эффективность своих действий за счет положительного влияния партнеров, но и не допускают ее снижения, что может произойти в результате помощи, оказываемой партнеру.

На сегодня внедрение основных европейских принципов и стандартов взаимодействия органов государственной власти с гражданами и общественными организациями дает возможность сближения с Европой и обеспечения унификации и стандартизации правил и процедур отношений органов власти с гражданами. Указанные отношения закреплены в договорах об учреждении Европейских сообществ и ЕС, Ниццкой Хартии фундаментальных прав, решениях Европейского суда справедливости в Люксембурге и Европейского суда по правам человека, законодательстве ЕС, а также в Европейском кодексе надлежащего административного поведения, многих конвенциях, резолюциях и рекомендациях Совета Европы [1, p. 55–56].

На сегодняшний день наблюдается недостаточная защищенность прав граждан в отношениях с властными структурами. По мнению К. Губерний, это объясняется существующими разрывами между обществом и государством [5]. Власть не имеет еще наработанный механизм, способов и форм постоянного информирования общества о планах и результатах управленческих решений. В отношениях граждан и

институтов власти не хватает выстроенной системы обратных связей. Одновременно и общество не структурировано должным образом для решения указанных вопросов.

В системе общественных отношений обязательно проявляются социальные отношения, которые связаны с социальной сферой жизнедеятельности людей. Управление общественными отношениями, т.е. взаимодействием социальных групп, человеческих обществ в процессе их деятельности, реализуется через социальное регулирование, тогда как инструментом такого регулирования выступают общественные связи. В общем виде система общественных связей выступает как процесс социальной коммуникации, необходимый элемент социального взаимодействия, управления общественными отношениями.

Общественные связи являются одной из форм социальных связей – социального взаимодействия власти и общственности. В исследовании вопросов взаимодействия современные научные исследования области наук государственного управления отмечают решения проблемы социального взаимодействия.

Социальное взаимодействие является непосредственным или опосредованным процессом обмена социальными действиями между двумя и более социальными объектами (или субъектами), а социальное действие – это любое проявление социальной активности, целью которого является целенаправленное воздействие на других людей. Социальное взаимодействие характерно любой сфере общества. В зависимости от сфер жизнедеятельности общества различают следующие ее виды: экономическая (интерактанты – владельцы и наемные работники); политическая (интерактанты или сотрудники, или противоборцы – представители политических партий, общественных движений и т.д., субъекты государственной власти); профессиональная (интерактанты – представители разных профессий); демографическая (интерактанты являются представителями разных возрастных категорий, статей, национальностей, рас); семейно-родственная; территориальная (интерактанты могут сталкиваться, сотрудничать, конкурировать между собой); религиозная (интерактанты являются представителями разных религий или верующими, или атеистами) [1, р. 14].

Основой социального взаимодействия является социальный диалог. Термин «диалог» (от греческого «dialogos» – разговор, беседа) в теории коммуникации означает

передачу информации от одного человека к другому, то есть словесный обмен мнениями между двумя и более собеседниками. Термин «социальный» (от латинского «socialis» – совместный, общественный) включает все междучеловеческое, то есть он касается всего того, что связано с совместной жизнью людей, с различными формами их общения. Таким образом, социальный диалог по определению вышерассмотренных терминов означает разговор между двумя и более лицами по вопросам общества.

В современных научных трудах социальный диалог исследуется в широком и узком смысле [4, р. 11; 11, р. 2]. В широком смысле он рассматривается как особая форма дискуссии вокруг широкого поля вопросов, которые являются предметом интересов различных социальных групп и общества в целом по согласованию их интересов в политической и экономической сфере, а также в сфере труда. В узком – это процесс определения и сближения позиций, достижения общих договоренностей и принятия согласованных решений в сфере труда и социально-трудовых отношений.

Согласно закону Украины «О социальном диалоге в Украине» [9] социальный диалог – это процесс определения и сближения позиций, достижения общих договоренностей и принятия согласованных решений сторонами социального диалога, которые представляют интересы работников, работодателей и органов исполнительной власти, органов местного самоуправления по вопросам формирования и реализации государственной социальной и экономической политики, регулирования трудовых, социальных, экономических отношений.

По мнению Н.А. Громадской, социальный диалог является одним из эффективных механизмов согласования социально-экономических интересов различных социальных групп и властных структур с целью достижения социального согласия, мира и спокойствия в обществе, что является важным условием обеспечения социальной и политической стабильности в обществе. Он является одним из главных факторов развития гражданского общества и предотвращения социальных конфликтов [4, р. 23].

В.Ф. Цвих, Д.В. Нелипа определяют социальный диалог как информационное и коммуникативное взаимодействие, как универсальный социокультурный механизм, направленный на обеспечение взаимодействия различных социальных субъектов, а также на воспроизводство и развитие норм и связей такого взаимодействия [19, р. 185].

Как видно из определения, которое предоставлено законодателем, трудовые отношения стоят впереди социальных, то есть можно сделать вывод, что социальный диалог в первую очередь рассматривается в сфере регулирования отношений между рабочим и работодателем. Также в этом определении не идет речь о взаимодействии власти и общественности в сфере предотвращения и урегулирования социальных конфликтов. Наиболее глубокое определение социального диалога предоставлено последними двумя источниками.

Поэтому, по нашему мнению, определение социального диалога с позиции государственного управления в сфере урегулирования кризисных явлений (ситуаций) – это механизм согласования социально-экономических интересов различных социальных групп и властных структур путем налаживания информационного, коммуникативного, социального взаимодействия для достижения социального согласия, мира и спокойствия, обеспечения социальной стабильности в обществе, недопущения и урегулирования социальных конфликтов между органами исполнительной власти, органами местного самоуправления и общественностью.

Согласно действующему законодательству Украины социальный диалог осуществляется между сторонами социального диалога соответствующего уровня в формах [9]: обмен информацией; консультаций; согласовательных процедур; коллективных переговоров по заключению коллективных договоров и соглашений.

Для ведения социального диалога на национальном уровне из равного числа представителей сторон социального диалога соответствующего уровня образуются Национальный трехсторонний социально-экономический совет. По инициативе сторон могут образовываться отраслевые (межотраслевые) трехсторонние или двусторонние социально-экономические советы и другие трехсторонние органы социального диалога (комитеты, комиссии и т.д.). На территориальном уровне создаются территориальные трехсторонние социально-экономические советы. На локальном уровне для ведения коллективных переговоров по заключению коллективных договоров стороной работников и стороной работодателя образуется двусторонняя рабочая комиссия в соответствии с законом [9].

Анализ действующего законодательства Украины доказывает, что социальный диалог в большей степени законодателем

рассматривается как инструмент, применяемый в сфере трудовых отношений работодателя и работника. Соответственно [9] основные задачи Национального трехстороннего социально-экономического совета прописаны широко и обобщенно:

- выработка консолидированной позиции сторон социального диалога относительно стратегии экономического и социального развития Украины и путей решения существующих проблем в этой сфере;

- подготовка и предоставление согласованных рекомендаций и предложений Президенту Украины, Верховной Раде Украины и Кабинету Министров Украины по вопросам формирования и реализации государственной экономической и социальной политики, регулирования трудовых, экономических, социальных отношений.

А значит, целесообразно согласиться с мнением проф. О.М. Крутий о том, что Национальный трехсторонний социально-экономический совет при Президенте Украины нуждается в расширении своего состава за счет привлечения представителей общественных организаций, которые не действуют в сфере трудовых отношений. Такое расширение позволит деятельности этого совета выйти за пределы трудовых отношений. Это обеспечит действительно диалогический характер взаимодействия государственной власти и общественности и сделает Национальный совет инструментом такого взаимодействия [6].

К тому же сейчас высказывается большое количество критических замечаний со стороны общественности по поводу принятия закона Украины «О социальном диалоге в Украине» [9]. Прежде всего это касается ограничения круга сторон диалога. Дело в том, что имеющиеся критерии репрезентативности нивелируют участие профсоюзов и организаций работодателей, многие из которых находятся в стадии формирования и не в состоянии пройти так называемый «репрезентативный барьер». Актуальным остается вопрос защиты интересов граждан, входящих в нерепрезентативные профсоюзы и находящиеся вне системы социального диалога. Более того, некоторые его статьи противоречат нормам Конституции Украины, в частности ст. 36 «О равенстве прав всех профсоюзов» [12]. Таким образом, целесообразным является доработка законодательной базы по поводу совершенствования механизма отбора организаций, которые могут входить в состав участников социального диалога, а именно уместно добавление общественных организаций, объединений граждан, отдельных

граждан, которые являются специалистами в области урегулирования кризисных явлений социально-экономического характера.

По общепринятому определению государственные механизмы управления – это практические меры, средства, рычаги, стимулы и т.д., с помощью которых органы государственной власти и местного самоуправления влияют на общество и на любую социальную систему с целью достижения поставленных целей.

Термин «координационный» (от латинского «cum» – согласование) означает согласование, строительство в соответствии, установление взаимосвязи, контакта в деятельности людей, между действиями и т.п. Это слово близко к термину «взаимодействие», но при этом ключевым в понятии выступают согласование, сочетание, упорядочение.

Поэтому, по нашему мнению, координационный механизм взаимодействия власти и общественности при урегулировании кризисных явлений (ситуаций) социально-экономического характера – это координационные действия (мероприятия, средства, рычаги, стимулы и т.д.), направленные на урегулирование кризисных явлений (ситуаций) социально-экономического характера, путем организации взаимодействия между органами власти и общественности на основе применения органов социального диалога.

Следовательно, исходя из вышеизложенного, можно предложить следующую структурную схему координационного механизма взаимодействия власти и общественности при урегулировании кризисных явлений (ситуаций) социально-экономического характера (см. рис.1).

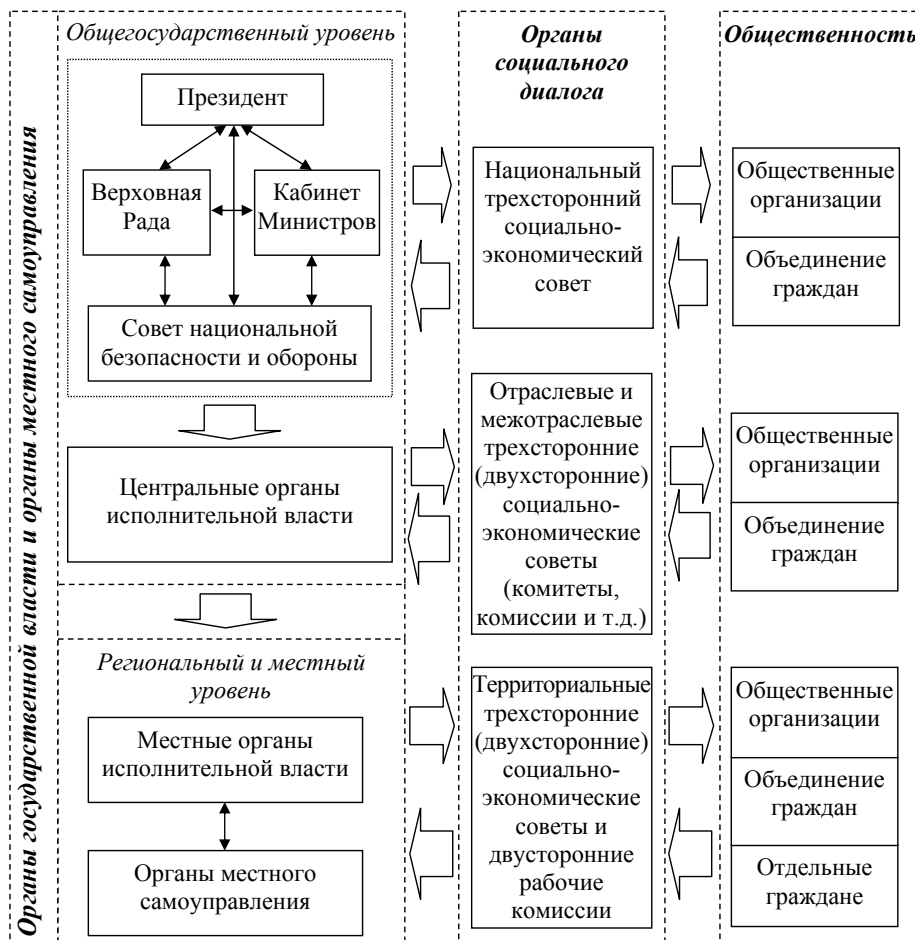

Рис. 1. Структурная схема координационного механизма взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления с общественностью в условиях возникновения кризисных явлений

Основой предложенного координационного механизма в соответствии с проектом института Горшенина выступают следующие органы социального диалога:

- на национальном уровне – Национальный трехсторонний социально-экономический совет;

- на отраслевом уровне – отраслевые и межотраслевые трехсторонние (двухсторонние) социально-экономические советы (комитеты, комиссии и т.д.);

- на территориальном уровне – территориальные трехсторонние (двухсторонние) социально-экономические советы;

- на локальном уровне – двусторонние рабочие комиссии [9].

Указанные органы социального диалога являются посредниками между органами государственной власти, органами местного самоуправления (в объеме делегированных им полномочий органов исполнительной власти) и общественности, которая представлена общественными организациями, объединениями граждан и отдельными гражданами.

Главной задачей деятельности представленных комиссий является урегулирование кризисных явлений и ситуаций с целью снижения уровня социальной напряженности в обществе, а также эскалации социальных конфликтов путем достижения компромисса между органами власти и общественностью.

В состав представленных комиссий необходимо задействовать посредников со стороны общественности с нейтральными политическими взглядами. Эти люди должны обладать рядом необходимых качеств. Они должны быть настоящими авторитетами для всех сторон, объективными и последовательными доверенными лицами. Посредник должен выслушать обе стороны, постараться найти компромисс и свести противоречия к минимуму. Примирение или отказ от насильственных действий должны стать конечным результатом. В качестве посредников обычно привлекают известных спортсменов и артистов, популярных общественных лидеров, религиозных деятелей.

Таким образом, подводя итоги материала, приведенного в статье, можно сделать следующие выводы.

Социальный диалог является действенным механизмом взаимодействия органов государственной власти с общественностью при урегулировании кризисных явлений социально-экономического характера. При урегулировании указанных явлений

взаимодействие власти и общественности должно базироваться на методологии информационного обмена взаимодействующих систем и на концепции коммуникативной рациональности власти.

Предложенный координационный механизм взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления с общественностью в условиях возникновения кризисных явлений позволит расширить деятельность органов социального диалога именно для урегулирования кризисных явлений (ситуаций). Применение этого механизма в сегодняшней ситуации в Украине, возможно, позволило бы избежать такого количества жертв, и переход власти к оппозиции был бы менее трагичным.

Проведенный анализ выявил проблемы нормативно-правовой базы в вопросах осуществления социального диалога власти и общественности, на решение которых необходимо направить дальнейшие усилия.

1. Взаємодія органів державної влади з громадськістю: теорія та практика державного управління [Текст] : монографія / А.О. Дегтяр, А.В. Халецький, С.В. Белай. Донецьк: Видавництво «Донбас», ООО «РА Ваш імідж», 2012. 438 с.

2. Взаємодія органів місцевого самоврядування і громадськості: монографія [Текст] / Л.В. Беззубко, Д.В. Кольцова та ін. Донецьк : Норд-компьютер, 2006. 204 с.

3. Бабінова, О.О. Взаємодія органів державного управління і місцевого самоврядування з громадськістю [Текст] / О.О. Бабінова. Дис. ... канд. держ. упр. Київ, Національна академія державного управління при Президентів України, 2006. 250 с.

4. Громадська, Н.А. Соціальний діалог [Текст] / Н.А. Громадська : навчальний посібник. Миколаїв: ЧДУ імені Петра Могили, 2012. 184 с.

5. Губерная, Г.К. Наследство в управлении страной и реформами [Текст] / Г.К. Губерная // Менеджер. 2002. № 4. С. 156–161.

6. Крутій, О.М. Державноуправлінський аспект соціального діалогу: від форми спілкування до методологічної основи суспільного консенсусу / О.М. Крутій // Дискусійний майданчик XIV міжнародного наукового конгресу "Публічне управління ххі ст.: від соціального діалогу до суспільного консенсусу". [Електронний ресурс]. URL : https://docs.google.com/file_/d/0B5PLeqrlVLsIT1ZXd3RYYW8ybKZlSHNFRedNvjyczcwckT0/edit?pli=1. (дата обращения: 01.02.2014).

7. Лосяця, І.О. До питання соціального діалогу: аналіз новітнього законодавства [Текст] / І.О. Лосяця // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Юридические науки». С. : ТНУ им. В.И. Вернадского. Том 24 (63). № 1, 2011. С. 105–112.

8. Надрага, В.І. Взаємодія владних структур, політичних і громадських організацій як засіб підвищення ефективності управління на

регіональному рівні [Текст] / В.І. Надрага. Дис. ... канд. держ. упр. – Київ, Національна академія державного управління при Президентові України, 2003. 250 с.

9. Про соціальний діалог в Україні [Текст] : Закон України від 23 грудня 2010 року N 2862-VI // ВВР. 2011. N 28. Ст. 255.

10. Обґрунтування механізмів взаємодії та порядку сумісних дій органів державної влади, місцевого самоврядування з силами охорони правопорядку в умовах виникнення кризових ситуацій [Текст]: звіт НДР (заключ.) / Академія ВВ МВС України ; кер. Кириченко І.О. ; викон.: Белай С.В. [та ін.]. Х., 2012. 224 с.

11. Петроє, О.М. Соціальний діалог у державному управлінні: спроба структурування проблеми / О.М. Петроє // Державне управління: теорія та практика. К.: НАДУ. № 2, 2008. [Електронний ресурс]. URL : http://sn-jurid.crimea.edu/arhiv/2011/uch_24_1law/13_losiza.pdf. (дата обращения: 05.02.2014).

12. Рой, В. Монологи соціального діалогу в Україні / В. Рой // Проект ін-ту Горшеніна Сайт "Лівий берег". [Електронний ресурс]. URL : http://blogs.lb.ua/vyacheslav_roy/196113_monologi_sotsialnogo_dialogu.html. (дата обращения: 03.02.2014).

13. Сидоренко, В.В. Моделі мережевої взаємодії муніципальних органів влади з громадянами та суспільними організаціями при прийнятті рішень [Текст] / В.В. Сидоренко // Зб. наук. пр. «Актуальні проблеми державного управління». Х.: Марістр. 2005. № 2. У 2 ч. Ч. 2. С. 363–368.

14. Скрипнюк, О.В. Соціальна, правова держава в Україні: Проблеми теорії і практики [Текст] : монографія / О.В. Скрипнюк. К.: Інститут держави і права ім. В. М. Корецького НАН України, 2000. 600 с.

15. Тимофеева, Л.Н. Связи органов государственной власти с общественностью: учеб.-метод. пособ. [Текст] / Л.Н. Тимофеева. М.: Изд-во РАГС, 2009. 52 с.

16. Халецький, А.В. Зв'язки органів державної влади з громадськістю: інформаційна взаємодія / А.В. Халецький // Державне управління: удосконалення та розвиток. К.: Ак-я муніципального управління. № 12, 2012. [Електронний ресурс]. URL : <http://www.dy.nauka.com.ua/?op=1&z=547>. (дата обращения: 01.02.2014).

17. Халецький, А.В. Система взаємодії органів виконавчої влади з громадськими організаціями [Текст] / А.В. Халецький // Збірник наукових праць Академії митної служби. Серія «Державне управління». Т.2. Вип.2. 2010. №2. С. 129–135.

18. Халецький, А.В. Соціальне середовище в Україні як фактор впливу та результат людського розвитку в системі формування ефективної взаємодії суспільних інститутів [Текст] / А.В. Халецький, Т.В. Поспелова // Механізми державного управління економікою України: зб. наук. праць. Т. XI. Вип. 173. Донецьк : ДонДУУ, 2010. С. 207–224.

19. Цвих, В.Ф. Соціальний діалог: основні підходи до визначення [Текст] / В.Ф. Цвих, Д.В. Нелипа // Вісник Київського національного ун-ту ім. Т. Шевченка. Філософія, політологія. К.: КНУ ім. Т. Шевченка. № 81–83, 2006. С. 182–185.

References

1. Degtjar A.O., Halec'kij A.V., Belaj S.V. *Vzaemodija organiv derzhavnoi vladi z gromads'kistju: teorija ta praktika derzhavnogo upravlinnja* (Interaction between government authorities and general public: theory and practice of public administration). Donec'k, Vidavnicтво «Donbas», OOO «RA Vash imidzh», 2012, 438 p. (in Ukrainian).

2. Bezzubko L.V., Kol'cova D.V. *Vzaemodija organiv misceвого samovrjaduvannja i gromads'kosti* [Interaction between government authorities and general public]. Donec'k, Nord-komp'juter, 2006, 204 p. (in Ukrainian).

3. Babinova O.O. *Vzaemodija organiv derzhavnogo upravlinnja i misceвого samovrjaduvannja z gromads'kistju* [Interaction between government authorities and general public]. Kiiv, Nacional'na akademija derzhavnogo upravlinnja pri Prezidentovi Ukraini, 2006, 250 p. (in Ukrainian).

4. Gromads'ka N.A. *Social'nij dialog* (Social dialogue). Mikolaiv, ChDU imeni Petra Mogili, 2012, 184 p. (in Ukrainian).

5. Gubernaja G.K. *Menedzher*, 2002, no. 4, pp. 156-161 (in Ukrainian).

6. Krutij O.M. *Diskusijnij majdanchik XIV mizhnarodnogo naukovogo kongresu "Publichne upravlinnja xxi st.: vid social'nogo dialogu do suspil'nogo konsensusu"* (Discussion platform of XIV international scientific congress "Public administration of XXI century: From social dialogue to public consensus"), available at: https://docs.google.com/file_/d/0B5PLeqrIVLsIT1ZXd3RYYW8ybkZlSHNFREdNVjlyczcwcTk0/edit?pli=1. (accessed 1 February 2014) (in Ukrainian).

7. Losicja I.O. *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Serija «Juridicheskie nauki»*, Tom 24 (63), no. 1, 2011, pp. 105-112 (in Ukrainian).

8. Nadraga V.I. *Vzaemodija vladnih struktur, politichnih i gromads'kih organizacij jak zasib pidvishhennja efekтивности upravlinnja na regional'nomu rivni* [Interaction between bodies of government, political and public organizations as a means of efficiency improvement on the regional level]. Kiiv, Nacional'na akademija derzhavnogo upravlinnja pri Prezidentovi Ukraini, 2003, 250 p. (in Ukrainian).

9. Pro social'nij dialog v Ukraini: Zakon Ukraini vid 23 grudnja 2010 roku no 2862-VI. VVR, 2011, no. 28, st. 255 (in Ukrainian).

10. *Obrruntuvannja mehanizmiv vzaemodii ta porjadku sumisnih dij organiv derzhavnoi vladi, misceвого samovrjaduvannja z silami ohoroni pravoporjadku v umovah viniknennja krizovih situacij* [Reasoning for mechanisms of interaction and order of united actions of public authorities, local self-government and law enforcement bodies under conditions of arising crisis situations]. Kharkov, 2012, 224 p. (in Ukrainian).

11. Petroє O.M. *Derzhavne upravlinnja: teorija ta praktika*, 2008, no. 2, available at: http://sn-jurid.crimea.edu/arhiv/2011/uch_24_1law/13_losiza.pdf. (accessed 5 February 2014) (in Ukrainian).

12. Roj V. *Monologi social'nogo dialogu v Ukraini* [Monologues of social dialogues in the Ukraine], available at: http://blogs.lb.ua/vyacheslav_roy/196113_monologi_sotsialnogo_dialogu.html. (accessed 3 February 2014) (in Ukrainian).

13. Sidorenko V.V. Modeli merezhevoi vzaemodii municipal'nih organiv vladi z gromadjanami ta suspil'nimi organizacijami pri prijnjatti rishen' [Models of networking cooperation of municipal government authorities with citizens and public organizations when making decisions]. *Zb. nauk. pr. «Aktual'ni problemi derzhavnogo upravlinnja» (Collection of scientific papers "Burning problems of public administration")*. Kharkov, Magistr, 2005, no. 2, pp. 363–368 (in Ukrainian).

14. Skripnjuk O.V. *Social'na, pravova derzhava v Ukraïni: Problemi teorii i praktiki* [Social, legal state in the Ukraine: Problems of theory and practice]. Kiev, Institut derzhavi i prava im. V. M. Korec'kogo NAN Ukraïni, 2000, 600 p. (in Ukrainian).

15. Timofeeva L.N. *Svjazi organov gosudarstvennoj vlasti s obshhestvennost'ju* [Connection between public authorities and general public]. Moscow, Izd-vo RAGS, 2009, 52 p. (in Russian).

16. Halec'kij A.V. *Zv'jazki organiv derzhavnoi vladi z gromads'kistju: informacijna vzaemodija* [Connection between public authorities and general public: information interaction]. *Derzhavne upravlinnja: udoskonalennja ta rozvitok* (Public administration: improvement and development). Kiev, Ak-ja municipal'nogo upravlinnja, no. 12, 2012, available at: <http://www.dy.nayka.com.ua/?op=1&z=547>. (accessed 1 February 2014) (in Ukrainian).

17. Halec'kij A.V. *Sistema vzaemodii organiv vikonavchoi vladi z gromads'kimi organizacijami* [System of interaction between bodies of executive power and public organizations]. *Zbirnik naukovih prac' Akademii mitnoi sluzhbi. Serija «Derzhavne upravlinnja»* (Collection of scientific papers of the Academy of Customs Service. – Series "State Service"). T. 2, Vip. 2, 2010, no. 2, pp. 129–135 (in Ukrainian).

18. Halec'kij A.V., Pospelova T.V. Social'ne seredovishhe v Ukraïni jak faktor vplivu ta rezul'tat ljud'skogo rozvitku v sistemi formuvannja efektyvnoï vzaemodii suspil'nih institutiv [Social environment in the Ukraine as a factor of influencing and a result of human development in the system of forming effective interaction between social institutions]. *Mehanizmi derzhavnogo upravlinnja ekonomikoju Ukraïni: zb. nauk. prac'*. (Mechanisms of public administrating economy of the Ukraine; Collection of scientific papers). T. XI, Vip. 173. Donec'k, DonDUU, 2010, pp. 207–224 (in Ukrainian).

19. Cvih V.F., Nelipa D.V. *Visnik Kiiivs'kogo nacional'nogo un-tu im. T. Shevchenko. Filosofija, politologija*, 2006, no. 81–83, pp. 182–185 (in Ukrainian).

UDC 323.212:323.22

DEVELOPMENT OF A COORDINATIVE MECHANISM OF INTERACTION BETWEEN STATE AUTHORITIES AND PUBLIC WHILE REGULATING THE CRISIS PHENOMENA (SITUATIONS) OF SOCIAL AND ECONOMIC CHARACTER

Belay Sergey Viktorovich,

Academy of Internal Troops MIA Ukraine,
Head of the Scientific Organization
Department, Candidate of Military Sciences,
Senior Research Assistant,
Kharkov, Ukraine.
E-mail: Belwz3@mail.ru

Annotation

The analysis of the basic theoretical concepts of terms of cooperation and social dialogue between the government and the public is carried out. The author gives his definition of terms of social dialogue from a perspective of public administration in the sphere of regulating crisis phenomena (situations). Theoretical positions of the coordinative mechanism of interaction between the government and the public while regulating the crisis phenomena (situations) of social and economic character are proved and the corresponding block diagram of the mechanism is presented.

Key concepts:

power,
public,
interaction,
coordinative mechanism.

УДК 349.22

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ ВЕДЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И ЕЕ СУБЪЕКТАМИ

Сагандыков Михаил Сергеевич,

Ожно-Уральский государственный
университет
(Национальный исследовательский
университет),
доцент кафедры трудового и соци-
ального права,
кандидат юридических наук, доцент,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: mss_lawyer@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены способы кон-
кретизации полномочий по предметам
совместного ведения Российской
Федерации и ее субъектов.

Обращается внимание на то, что по
некоторым предметам ведения
необходимо принятия отдельных
федеральных законов, которые могли бы
разграничить полномочия между феде-
ральными и региональными
органами государственной власти.

Отмечено, что защиту прав и свобод
человека и гражданина следует рассмат-
ривать как предмет совместного ведения
Российской Федерации и субъектов и не
относить к исключительной компетенции
Российской Федерации.

Ключевые понятия:

Конституция РФ,
разграничение предметов ведения,
защита прав.

Конституционная модель разграниче-
ния предметов ведения между Российской
Федерацией и ее субъектами предполагает
ее дальнейшую конкретизацию в соответ-
ствующем отраслевом законодательстве.

По мнению Т.А. Тухватуллина, «реаль-
ным способом регулирования предметов,
находящихся в совместном ведении Рос-
сийской Федерации и её субъектов, являет-
ся принятие по каждому из них федераль-
ного закона, что позволит федеральному
законодателю установить определённые
рамки, в пределах которых любой субъ-
ект Российской Федерации будет вправе
осуществлять собственное правовое регу-
лирование, направленное на их развитие»
[7, с. 12].

Предлагаемая схема не выглядит
идеальной: во-первых, только по самым
скромным подсчетам необходимо принять
более пятидесяти законов, что само по себе
слишком трудоемко и малоэффективно;
во-вторых, федеральный закон, регулиру-
ющий лишь вопросы разграничения пол-
номочий в отрыве от непосредственного
регулирования отношений, составляющих
предмет соответствующей отрасли права,
не сможет учесть всех правовых нюансов.

В связи с этим считаем целесообразным
принятие специальных федеральных
законов, разграничивающих полномочия
Российской Федерации и ее субъектов,
только по тем предметам совместного ве-
дения, которые носят общеправовой или
межотраслевой характер, а потому полно-
мочия по ним не могут быть разграничены
в рамках уже действующих законов. В этом
случае целью специального федерально-
го закона может стать выработка общих
принципов разграничения полномочий по
данному предметам ведения независимо от
отрасли права, а также определение кон-
кретных полномочий Российской Феде-
рации и ее субъектов в соответствующей
сфере.

Например, п. «б» ч. 1 ст. 72 Конституции
РФ, по сути, включает несколько предметов
ведения, отличных по сфере действия и со-
держанию: защита прав и свобод человека
и гражданина; защита прав национальных
меньшинств; обеспечение законности, пра-
вопорядка, общественной безопасности;
режим пограничных зон.

Пожалуй, только режим пограничных
зон как сфера правового регулирования
покрывается действием специального фе-
дерального закона, который в полной мере
можно назвать основополагающим, опре-
деляющим дальнейшее правотворчество в

данной сфере – закон РФ от 1 января 1993 года № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации». Данный закон, к слову, определяет полномочия Российской Федерации и ее субъектов в данной сфере.

Остальные предметы ведения, указанные в п. «б» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ, связаны со многими сферами общественных отношений, каждая из которых требует отдельного правового регулирования. По сути, невозможно определить точную отраслевую принадлежность, например, сферы защиты прав и свобод человека и гражданина, поскольку защита осуществляется различными методами и в отношении разных по своей правовой природе прав. Способы защиты, например, трудовых и политических прав отличаются и по форме, и по содержанию.

В этой связи издание федерального закона, который бы разграничил полномочия в указанных сферах, можно считать оправданным.

Те предметы ведения, которые предполагают четкое отнесение их к конкретной отрасли права или иной обособленной группе правовых норм, источником которых является основополагающий федеральный закон, как правило, кодифицированный акт, регулирующий соответствующие общественные отношения, не требуют принятия специального федерального закона, разграничивающего полномочия между Российской Федерацией и ее субъектами в данной сфере. Разграничение должно осуществляться в рамках текущего законодательства, что в большинстве случаев уже сделано.

К таким предметам ведения относятся, в частности, указанные в п. «к» ч. 2 ст. 72 Конституции РФ трудовое, административное, водное и т.д. законодательство.

Выше обозначенные выводы и анализ ст. 72 Конституции РФ позволяет разделить предметы совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов на две группы в зависимости от способа разграничения полномочий.

К первой группе относятся те предметы совместного ведения, которые предполагают принятие специальных федеральных законов, разграничивающих полномочия в соответствующих сферах. К ним относятся:

а) обеспечение соответствия конституций и законов республик, уставов, законов и иных нормативных правовых актов краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов

Конституции Российской Федерации и федеральным законам;

б) защита прав и свобод человека и гражданина; защита прав национальных меньшинств; обеспечение законности, правопорядка, общественной безопасности;

г) разграничение государственной собственности;

е) общие вопросы воспитания, образования, науки, культуры, физической культуры и спорта;

ж) координация вопросов здравоохранения; защита семьи, материнства, отцовства и детства; социальная защита, включая социальное обеспечение;

з) координация международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации, выполнение международных договоров Российской Федерации.

Соответственно, ко второй группе предметов ведения относятся те из них, разграничение полномочий по которым должно осуществляться в рамках уже существующих кодифицированных актов или других федеральных законов, являющихся основными источниками соответствующих отраслей права или иных обособленных групп правовых норм.

Кроме того, принятие специальных федеральных законов могло бы стать средством преодоления противоречий, заложенных в самой Конституции РФ. Таким противоречием, в частности, является отнесение некоторых предметов как к ведению Российской Федерации, так и к совместному ведению Федерации и субъектов.

Защита прав и свобод человека и гражданина, как уже было отмечено, является одним из тех предметов ведения, которые требуют принятия специальных законов, разграничивающих полномочия между Российской Федерацией и ее субъектами в соответствующей сфере. Однако п. «в» ст. 71 Конституции РФ к исключительному ведению Российской Федерации относит «регулирование и защиту прав и свобод человека и гражданина». Таким образом, практически идентичные формулировки предметов ведения отнесены и к ведению РФ (п. «в» ст. 71 Конституции РФ), и к совместному ведению Федерации и субъектов (п. «б» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ).

Указанная проблема достаточно подробно отражена в научной литературе, но однозначного подхода к ее решению сформировано не было.

Очевидно, что наиболее спорным моментом является определение статуса «защи-

ты прав и свобод человека и гражданина», присутствующего и в ст. 71 и в ст. 72 Конституции РФ, что само по себе странно. Не может один и тот же предмет ведения одновременно относиться и к исключительному ведению Российской Федерации, и к совместному ведению Федерации и субъектов.

Трудно себе представить, что указанное обстоятельство является банальной ошибкой составителей Конституции. Видимо, использованный способ разграничения предметов ведения преследует вполне определенный правовой смысл. В связи с этим можно предположить, что Конституция придает различный по объему и содержанию правовой смысл понятию «защита» в своих статьях 71 и 72. А именно, п. «в» ст. 71 Конституции РФ следует понимать таким образом, что термин «защита» используется в неразрывной связи с термином «регулирование».

Защита прав и свобод, первоначально предполагает их правовое закрепление. Только те права и свободы могут быть защищены, которые нашли отражение в Конституции и федеральных законах.

По мнению авторов комментария к Конституции РФ, «понятие «регулирование» в данном случае означает, что делом Федерации является определение перечня прав и свобод, их конституционно-правовое закрепление, установление конституционных и иных гарантий, механизмов и процедур их реализации, ответственности за их нарушение» [3].

Защита прав и свобод в трудовом праве понимается в качестве приоритетной функции отрасли. А.В. Кузменко отмечает, что «социальная (защитная) функция в наибольшей степени является характерной для отрасли трудового права [6, с. 71]».

По своей сути защитная функция трудового права проявляется в установлении стандартов прав и свобод работников, тех пределов, ниже которых не могут опускаться ни органы государственной власти при регулировании трудовых отношений, ни работодатель, устанавливая условия труда работников.

А.Ф. Нуртдинова указывает, что «существенным отличием системы источников трудового права от системы источников других отраслей права является действие принципа неухудшения положения работника: каждый акт меньшей юридической силы не может ухудшать положение работника по сравнению с вышестоящим актом», что является отражением социальной (защитной) функции трудового права [5, с. 61].

Отнесение вопросов регулирования и

защиты прав и свобод человека и гражданина к ведению Российской Федерации не означает, «что ее субъекты в своих нормативных правовых актах вообще не вправе касаться этих вопросов. Наоборот, они могут расширять права и свободы по сравнению с тем, как они определены федеральным законодательством, но сужать их, ущемлять они не вправе» [3].

Судья Конституционного Суда РФ Н.С. Бондарь отмечает, что «реализуя полномочия по защите прав и свобод, субъекты РФ, как это вытекает из взаимосвязанных положений ч. 4 ст. 2 и 3 ст. 5, п. «б» ч. 1 ст. 72 и ч. 2 ст. 76 Конституции, вправе осуществлять правовое регулирование в этой области общественных отношений. Такое регулирование, однако, не является регламентацией (признанием, учреждением) самих по себе прав и свобод в смысле п. «в» ст. 71 Конституции; оно носит вторичный характер и производно от базового, устанавливаемого Конституцией и федеральными законами, конкретизирует содержащиеся в них нормативные положения и механизмы реализации соответствующих прав» [2].

А.В. Авдеева также указывает, что «положение п. «в» ст. 71 Конституции РФ не препятствует субъектам РФ осуществлять собственное правовое регулирование социальных прав личности, однако такое регулирование должно производиться исключительно в целях защиты прав и свобод, включая установление дополнительных гарантий реализации прав и свобод» [1, с. 2].

Таким образом, «защита» по смыслу п.п. «б» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ допускает регулирование региональными органами государственной власти прав и свобод человека и гражданина в части установления их дополнительных гарантий, условий реализации в соответствующем субъекте Российской Федерации.

Понятие «защита» имеет еще одно значение, которое можно назвать буквальным. В таком качестве «защиту» можно охарактеризовать как деятельность граждан, государственных и иных уполномоченных государством органов, направленную на пресечение правонарушений, восстановление нарушенных или оспариваемых прав [8, с. 2].

Так, в соответствии со ст. 352 Трудового кодекса РФ одним из основных способов защиты трудовых прав и свобод является государственный контроль (надзор) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права.

В свою очередь, к ведению федеральных органов государственной власти в сфере трудовых отношений ст. 6 Трудового кодекса РФ относит порядок осуществления федерального государственного надзора за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права. При этом контроль (надзор) может осуществляться органами государственной власти и местного самоуправления. Очевидно, что порядок осуществления контроля (надзора) этими органами может быть урегулирован нормативными правовыми актами, принимаемым региональными органами государственной власти.

Н.С. Бондарь справедливо отмечает, что «защита прав и свобод является обязанностью всех органов и должностных лиц как государственной власти, так и местного самоуправления, что предполагает необходимость разграничения предметов ведения и полномочий в сфере совместной ответственности каждого из территориальных уровней государственной власти за состояние дел в этой области» [2].

Итогом вышесказанного можно считать тот факт, что в науке предложено теоретическое и практическое объяснение отнесения защиты прав и свобод одновременно и к ведению Российской Федерации, и к совместному ведению Федерации и ее субъектов.

Один из немногих, на наш взгляд, действительно веских аргументов в пользу необходимости отнесения защиты прав и свобод к ведению Российской Федерации выражен в позиции Н.С. Бондаря, который увязывает данный факт с необходимостью принятия федеральных законов и подзаконных нормативных правовых актов, направленных на реализацию и защиту прав и свобод человека и гражданина.

Однако, во-первых, как мы уже выяснили, регулирование прав и свобод человека и гражданина предполагает не только их легальное закрепление, но установление механизма реализации, гарантирования, что во многом составляет содержание защиты прав.

Во-вторых, отнесение того или иного вопроса к совместному ведению Федерации и субъектов не снимает с первой обязанности осуществлять правовое регулирование в данной сфере. Это в полной мере относится не только к защите прав и свобод человека и гражданина, но и к другим предметам совместного ведения, в отношении которых «дублирования» пред-

метов ведения в статьях 71 и 72 Конституции РФ не установлено.

Некоторые авторы предлагают отнести п. «в» ст. 71 Конституции РФ и отнести указанный предмет к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов не только защиты, но и регулирования прав и свобод человека и гражданина [4, с. 20].

Считаем, что наиболее эффективным было бы исключение из п. «в» ст. 71 Конституции РФ «защиты» прав и свобод, тогда как регулирование должно остаться в ведении Российской Федерации.

Вышесказанное дает основание полагать, что регулирование прав и свобод человека и гражданина в широком смысле, как конституционное и законодательное их закрепление, установление условий и пределов использования должно быть отнесено к ведению РФ.

При этом защита прав и свобод, как было отмечено, также предполагает их регулирование, но в другом ключе – в виде установления механизма и гарантий осуществления прав и свобод.

На наш взгляд, изменение Конституции РФ является крайней мерой и должно использоваться только в том случае, если невозможно скорректировать реализацию ее положений с помощью текущего законодательства. Необходимо в полной мере использовать правотворческий потенциал, заложенный в Конституции РФ.

В этой связи, возвращаясь к вопросу о способах разграничения компетенции между Российской Федерацией и ее субъектами, отметим, что противоречие, заложенное в п. «в» ст. 71 и п. «б» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ, вполне может и должно быть разрешено путем принятия федеральных законов без изменения Конституции.

1. Авдеева, А.В. Регулирование социальных прав личности: проблема реализации положений Конституции РФ о разграничении предметов ведения [Текст] / А.В. Авдеева // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 6. С. 38–42.

2. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) [Электронный ресурс] / Л.В. Андриченко, С.А. Боголюбов, Н.С. Бондарь и др.; под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотренное. М.: Норма, Инфра-М, 2011. 1008 с. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=CMB;n=17092> (дата обращения: 26.02.2014).

3. Конституция Российской Федерации. Научно-практический комментарий (постатейный) [Электронный ресурс] / под ред. Ю.А. Дмитриева. М.: «Юстицинформ», 2007. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=CMВ;n=15616> (дата обращения: 26.02.2014).

4. Платонов, В.М. Разграничение предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами – как принцип российского федерализма. Автореф. дисс... докт. юрид. наук [Текст] / В.М. Платонов. Москва, 2010. 60 с.

5. Трудовое право России: учебник (3-е издание) [Текст] / отв. ред. Ю.П. Орловский, А.Ф. Нуртдинова. М.: Контракт; ИНФРА-М, 2011. 648 с.

6. Трудовое право России: учебник для вузов [Текст] / А.В. Завгородний, В.В. Коробченко, А.В. Кузьменко и др. / под общ. ред. Е.Б. Хохлова, В.А. Сафонова. М.: ООО «Юрайт-Издат», 2008. 672 с.

7. Тухватуллин, Т.А. Разграничение предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации в современных условиях: конституционно-правовое исследование. Автореф. дисс...канд. юрид. наук [Текст] / Т.А. Тухватуллин. Москва, 2012. 26 с.

8. Чибисов, В.А. Понятие, формы и способы защиты трудовых прав и свобод [Текст] / В.А. Чибисов // Трудовое право в России и за рубежом. 2010. № 2. С. 2–5.

References

1. Avdeeva A.V. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*, 2010, no. 6, pp. 38–42 (in Russian).

2. Andrichenko L.V., Bogoljubov S.A., Bondar' N.S. *Kommentarij k Konstitucii Rossijskoj Federacii (postatejnyj)* [Comments to the Constitution of the Russian Federation (article-by-article)]. Moscow, Norma, Infra-M, 2011, 1008 p., available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=CMB;n=17092> (accessed 26 February 2014) (in Russian).

3. *Konstitucija Rossijskoj Federacii. Nauchno-prakticheskij kommentarij (postatejnyj)* [Constitution of the Russian Federation. Scientific and practical comments (article-by-article)]. Moscow, «Justinform», 2007, available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=CMB;n=15616> (accessed 26 February 2014) (in Russian).

4. Platonov V.M. *Razgranichenie predmetov vedenija i polnomochij mezhdru Rossijskoj Federaciej i ee sub#ektami – kak princip rossijskogo federalizma* [Division of subject jurisdiction and powers between the Russian Federation and its members as a principle of Russian federalism]. Moscow, 2010, 60 p. (in Russian).

5. *Trudovoe pravo Rossii* [Labor law in Russia]. Moscow, Kontrakt; INFRA-M, 2011. 648 p. (in Russian).

6. Zavgorodnij A.V., Korobchenko V.V., Kuz'menko A.V. *Trudovoe pravo Rossii* [Labor law in Russia]. Moscow, ООО «Jurajt-Izdat», 2008. 672 p. (in Russian).

7. Tuhvatullin T.A. *Razgranichenie predmetov vedenija i polnomochij mezhdru Rossijskoj Federaciej i sub#ektami Rossijskoj Federacii v sovremennyh uslovijah: konstitucionno-pravovoe issledovanie* [Division of subject jurisdiction and powers between the Russian Federation and its members in the modern context: constitutional and law research]. Moscow, 2012, 26 p. (in Russian).

8. Chibisov V.A. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom*, 2010, no 2. PP. 2–5 (in Russian).

UDC 349.22

SOME PROBLEMS OF JURISDICTION SEPARATION BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND ITS CONSTITUENT ENTITIES

Sagandykov Michail Sergeevich,

South Ural State University
(National Research University),
Associate Professor of the Chair of Labor
and Social Law,
Candidate of Legal Sciences,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: mss_lawyer@mail.ru

Annotation

The article describes the methods for specifying powers under joint jurisdiction of the Russian Federation and its constituent entities. The author draws attention to the fact that in some object of jurisdiction it is necessary to adopt certain federal laws that could divide the powers between the federal and regional authorities. It is noted that protection of rights and freedoms of a man and a citizen should be regarded as an object of the joint jurisdiction of the Russian Federation and its constituent entities, and do not fall under the exclusive competence of the Russian Federation.

Key concepts:

the Constitution of the Russian Federation,
jurisdiction separation,
Protection of rights.

УДК 342

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРАВОВЫХ КАТЕГОРИЙ ПРИ РАЗРАБОТКЕ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ

Мартынов Александр Николаевич,
Академия Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
начальник кафедры
государственно-правовых дисциплин,
генерал-майор юстиции,
г. Москва, Россия.
E-mail: sergeev_ab@bk.ru

Аннотация

В работе проводится анализ содержания правовых категорий «механизм преступления», «преступная деятельность» и рассматривается возможность их использования при разработке методики расследования мошенничества в сфере кредитования.

Ключевые понятия:
механизм преступления,
преступная деятельность,
методика расследования,
мошенничество,
кредитование.

Применение методологически значимых методов исследования, а также анализ эмпирического материала (судебной и следственной практики, результаты опросов и интервьюирования практических работников) позволяет сформулировать следующий вывод. При квалификации общественно опасного деяния как мошенничества в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ) при доказывании объективной стороны состава преступления не достаточно одного только «исследования взаимодействия» преступника с сотрудниками банка: факта предоставления заведомо ложных или недостоверных сведений о юридическом лице. Как было указано выше, названное преступное «взаимодействие» может быть квалифицировано по различным статьям уголовного законодательства.

Для создания следователям и судьям благоприятных условий познания всей глубинной сущности уголовно-правовых явлений (причём не только мошенничества в сфере кредитования), возникающих в результате противоправных действий лиц, в теории криминалистики разработана научная категория «механизм преступления». Понятие обозначает «...ход, порядок последовательной смены причинных, функциональных и иных взаимосвязей, существующих между компонентами преступления в процессе возникновения и развития их взаимодействия» [3, с. 58]; «...временной и динамической порядок связи отдельных этапов, обстоятельств, факторов подготовки, совершения и сокрытия следов преступления, позволяющих воссоздать картину процесса его совершения» [4, с. 41]. Использование в криминалистике этой категории полностью «...согласуется с требованием системного подхода в познании – изучать объект не только с позиции его состава, структуры и особенностей функционирования в момент исследования, но и с точки зрения того, как он формировался, в каком направлении развивался, как изменялся в процессе своего развития, что с ним происходило в прошлом, каким он может стать в будущем» [8, с. 17]. Применительно к мошенничеству в сфере кредитования с использованием юридических лиц, следует признать, что категория «механизм преступления», как средство (инструмент) познания хищения денежных средств заёмщика с использованием юридического лица, не позволяет исчер-

пывающе раскрыть и выявить типичное в сложной деятельности преступника, а следовательно, требует уточнения. Без учёта характерных особенностей осуществления преступления исследуемого вида категория «механизм преступления» не решает задачу полного познания всех взаимосвязей и взаимозависимостей в действиях лица (лиц), мошенническим способом приобретающего кредит; не создаёт условий для получения полных и всесторонних знаний о мошенничестве изучаемого вида, лишает следователя возможности рационально использовать процессуальные ресурсы и повышать эффективность собирания, проверки и оценки доказательств (сведений) об обстоятельствах мошенничества. Суду же с позиции познания всего комплекса действий, предпринятого подсудимым для достижения преступной цели (хищение денежных средств заёмщиком путём предоставления банку заведомо ложных сведений), шаблонное использование криминалистической категории в судебном разбирательстве не обеспечивает правильную оценку интеллектуальных и волевых усилий, предпринятых подсудимым для достижения преступной цели; затрудняет определение действительного мотива незаконного получения кредита, причины его невозврата (объективные – субъективные); обстоятельность, смягчающие (отягчающие) ответственность. Фактором, который не позволяет исчерпывающее оперирование категорией «механизм преступления», решать процессуальные задачи уголовного судопроизводства по преступлениям, предусмотренном статьёй 159.1 УК РФ является сложно конструированная деятельность, которую представляет исследуемая разновидность мошенничества. Столь криминалистически важное понятие механизм преступления, в случае наполнения его криминалистическим содержанием относительно типичных признаков хищения денежных средств заёмщиком посредством предоставления банку заведомо ложных или недостоверных сведений будет неполным и не обеспечит полноту и достоверность раскрытия всей глубины общественной опасности данного деяния. Глубина и степень общественной опасности мошенничества в сфере кредитования юридического лица раскрывается только тогда, когда выявлена вся многоаспектная подготовительная деятельность

преступника, а также его деятельность после хищения кредита.

Мошенничество, то есть хищение денежных средств заёмщиком посредством предоставления ложных или недостоверных сведений о юридическом лице является полноструктурным преступлением. Сказанное означает, что преступление не может быть сведено только к факту непосредственного преступного акта – передачи ложной информации о хозяйственном положении юридического лица. Чтобы кредитор воспринял представленные документы как достоверные, преступнику необходимо выполнить целый ряд сложных и последовательных действий, направленных на получение фальсифицированной, но формально достоверной документации. При хищении денежных средств у кредитора посредством использования юридического лица является типичным наличие *ряда подготовительных и иных действий, которые в свою очередь, являются самостоятельными преступлениями*. Не совершив эти преступления, преступник не сможет решить задачу: ввести руководство банка в состояние ложного представления о кредитующем юридическом лице и, соответственно, достичь конечной цели – получить кредит, который и является предметом преступного умысла. При осуществлении исследуемого преступления сопутствующие преступные действия направлены на решение целого комплекса задач. В частности, сказанное относится к решению преступной промежуточной задачи – создание фиктивного юридического лица (ст. 173.1. УК РФ). В свою очередь, как правило, данное преступление осуществляется посредством совершения связанного с названным другим преступлением – предоставление документа, удостоверяющего личность, или выдача доверенности с целью образования (создания, реорганизации) юридического лица для совершения одного или нескольких преступлений, связанных с финансовыми операциями либо сделками с денежными средствами или иным имуществом (ст. 173.2. УК РФ). Каждое из *названных и других преступлений имеет соответствующий механизм реализации*. Таким образом, мошенничество с использованием юридического лица, как базовое преступление, включает ряд других преступлений. Поэтому, говоря об исследуемом виде хищения, целесообразно

ней говорить о преступной деятельности лица (лиц), осуществляющего мошенничество в сфере кредитования юридических лиц, состоящее из совершения ряда других преступлений, объединённых одним умыслом достижения преступной цели. «... Для реализации своего умысла преступнику необходимо совершить ряд действий, каждое из которых, если их рассматривать изолированно, представляет собой самостоятельное общественно опасное деяние. Однако в силу того, что все эти преступные действия объединены единой системой и направлены на достижение одной общей цели, они рассматриваются в рамках единого состава преступления, их объединяющего [11, с. 24]. Сказанное полностью можно отнести к мошенничеству в сфере кредитования с использованием юридического лица. Так, в случаях создания коммерческой организации без намерения фактически осуществлять предпринимательскую деятельность, имеющей целью хищение чужого имущества или приобретение права на него, деяние полностью охватывается составом мошенничества.

Уточним, при разработке методических рекомендаций по расследованию мошенничества нас в первую очередь интересует не только уголовно-правовая множественность преступлений. В исследовании мы в понятие вкладываем другой смысл, имея в виду иную правовую природу, подпадающую под неустоявшееся понятие «криминалистическая множественность». Знание этой категории помогает характеризовать мошенничество с разных сторон: с позиции образования более широкого следового поля, которое возникает не только при совершении непосредственно хищения, с позиции познания более высокого уровня общественной опасности и пр. Факт совершения находящихся в единой цепи взаимообусловленных названных и других преступлений, объединённых одной конечной целью, является важным криминалистическим (ещё раз уточним, а не только уголовно-правовым) признаком мошенничества с использованием юридических лиц. Игнорирование столь значимого обстоятельства при разработке следователем рекомендаций ведет к серьёзным трудностям в практической деятельности и в целом в борьбе с названным специфическим видом преступления. С учётом

изложенного мошенничество в сфере кредитования в отношении денежных средств заёмщика с использованием юридического лица с целью незаконного получения кредита и обращения его в своё распоряжение представляет объединённую единым преступным умыслом систему типичных последовательных, взаимообусловленных действий преступного характера.

Однако, признавая право на существование криминалистического понятия «преступная деятельность», мы должны указать, что данная категория находится на первоначальном этапе становления. «...Этот термин долгое время не имел строгого научного значения. Можно встретить множество работ, где авторы употребляют его в качестве общесмысловой связки, свободно отождествляя с преступным деянием, используют при характеристике соучастия, стадий совершения преступления» [12, с. 13]. Определённая терминологическая «разбросанность» объясняется принадлежностью к виду правовой среды субъекта, который пользуется этим термином. Поэтому для исключения терминологической неточности и различного толкования представляется необходимым определиться с содержательной частью понятия.

Первый подход к содержанию понятия «преступная деятельность» связан с использованием данной категории в области криминологии. Криминологи одним из главных составляющих содержания данного термина определяют психические процессы лица, осуществляющего преступную деятельность (поведение): «...прослеживается основная линия причинных связей, а именно психические процессы и личность преступника» [14, с. 152]. В настоящее время одной из важных криминологических задач, подлежащей разрешению, криминологи считают выработку «однозначного представления о значении предкриминальной (конкретной жизненной) ситуации в механизме совершения преступления. Не является дискуссионным только то, что в этих механизмах, как правило, есть взаимодействие внешних (объективных) и внутренних (субъективных) факторов» [6, с. 152]. С позиции криминологии «правильная оценка преступного деяния предполагает выяснение того, как фактически выглядел процесс порождения преступного поведения на каждом из выделенных первых трех этапов, под влиянием

чего преимущественно сформировались мотивация и решение: устойчивых характеристик личности либо сложной, необычной ситуации» [7, с. 64]. Иными словами, «в основе индивидуального преступления причинно-значимо (деятелиности) проявляются как ситуация, так и негативные психологические деформации, принявшие форму общественно опасной установки личности. Преступник, совершая преступление, всегда действует в определенной «криминальной» ситуации. Однако он привносит в нее (создавая, используя, подчиняясь и т.п.) свои личностные качества – результат формирующих воздействий иной (иногда длительной по времени) ситуации (предкриминальной или конкретной жизненной) [6, с. 149; 152].

Изложенное со всей определенностью позволяет утверждать, что изучение преступной деятельности (поведения) с криминологических позиций означает определение личностных свойств виновного, а именно той части психических процессов, которые инициируют совершение преступлений. При этом психические процессы рассматривают не только с позиции субъективной стороны состава преступления, а намного шире, изучая субъективные (психические) процессы с ранней стадии формирования преступной личности, задолго до начала преступной деятельности.

Второе направление науки, привносящее свое содержание в категорию «преступная деятельность», связано с уголовным правом и определяется результатами изучения и правовой оценки конкретных проявлений различных видов общественно опасных действий. В названной плоскости причины преступной деятельности, формирование мотивационных позиций, детерминирующих совершение преступлений, большей частью остаются за рамками данного понятия и не подлежат глубокому изучению. С уголовно-правовых позиций под преступной деятельностью «следует понимать умышленную асоциальную протяженную во времени деятельность, систематически осуществляемую ... с целью получения сверхприбыли посредством использования незаконных способов» [10, с. 7].

Так, Т.Э. Караев, раскрывая признаки, указывает, что «преступная деятельность характеризуется постоянством осуществления системы однородных и разнородных действий, связанных единой целью».

При этом обращал внимание на имеющие существенное значение два правовых момента в категории:

а) преступная деятельность «образуется рядом действий, каждое из них далеко не всегда обладает признаками самостоятельного преступления, а поэтому не может быть квалифицировано по той или иной статье (или ее части) Уголовного кодекса;

б) наличие общего умысла, объединяющего эти действия, не позволяет рассматривать преступную деятельность в качестве повторности совершения преступления». «Именно поэтому, – заключает Т. Э. Караев, – прежде всего ее и следует рассматривать как своеобразный вид единичного преступления» [5, с. 10].

Однако с учётом роста и уровня криминализации многих сторон общественных отношений, в том числе сферы экономической деятельности содержательный аспект понятия «преступная деятельность», как единичное преступление, пересматривается. Ещё 1978 году А.Ф. Зелинский обосновывал практическую значимость необходимости признать категорию преступной деятельности самостоятельным уголовно-правовым понятием, а не синонимом преступления. Содержание категории определял как повторность аналогичных умышленных преступных посягательств, объединяемых единством мотивации, общей целью и тесной внутренней связью, не отрицая при этом криминологическую составляющую: «понятие преступной деятельности в уголовном законодательстве означает систему действий, определенную линию поведения в соответствии с общей антисоциальной целью» [2, с. 99]. Ю.А. Кучер, изучая этот вопрос, считает мнимой конкуренцию между преступлением и преступной деятельностью и тоже предлагает рассматривать преступную деятельность как самостоятельную уголовно-правовую категорию, содержание которой «находится в отношении пересечения с определениями множественности и единичности преступлений». При этом преступную деятельность, охватываемую рамками одного преступления, по мнению Ю.А. Кучера, необходимо рассматривать как условие достижения общественно опасных последствий, форму совершения преступления. Прежде всего, к таким преступлениям он отнёс некоторые разновидности сложных единичных преступлений

(составные, продолжаемые преступления, преступления, совершенные в соучастии). «Система придает новые качества совокупности всех преступлений, входящих в деятельность, образуя из них целостное единство, складывающееся из единства отдельных элементов» [9, с. 60].

С данным высказыванием в той части, в которой Кучер говорит о пересечении множественности с единичным преступлением, не согласен А.В. Покаместов. Он считает, что автор смешивает понятия, лежащие в разных плоскостях: физической деятельности, слагаемой из физических действий, и преступной деятельности, представляющей систему преступных действий: «...предложенный Ю.А. Кучером дифференцированный подход к преступной деятельности, рассматриваемой «в рамках единичного преступления, эквивалентной преступлению и как множественности преступлений», представляется несостоятельным [12, с. 15]. При этом А.В. Покаместов согласен относительно объединения всех преступных действий единым умыслом [12, с. 15]. Уголовно наказуемые деяния, входящие в структуру преступной деятельности, могут быть однородными и разнородными, необходимость совершения которых предопределяется целями и задачами соответствующего формирования [1].

Следует согласиться с утверждением о неполном совпадении понятий «множество преступлений» с «преступной деятельностью». Если преступную деятельность образует система взаимосвязанных, объединённых единым умыслом система преступных действий, то множественность преступлений может образовать и простая совокупность *несвязанных друг с другом* преступлений. Уголовно-правовое значение понимания отличия понятия преступной деятельности от понятия простой множественности заключается в том, что «преступная деятельность выходит за рамки множественности преступлений, поскольку характеризуется более высокой степенью общественной опасности, *представляет качественно иной уровень криминальной активности*» [12, с. 16–17].

Мы поддерживаем мнение учёных, которые положительно решают вопрос: является ли систематичность обязательным признаком преступной деятельности, при совершении даже одного, но требующего длительной подготовки преступления [13, с.

9]. Адресуя данный вопрос применительно к хищению денежных средств заёмщиком путём предоставления недостоверных сведений о юридическом лице, следует согласиться, что ряд действий, направленных на получение конечного преступного результата, могут содержать самостоятельные преступления. Представляется целесообразным такие действия признавать как деятельность преступную: «длительная и интенсивная подготовка преступления образует совершение иных, как мы их обозначили, «вспомогательных» посягательств (приготовление или покушение на их совершение)» [1].

1. Агапов, П.В. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности: тенденции современной уголовной политики [Электронный ресурс] / П.В. Агапов, К. В. Михайлов. Саратов: Саратовский юридический институт МВД России, 2007. 144 с. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 05.01.2014).

2. Зелинский, А.Ф. Понятие «преступная деятельность» [Текст] / А.Ф. Зелинский // Советское государство и право. 1978. № 10. С. 99.

3. Криминалистика [Текст]: Учебник / под ред. В.А. Образцова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ. 1999. 735 с.

4. Криминалистика: учебник [Текст] / отв. ред. Н.П. Яблоков. Изд., перераб. и доп. М.: Юристъ. 1999. 718 с.

5. Караев, Т.Э. Повторность преступлений [Текст] / Т.Э. Караев. М.: Юрид. лит. 1983. 167 с.

6. Криминология: учеб. для юр. вузов [Текст] / под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1998. 576 с.

7. Криминология: учебник для юр. вузов [Текст] / под общ. ред. А.И. Долговой. М.: Издат. группа ИНФРА М-НОРМА, 1997. 784 с.

8. Кустов, А.М. Типовая модель механизма преступления – основа частной криминалистической методики [Текст] / А. М. Кустов // Вестник криминалистики. Вып. 1 (9). 2004. С. 17.

9. Кучер, Ю.А. Правовые формы определения ответственности за преступную деятельность [Текст] / Ю.А. Кучер: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. 24 с.

10. Мацинский, Р.В. Региональная криминологическая детерминация организованной преступной деятельности: по материалам Восточно-Сибирского региона [Текст] / Р.В. Мацинский: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2007. 24 с.

11. Организация раскрытия и расследования многоэпизодной преступной деятельности: учебное пособие [Текст] / под общ. ред. доктора педагогических наук В.И. Коваленко. М.: ЦОКР МВД России, 2007. 160 с.

12. Покаместов, А.В. Ответственность за организацию преступной деятельности [Текст] / А.В. Покаместов. Под науч. ред. проф. В.П. Ревина. М.: ВНИИ МВД России, 2002. 130 с.

13. Сермавбрин, К.Н. Уголовная ответственность за создание, руководство и участие в пре-

ступной организации [Текст] / К.Н. Сермавбрин: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 23 с.

14. Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты: монография [Текст] / В.К. Гавло, В.Е. Клочко, Д.В. Ким; под ред. проф. В.К. Гавло. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 226 с.

References

1. Agapov P.V., Mihajlov K.V. *Ugolovnaja otvetstvennost' za sodejstvie terroristicheskoj dejatel'nosti: tendencii sovremennoj ugolovnoj politiki* [Criminal responsibility for assisting terrorist activity: tendencies of contemporary criminal policy]. Saratov, Saratovskij juridicheskij institut MVD Rossii, 2007, 144 p., available at: www.consultant.ru (accessed 5 January 2014) (in Russian).
2. Zelinskij A.F. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1978, no. 10, p. 99 (in Russian).
3. Obrazcov V.A. *Kriminalistika* [Criminalistics]. Moscow, Jurist, 1999, 735 p. (in Russian).
4. Jablovkov N.P. *Kriminalistika* [Criminalistics]. Moscow, Jurist, 1999, 718 p. (in Russian).
5. Karaev, T. Je. *Povtornost' prestuplenij* [Repeatability of crimes]. Moscow, Jurid. Lit, 1983, 167 p. (in Russian).
6. Burlakova V.N., Sal'nikova V.P. *Kriminologija* [Criminology]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskaja akademija MVD Rossii, 1998, 576 p. (in Russian).
7. Dolgovoj A.I. *Kriminologija* [Criminology]. Moscow, Izdat. gruppa INFRA M-NORMA, 1997, 784 p. (in Russian).
8. Kustov A.M. *Vestnik kriminalistiki, Edition 1* (9), 2004, p. 17 (in Russian).
9. Kucher Ju.A. *Pravovye formy opredelenija otvetstvennosti za prestupnuju dejatel'nost'* [Legal forms of determining responsibility for criminal activity], avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Moscow, 1996, 24 p. (in Russian).
10. Macinskij R.V. *Regional'naja kriminologicheskaja determinacija organizovannoj prestupnoj dejatel'nosti: po materialam Vostochno-Sibirskogo regiona* [Regional criminological determination of organized criminal activity: based on the materials of East Siberian region], avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Irkutsk, 2007, 24 p. (in Russian).
11. Kovalenko V.I. *Organizacija raskrytija i rassledovaniya mnogoepizodnoj prestupnoj dejatel'nosti* [Organization of detection and investigation of many-episode criminal activity]. Moscow, COKR MVD Rossii, 2007, 160 p. (in Russian).
12. Pokamestov A.V. *Otvetstvennost' za organizaciju prestupnoj dejatel'nosti* [Responsibility for organizing criminal activity]. Moscow, VNII MVD Rossii, 2002, 130 p. (in Russian).
13. Sermavbrin K.N. *Ugolovnaja otvetstvennost' za sozdanie, rukovodstvo i uchastie v prestupnoj organizacii* [Criminal responsibility for founding, managing and participating in a criminal organization], avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Moscow, 2002, 23 p. (in Russian).
14. Gavlo V.K., Klochko V.E., Kim D.V. *Sudebno-sledstvennye situacii: psihologo-kriminalisticheskie aspekty* [Legal investigative situations: psychological and criminalistical aspects]. Barnaul, Izd-vo Alt. un-ta, 2006, 226 p. (in Russian).

UDC 342

PECULIARITIES OF USING LEGAL CATEGORIES WHEN DEVELOPING THE METHODOLOGY OF INVESTIGATING FRAUD IN THE SPHERE OF FINANCING

Martynov Aleksandr Nikolaevich,
The Academy of Management of the
Interior Ministry of Russia,
Head of the Chair of State and Law
Disciplines,
General-major of Justice,
Moscow, Russia.
E-mail: sergeev_ab@bk.ru

Annotation

The author analyzes the content of such legal categories as «mechanism of a crime», «criminal activity» and considers the possibility of using them when developing the methodology of investigating fraud in the sphere of financing.

Key concepts:

mechanism of a crime,
criminal activity,
investigating methodology,
fraud,
financing.

УДК 340.113.1

ЯЗЫК ПРАВА В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЛИНГВОСОЦИУМАХ

Шаронова Виктория Борисовна,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
заведующая кафедрой лингвистики
и профессиональной коммуникации,
кандидат педагогических наук, доцент,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: vsharon@list.ru

Аннотация

В статье говорится об отличительных особенностях языка права в русском и немецком лингвосоциумах. Отмечая высокую степень клишированности юридического языка, автор акцентирует внимание на языковых особенностях исходного языка, специфических конструкциях, присущих только им.

Ключевые понятия:

язык права,
лингвосоциум,
терминологизация,
полисемия,
клишированность,
процессуальный акт.

Наряду с общеупотребительным языком существует множество профессиональных языков (подъязыков), ядром лексики каждого из которых является терминология, представляющая собой относительно замкнутую систему, состав которой определяется обслуживаемой сферой научной области. Язык права также состоит из терминов. Однако в нём, безусловно, используется немалое количество общепринятой, общеупотребительной лексики.

Язык права – важнейший элемент юридической техники, поскольку он связан непосредственно с выражением права. Вопросы языка и права занимается раздел науки, называемый в отечественной научной литературе «юридическая лингвистика», в немецкой – «Rechtlinguistik» («правовая лингвистика»).

Язык права представляет собой социально и исторически обусловленную систему способов и правил словесного выражения понятий и категорий, вырабатываемых и применяемых в целях правового регулирования поведения участников общественных отношений. Слово в системе языка права адаптируется к потребностям точного и ясного изложения правовой информации [3].

Вопросы о языке права стали объектами исследований таких ученых, как: Т.М. Балыхина, В.А. Власенко, В.Д. Гольдинер, Д.А. Керимов, Я.С. Киселев, З.В.Макарова, А.В. Малько, С.П. Хижняк, В.И. Царев, А.Ф. Черданцев, М.Л. Шифман, Е.С. Шугрина, Т. Яцук и др.; U. Daum, W. Klein, W. Otto, D. Rainer, R. Wimmer и др.

Вокабуляр исследуемого языка обуславливает и объясняет наличие двух полярных точек зрения, сложившихся в научной среде по отношению к языку права. Одни исследователи считают, что язык права нельзя определить как специальный язык, поскольку он близок к общеупотребительному языку в области лексики [5; 6], другие выделяют язык права как профессиональный язык, т.е. как вариант общего языка для определения специфических предметов, понятий, который служит для коммуникации внутри одной профессиональной группы [7].

Полагаем, что отсутствие единой точки зрения действительно валидно. И в русском, и в немецком лингвосоциуме язык права включает термины как из словаря повседневной речи, так и из специализированных научных словарей. Рассмотрим на примерах:

1. § 1416 BGB. Gesamtgut

(1) Das Vermögen des Mannes und das Vermögen der Frau werden durch die Gütergemeinschaft gemeinschaftliches Vermögen beider Ehegatten (Gesamtgut).

Zu dem Gesamtgut gehört auch das Vermögen, das der Mann oder die Frau während der Gütergemeinschaft erwirbt.

(2) a) Die einzelnen Gegenstände werden gemeinschaftlich;

b) sie brauchen nicht durch Rechtsgeschäft übertragen zu werden.

2. К имуществу, нажитому во время брака, относятся доходы каждого из супругов от трудовой деятельности, предпринимательской деятельности и результатов интеллектуальной деятельности, полученные ими пенсии, пособия и иные денежные выплаты, не имеющие специального назначения. Владение и пользование общим имуществом в период брака осуществляется по обоюдному согласию (брачный договор).

В приведённых выше примерах видно, что юридический текст построен на языке права, в котором повседневные термины употребляются в вопросах общей связи фактических ситуаций, в то время как правовые (научные) термины используются в презентации юридического содержания, для толкования юридических феноменов.

Доказано, что, определяя поведение людей и устанавливая условия решения споров, право должно иметь подробный и четко определенный словарь терминов, способствующий обеспечению высокой точности языка права.

Опираясь на классификацию научно-исследовательской группы по изучению языка права Берлинско-Бранденбургской академии наук, можно выделить следующие важнейшие области применения языка права в немецкой науке:

1. Коммуникация в суде.
2. Юридическая аргументация.
3. Судебная лингвистика.
4. Языковые нормы в праве.
5. Правовая сила языковых действий.
6. Критерии трактовки текстов.

7. Языковые требования к юридическим формулировкам, в частности, в связи с требованием понятности и однозначности [8, с. 22–24]. Полагаем, что подобные области распространяются на области применения языка права и в русском языке.

Среди особенностей немецкого юридического языка многие исследователи приводят следующие: использование выражений, в которых слова естественного языка используются в качестве юридических терминов – искусственная терминологизация слов: «die guten Sitten» (общепринятые моральные нормы); «niedrige Beweggründe» (низменные мотивы); «компактный стиль» (сложные номинальные группы, пассивные конструкции, исчезновение агенса, запутанные синтаксические конструкции и «непросматриваемые» сложноподчинённые предложения и др.). «Begehungsverbrechen» – формальное преступление; «Erfolgsverbrechen» – материальное преступление; «Affekthandlung»

– действие в состоянии аффекта); «Ausländische Hochheitszeichen» – посягательство на герб иностранного государства; «Munzbetrug» – выпуск в обращение фальшивых денег; «Antragsrecht» – право на возбуждение уголовного преследования; «der Bundespräsident wird von der Volksversammlung gewählt» – Федеральный президент избирается народным собранием).

Юридическая манера изложения в русском языке права считается особенно формальной. Этот формализм проявляется в длинных многосложных предложениях, громоздких оборотах и специфической терминологии. В текстах используются клише, характерные для юридического языка: преступная группа, представитель защиты, совершить правонарушение, в материалах дела, собраны в судебном заседании, опровергается доказательствами. В языке права выделяется преобладание абсолютного настоящего времени глагола и пассивных конструкций, например: «Захват власти или превышения властных полномочий преследуются по федеральному закону».

Анализ литературы по проблеме позволяет утверждать, что в языке права в русском лингвосоциуме широко используются синтаксические способы образования терминов. Основная причина появления терминов, создаваемых из двух и более слов, – потребность выделить некое множество предметов из класса по какому-либо признаку, называемому видовым отличием. Например, термин «допрос» обозначает процессуальное действие, предназначенное для получения «личных» сведений. Для уточнения термина (чтобы избежать двусмысленности и неточности) образуются словосочетания, вносящие необходимые пояснения – «допрос подозреваемого», «допрос обвиняемого», «допрос подсудимого», «допрос потерпевшего», «допрос свидетеля», «допрос эксперта». Клише необходимы, так как обеспечивают точность языка права.

Юрист точно знает отличия между членами одного синонимического ряда, которые простому обывателю, носителю и пользователю общепринятым языком могут представлять идентичными и полностью совпадающими, такими, как «договор», «контракт», «соглашение», «сделка», между тем, что является «допустимым», «легальным», «действительным», «правовым», «законным», «легализованным», «узаконенным», «нормативным».

Подобная ситуация имеет место и в языке права в немецком лингвосоциуме, где, в зависимости от контекста, юрист различает смысловые тонкости членов синонимического ряда, например, «Vertrag» (m), «Pakt» (m), «Einigung», «Kontrakt», «Verabredung»,

«Verständigung», «Vertrag», «Übereinkommen», «Abrede», «Beschluß», «Entscheidung», «Vereinbarung».

В употреблении устойчивых словосочетаний можно наблюдать интересные явления, например, употребление некоторых многозначных слов в нескольких значениях. Так, «принятие» в словосочетании «принятие наследства» употребляется в первом значении: «действие по глаголу «принять»; в клише «принятие мер» оно выступает в переносном значении: «действовать определенным способом». Слово «меры», кстати, сочетается, как правило, с глаголом «принимать»; но в составе юридических терминов «меры воздействия», «меры поощрения», «меры пресечения» соединяется с глаголом «применять».

В юридическом немецком языке мы можем проследить также некоторые особенности многозначных слов. Так, например, многозначное существительное *das Gericht* выступает и в прямом и переносном значениях: *vor Gericht aussagen* – давать показания в суде, что означает нахождение в ограниченном месте присутствия. А вот клише *vor Gericht stellen {übergeben}* – предать суду, отдать под суд; *vor Gericht ziehen* – привлекать к суду выступают уже в переносном значении и обозначают определенные меры воздействия.

Стиль и структура языка процессуальных актов и в русском, и в немецком лингвосоциумах обладают определенными языковыми и стилистическими особенностями. Однако специальных рекомендаций стилистического характера с учетом профессионального использования слов не существует.

In der Verwaltungsstreitsache hat der Fachsenat des Bundesverwaltungsgerichts für Entscheidungen nach § 99 Abs. 2 VwGO am 26. August 2004 beschlossen: Die Beschwerde des Beklagten gegen den Beschluss des Thüringer Oberverwaltungsgerichts vom 27. März 2003 wird zurückgewiesen. Der Beklagte trägt die Kosten des Beschwerdeverfahrens. Der Streitwert wird für das Beschwerdeverfahren auf 4 000 € festgesetzt. (Bundesverwaltungsgericht BESCHLUSS BVerwG 20 F 16.03 Thüringer OVG – 27.03.2003 – AZ: OVG 10 SO 337/01).

В данном документе, например, язык процессуальных актов вобрал в себя специфические черты нескольких функциональных стилей (официально-делового, публицистического, разговорного и даже научного), и его языковой основой служат слова и обороты, клише разных языковых пластов.

Язык договоров по своему функциональному назначению может быть отнесен к одному из подстилей официально-делового стиля речи, основными стилистическими чертами которого являются: точность, не допускающая иного толкования, неличный характер, стан-

дартизированность, стереотипность построения текста, долженствующий характер.

Заявленные требования мотивированы тем, что оспариваемое постановление вынесено незаконно и подлежит отмене. ФКУ Упрдор «Кубань» не является органом, уполномоченным утверждать результаты проведенной уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств. В действиях Заявителя отсутствует состав вменяемого административного правонарушения (решение суда первой инстанции от 04 октября 2013 года. Дело № А40-49477/2013).

Приведённые в статье примеры русских и немецких юридических текстов, сформулированных языком права, вынуждают согласиться с утверждением «юридический язык – более точный и менее двусмысленный, чем общепринятый (естественный). Тем не менее, зачастую тексты, написанные в стиле юридического языка, содержат настолько громоздкие и витиеватые конструкции, что они становятся еще более двусмысленными, нежели написанные общедоступным языком» [1, с. 53].

Приведённые тексты также демонстрируют, что в языке процессуальных актов имеет место и эмоциональное восприятие, и научная интерпретация одного и того же факта. Стилистические различия в языке процессуальных актов обусловлены тем, для чего и в каких конкретных условиях он используется.

Функция языка права состоит в том, чтобы с его помощью опосредовать в праве различные по своей природе отношения (экономические, политические, семейные и др.), донести до населения распоряжения органов государственной власти. Язык выражает связи между государственными органами, между последними и гражданами, а также между гражданами [4].

Значимость и незаменимость языка права заключается в том, что «выработанная веками терминология практически полностью исключает возможность неправильного толкования документов» [2, с. 67], что является исключительным требованием, предъявляемым к юридическому языку, так как юридическая терминология должна быть четкой, а формулировки не должны содержать неясности или двусмысленности.

В заключение отмечаем, что лексика законодателя и в русском, и в немецком лингвосоциуме терминологизирована, что связано с самой природой права. Следствием этого является использование языковых знаков преимущественно в их атрибутивно-номинативном значении. Полисемия, характерная для русского и немецкого языков, не имеет базы для своего существования в языке законодателя. Отличительной особенностью законодательной лексики в целом является ее общенациональный характер.

1. Власенко, Н.А. Основы теории юридических документов: курс лекций [Текст] / Н.А. Власенко, С.В. Стародубцев; Рос. академия правосудия. М.: РАП, 2006. 88 с.

2. Гамзатов, М.Г. Техника и специфика юридического перевода [Текст] / М.Г. Гамзатов. СПб.: Изд-во филологического факультета СПбГУ, 2004. 184 с.

3. Шепелев, А.Н. Язык права как самостоятельный функциональный стиль [Текст] / А.Н. Шепелев: автореферат дис. канд. юридич. наук. Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; История правовых учений. Нижний Новгород, 2002. 23 с.

4. Щепалин, И.В. Специфика современного языка права. [Текст] / И.В. Щепалин // Вестник Карагандинского юридического института Министерства внутренних дел Республики Казахстан. 2004. Вып. 2 (10). С. 156–163.

5. Daum, U. Die Besonderheiten der Rechts und Verwaltungssprache / Daum U. Gerichts- und Behördenterminologie. München: Uni-Druck, 1994. S. 1–13.

6. Otto, W. Die Sprache als Verwaltungsmittel / Bayerische Verwaltungsblätter 24. München, 1978. S. 481–486.

7. Neumann, U. Juristische Fachsprache und Umgangssprache / Rechtskultur als Sprachkultur.: Zur forensischer Funktion der Sprachanalyse / Hrsg. Grewendorf G./- Fr. a. Main, 1992. S. 110–121.

8. Rainer, D.; Klein, W. Sprache des Rechts. Vermitteln, Verstehen, Verwechseln / Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. Sprache des Rechts. Heft 118. 2000. S. 5–33.

References

1. Vlasenko N.A. *Osnovy teorii juridicheskikh dokumentov* [Fundamentals of legal documents]. Moscow, RAP, 2006, 88 p. (in Russian).

2. Gamzatov M.G. *Tehnika i specifika juridicheskogo perevoda* [Technique and specific character of legal translation]. St.Petersburg, Izd-vo, Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2004, 184 p. (in Russian).

3. Shepelev A.N. *Jazyk prava kak samostojatel'nyj funkcional'nyj stil'* [Legal language as an independent functional style]. Nizhny Novgorod, 2002, 23 p. (in Russian).

4. Shhepalin I.V. *Vestnik Karagandinskogo juridicheskogo instituta Ministerstva vnutrennih del Respubliki Kazahstan*, 2004, Edition 2 (10), pp. 156–163 (in Russian).

5. Daum U. *Die Besonderheiten der Rechts und Verwaltungssprache* [Peculiarities of legal language and language of public administration], *Gerichts und Behördenterminologie* (Legal terminology and terminology of government authorities). München, Uni-Druck, 1994, pp. 1–13 (in German).

6. Otto W. *Bayerische Verwaltungsblätter*, München, 1978, pp. 481–486 (in German).

7. Neumann U. *Juristische Fachsprache und Umgangssprache* [Legal terminology and colloquial speech], *Rechtskultur als Sprachkultur: Zur forensischer Funktion der Sprachanalyse* (Legal culture as a language culture: to the lega function of a language analysis), Hrsg. Grewendorf G., Main, 1992. pp. 110–121 (in German).

8. Rainer D., Klein W. *Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. Sprache des Rechts*, Heft 118, 2000, pp. 5–33 (in German).

UDC 340.113.1

LEGAL LANGUAGE IN RUSSIAN AND GERMAN LINGUISTIC SOCIETIES

Sharonova Viktoriya Borisovna,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Head of the Chair of Linguistics and Professional Communication, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: vsharon@list.ru

Annotation

The article refers to the distinctive features of the Law Language in Russian and German linguistic societies. Noting the high degree of cliché character of law language, the author focuses on the linguistic features of the source language, specific structures that are unique to them.

Key concepts:

Law language, linguistic society, terminologization, polysemy, cliché character, Procedure Act.

УДК 351/354

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Слепышев Алексей Львович,

Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
доцент кафедры государственного
управления,
правового обеспечения государственной
и муниципальной службы,
кандидат исторических наук,
г. Челябинск, Российская Федерация.
E-mail: kgmu@chel.ranepa.ru

Аннотация

В статье рассматриваются понятие государственного управления, элементы системы государственного управления, проанализированы условия развития государственного управления в России.

Ключевые понятия:

система государственного управления,
управление государством.

Управление является властным имманентным «атрибутом» человеческой жизнедеятельности и ее организованности. Сущность управления определяется двумя основополагающими взаимосвязанными качествами человека и социальной общности. А именно деятельностью и целеполаганием. Здесь деятельность понимается как любое разумное (сознательное) действие индивидуума и/или его общности. Целеполагание же показывает, что эта деятельность направлена на получение определенного задуманного результата. Существует множество определений понятия управления, приведем два, наиболее подходящих для данного контекста. Управление – «это сознательное воздействие человека, социальных групп, специально созданных органов на различные объекты и протекающие в окружающем мире процессы, на людей и отношения между людьми, осуществляемое с целью достижения определенного состояния объектов, придания процессам нужной направленности, получения желаемых, требуемых, намеченных результатов» [13, с. 11]. Другое определение: «управление представляет собой целеполагающее (сознательное, преднамеренное, продуманное!), организующее и регулирующее воздействие людей на собственную, общественную, коллективную и групповую жизнедеятельность, осуществляемое как непосредственно (в формах самоуправления), так и через специально созданные структуры (государство, общественные объединения, партии, фирмы, кооперативы, предприятия, ассоциации, союзы и т.д.» [1, с. 28].

В наиболее общем виде управление как социальное системное явление – это система управления, состоящая из трех элементов (подсистем): субъекта управления, объекта управления и механизма управления субъекта управления объектом управления. А как социальный управленческий процесс – целенаправленное воздействие субъекта управления на объект управления.

Таким образом, как система управления государственное управление состоит из: субъекта управления – органов государственной власти, объекта управления – общества, сфер жизнедеятельности общества, социальных групп и отдельно взятых индивидуумов, а также механизма государственного управления – организации воздействия субъекта управления на объект управления.

Что касается государственного управления как управленческого процесса, по-

нимания под государством «естественно (природно) – общественное образование, включающее территорию, население и власть, исторически развившееся вследствие их взаимодействия» [1, с. 45], то можно дать следующее определение. Государственное управление – это целенаправленная деятельность органов государственной власти по обеспечению территориальной целостности страны, благополучия ее населения (граждан), на основе социально-экономического развития страны и цивилизованных норм её устройства, а также по легитимизации и оптимизации властных функций самих органов государственной власти.

В современном научном мире нет единого восприятия и подхода к пониманию государственного управления, его целей и функций. В различных странах с учетом их исторической ментальности существуют разные его парадигмы. Есть своя, хотя и незавершенная, разрабатываемая с учетом исторических особенностей развития России, концепция государственного управления в Российской Федерации. Основной вклад в эту концепцию вносят труды Г.В. Атаманчука, В.П. Васильева, Н.И. Глазуновой, В.И. Кнорринга, Н.Н. Моисеева, Б.А. Райзберга, В.Е. Чиркина и ряда других авторов.

В современных условиях исторического развития, его одновременно растущих противоречивых процессов: многополярности и глобализации, роль и ответственность институтов российской власти за состоянием государственности, жизнедеятельности общества, отдельных социальных групп и индивидуумов существенно возрастает на всех уровнях управления: федеральном, региональном и муниципальном. Это, в свою очередь, требует адекватного и системного соответствия самих институтов власти нынешним реалиям: грамотного видения перспективы политического и социально-экономического развития страны и регионов, применения современных научно обоснованных методов и инструментов управления, высоконравственного отношения к своей управленческой деятельности. Условием успешности государственного управления является высокое качество экономики страны и ее региональных составляющих, ее конкурентоспособность в глобальном рыночном пространстве (ГРП). Академик В.Л. Квинт замечает: «Большинство местных, региональных и даже национальных рынков интегрированы в ГРП. Это

создает новые проблемы стратегического характера не только для национальных правительств, многонациональных институтов и транснациональных корпораций, но даже для средних и малых компаний, работающих на местных или региональных рынках» [9, с. 45].

Современная мировая действительность, в том числе мировой экономической кризис в начале XXI века, нестабильная международная и внутренняя обстановка во многих государствах Ближнего Востока да и в относительно благополучной Европе, в других регионах, диктует объективную необходимость не только присутствия, а серьезного усиления роли государственного управления во всех сферах жизнедеятельности, в том числе, не в последнюю очередь, в экономике. Тем более, усиление государственного внимания к проблемам экономического состояния и путям их разрешения в интересах большинства членов общества важно в отношении экономики, находящейся в процессе перехода к рыночной, как это происходит в России. Под усилением роли государственного управления экономической деятельностью совершенно не имеется в виду прямое, административное вмешательство во всю экономическую деятельность хозяйствующих субъектов, подмена их руководящих органов. Прямое управление, в том числе оперативное, органы государственной власти осуществляют только в отношении субъектов государственного сектора экономики. В отношении всех остальных участников экономической деятельности они оказывают государственное влияние посредством косвенных регулятивных управленческих действий, носящих главным образом нормотворческий и контролирующий характер.

Каковы же основные положения и условия должны быть осмысленны и реализованы в современном государственном управлении в России для ее успешного социально-экономического развития? Они представляются следующими.

Во-первых, государственное управление является необходимым и обязательным свойством современного российского государства. Это важнейшее положение обусловлено уникальной способностью человека и общества в целом «познавать природную и социальную действительность и уже в соответствии с этим целелеполагать, организовывать и регулировать свое сознание, поведение и деятельность» [2, с. 20].

Именно управление создает, с одной стороны, целевую осмысленность государственному устройству и функционированию органов власти, а с другой как бы «пронизывает» поле государственной деятельности. Оно «повсеместно и вездесуще» [2, с. 20].

Во-вторых, в смешении или олицетворении смыслового значения двух базисных категорий «управление государством» и «государственное управление» кроется огромная социальная опасность. Пока эти понятия не будут реально организационно-правовым способом разделены, нельзя исключить возможность, что при определенных обстоятельствах государственные органы управления в лице руководящего аппарата, не встанут над политико-социальной организацией общества. То есть над самим государством, так как «государство как публичная и легитимная (нормативно выраженная) властная сила общества... это само общество» [3, с. 6]. Какие органы государственной власти должны быть, какие стратегические цели они обязаны претворять в жизнь, какова должна быть государственная политика и в целом политическая система в государстве определяют граждане путем принятия Конституции, других законных актов, проведения референдумов гражданского волеизъявления. Поэтому именно граждане должны формировать политическую систему государственного устройства, в том числе путем прямых выборов органов законодательной власти, президента страны и высших должностных руководителей субъектов РФ. А государственное управление, безусловно, должны осуществлять органы государственной власти и их аппарат.

В-третьих, процесс государственного управления имеет вполне определенную организацию и технологию, зачастую не зависящую от самого объекта управления, будь это экономическая деятельность, социальная или иная сфера жизнедеятельности. Поэтому имеется настоятельная потребность в научно-практической разработке всех аспектов механизма государственного управления и его компонентов. Как правило, при осуществлении управления меняются его субъекты в лице конкретных органов власти, используемые ими инструменты, ресурсы и т.д., а также критерии, показатели состояния и некоторые другие параметры объектов управления, но не сам набор и последовательность государственных управленческих действий.

В-четвертых, государственное управление – это управление, где субъектами и объектами, в конечном счете, выступают люди, имеющие вполне определенный властный и иной социально-правовой статус. Принципиально отличительным условием, особенностью между их деятельностью будут их возможности в отношении действующего законодательства. Если физические и юридические лица при осуществлении, например, экономической деятельности руководствуются правилом «можно все, что не запрещено законом», то должностные лица в органах государственного управления, в целом органы государственной власти ограничены в своих действиях и обязаны соблюдать правило «можно все, что разрешено законом».

В-пятых, согласно Конституции Российской Федерации государственное управление является социально ориентированным. «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [10, с. 7]. Именно на достойное обеспечение этих человеческих потребностей должен быть направлен стратегический и тактический вектор государственной деятельности в социально-экономической и других сферах жизнедеятельности. Поэтому, говоря о результатах государственного управления, в конечном итоге, следует судить по его результатам в отношении состояния здоровья граждан, их духовно-культурного развития и материального благополучия. Успешные показатели самой экономики еще не гарантируют достойного образа жизни гражданам. Многие зависят от механизма государственного управления процессами создания и перераспределением доходов от экономической деятельности. Так, увеличение в России объема валового внутреннего продукта 2009 г. по сравнению с 1991 г. примерно на 8% сопровождалось одновременно ростом доходного неравенства населения. Об этом, в частности, свидетельствует показатель доходного неравенства (коэффициент Джини). Он оказался за указанный период значительно выше, чем во всех странах Евросоюза и странах – членах Организации экономического сотрудничества и развития [15, с. 81, 92].

В-шестых, государственное управление как вполне целостная система органов власти имеет свои внутренние цели функционирования и развития, которые

могут отличаться и даже противоречить ее внешнему предназначению. Здесь принципиальное значение имеет уровень гражданской и политической культуры в стране, ментальность социума и его властный исторический опыт. Если у граждан есть опыт цивилизованного отстаивания своих интересов у власти, необходимый общий уровень культуры и активные институты гражданского общества, тогда есть и возможность контроля и воздействия на власть с целью корректировки ее целей управления и конкретных действий в интересах всего общества, а не ее бюрократии. Если такой исторической практики у общества нет, то ее необходимо формировать, как бы это не было сложно, в том числе при участии самих органов государственного управления.

В-седьмых, государственное управление должно учитывать на федеральном, региональном и даже местном уровне этническую культуру и конфессиональную ситуацию, несмотря на светский характер власти. Существующие этнические и религиозные особенности должны учитываться в управленческих решениях и действиях. В противном случае повышается вероятность неадекватных решений и управленческих ошибок, а возможно и социального противодействия им. На государственное управление существенный отпечаток оказывают исторические традиции и культурный менталитет конкретного этноса. Так, «только в античной Греции прежде слабо развитые и во многом ограниченные частнособственнические отношения стали господствующими и структурообразующими» [5, с. 772], которые впоследствии распространились на Европу, а затем позднее на Северную и Южную Америку. «Альтернативой этому на Востоке было всемогущество государства и невычлененность индивида из коллектива, что вызвало к жизни совершенно иные политические, правовые и социальные нормы» [5, с. 773]. Древневосточные религиозно-культурные традиции и социально-политические «институты во всех неевропейских цивилизациях были целенаправлены на то, чтобы не допустить таких новшеств, которые могли бы подрвать силу централизованной власти и свято хранимую устойчивость веками складывающихся социальных отношений» [5, с. 773]. Историческое многообразие культуры народов, населяющих огромное российское пространство, ее географическое евразийское расположение должно найти свое отражение в го-

сударственной деятельности, быть учтено при выработке мер государственного управления.

В-восьмых, государственное управление представляет сложную социальную систему. К изучению и пониманию ее целей, устройства, структуры и других аспектов правомерно и актуально использовать системный подход, аппарат синергетики и основы других когнитивных наук. «Система государственного и муниципального управления – одна из благодатных областей нового синергетического прочтения, здесь постоянно происходит столкновение необходимых и случайных явлений, факторов, возникает множество нестабильных, неустойчивых процессов, действуют синергетически неравновесные социальные институты», – замечает Н.И. Глазунова [6, с. 399]. «Современное состояние развития синергетического знания...может стать основой построения моделей самоподдерживаемого и оберегаемого развития стран и регионов в современном нестабильном мире», – подтверждают Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов [9, с. 179]. Эти теоретические познания необходимо переложить на практику государственной деятельности и включения синергетики, теории систем и других когнитивных дисциплин в программу по специальности «государственное и муниципальное управление» как обязательных.

В-девятых, государственное управление не сможет быть успешным без привлечения представителей научно-профессиональной, политической и иной общественности. Привлечение авторитетных специалистов «со стороны» продиктовано требованием высокой профессиональной квалификации принимаемых государственных решений, а представителей общественности необходимостью уже на стадии разработки управленческих решений предвидеть возможную реакцию на них общественности, в целом населения. «Зрелая демократия – это симбиоз иерархий и сетей, без сетей есть диктатура, а сети без иерархии – анархия» [14, с. 85]. В области экономической деятельности государственное управление обязано стимулировать создание и активное функционирование профессиональных организаций предпринимательства в виде саморегулируемых организаций и передачи им определенных властных полномочий.

В-десятых, в рамках государственного управления следует попытаться применить,

новые для рационального мышления нетрадиционные, а также древневосточные методы принятия решений. В частности, методика творческого подхода к нестандартным ситуациям, характерным для реалий государственного управления изложена в работах Э. де Боно. Он пишет: «К сожалению, потребность в творчестве, которую уже достаточно ясно осознают в мире бизнеса, по-прежнему остается за пределами внимания большинства правительств. В мире давно назрела необходимость в новых концепциях и методах управления государствами» [4, с. 9]. Исторически зарекомендовавшей себя методикой управленческих решений является знаменитая древнекитайская «Книга Перемен» (Ицзин – Чжоу И). Примеры ее успешного применения в Китае и в деятельности некоторых западных финансово-экономических структур ставят вопрос о возможном ее использовании и в государственном управлении [13, с. 22–24].

В-одиннадцатых, государственное управление в России исторически, ментально связано с образованием российской государственности вообще, независимо от ее конкретных исторических форм. Об этом убедительно свидетельствует, например, работа Н.И. Глазуновой [11]. Поэтому государственное управление в современной России не должно отказываться от исторической российской управленческой практики. Следует использовать всё положительное и учитывать всё негативное прошлого государственного управления, в том числе и советского периода в российской государственности. Как замечает известный российский философ А.А. Зиновьев: «...в советский период в нашей стране была изобретена социальная организация (строй, система) более высокого порядка, чем все существовавшие ранее и в других странах планеты» [7, с. 63].

В-двенадцатых, государственное управление должно учитывать волновой характер жизнедеятельности. А. Механик пишет: «Если история циклична, как утверждает наука, то Россия тому – идеальный пример» [11, с. 80] и далее: «Безусловно, политические циклы связаны с экономикой» [11, с. 82]. Необходима вполне определенная «мера» присутствия или участия государственного управления в экономической деятельности, зависящая от конкретной временной стадии экономического цикла. Естественно, на подъеме экономической деятельности участие государства в экономике

должно быть минимальным, а на стадии её спада – существенно усиливаться. Например, на стадии подъема экономики может осуществляться активная приватизационная кампания государственных хозяйствующих субъектов и пакетов акций предприятий, а на стадии падения – наоборот их национализация и даже национализация отдельных отраслей экономики.

Таковы, на наш взгляд, только некоторые положения и условия осуществления государственного управления в современной России, которые возможно необходимо дополнить и другими важными аспектами рассматриваемой проблематики.

1. Атаманчук, Г.В. Теория государственного управления [Текст] / Г.В. Атаманчук: Учебник. 3-е изд., стер. М.: Издательство «Омега-Л», 2013. 525 с.

2. Атаманчук, Г.В. Управление как общественное явление. Виды управления [Текст] / Г.В. Атаманчук // Наша власть: дела и лица, 2005. № 3 (50). С. 20–21.

3. Атаманчук, Г.В. Синергетические аспекты государственного управления [Электронный ресурс] / Г.В. Атаманчук. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/DZSAtamanchuk.htm> (дата обращения: 15.09.2012).

4. Боно, Э. Серьезное творческое мышление [Текст] / Э. Боно. Пер. с англ. Д.Я. Онацкая. Минск: ООО «Попурри», 2005. 416 с.

5. Васильев, Л.С. История религий [Текст] / Л.С. Васильев: Учебное пособие. М.: КДУ, 2008. 791 с.

6. Глазунова, Н.И. Система государственного и муниципального управления [Текст] / Н.И. Глазунова: Учебник. М.: Проспект, 2010. 640 с.

7. Зиновьев, А. Несостоявшийся проект: Распутье. Русская трагедия [Текст]: [сб.] / Александр Зиновьев. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. 542 с.

8. Квинт, Владимир. Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке [Текст] / Владимир Квинт. М.: Бизнес-Атлас, 2012. 626 с.

9. Князева, Е.Н. Основания синергетики: Синергетическое мировидение [Текст] / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. Изд. 3-е, доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 256 с.

10. Конституция Российской Федерации [Текст]. СПб.: Питер, 2012. 64 с.

11. Механик, А. Жуткий хаос – жестокий порядок [Текст] / А. Механик // Эксперт. 2002. № 1–2. С. 80–84.

12. Проскурина, О. Инь и Янь ситуативного прогноза [Текст] / О. Проскурина, Е. Бакулин // Эксперт. 2003. № 2. С. 22–24.

13. Райзберг Б.А. Государственное управление экономическими и социальными процессами [Текст] / Б.А. Райзберг: Учеб.пособие. М.: ИНФРА-М, 2010. 384 с.

14. Третьяков, В. Бесхребетная Россия [Текст] / В. Третьяков // Политический класс. 2005. № 1. С. 32–36.

15. Ясин, Е. Социальные итоги трансформации, или Двадцать лет спустя [Текст] / Е. Ясин, Г. Андрущак, А. Ивантер, Н. Косарева, Л. Овчарова, А. Пonomarenko, В. Fadeev // Вопросы экономики. 2011. № 8. С. 77–96.

References

1. Atamanchuk G.V. *Teorija gosudar stvennogo upravlenija* [Theory of public administration]. Moscow, Izdatel'stvo «Omega-L», 2013, 525 p. (in Russian).
2. Atamanchuk G.V. *Nasha vlast': dela i lica*, 2005, no. 3 (50), pp. 20–21 (in Russian).
3. Atamanchuk G.V. *Sinergeticheskie aspekty gosudarstvennogo upravlenija* [Synergetic aspects of public administration], available at: <http://spkurdyumov.narod.ru/DZSAtamanchuk.htm> (accessed 15 September 2012) (in Russian).
4. Bono Je. *Ser'eznoe tvorcheskoe myshlenie* [Serious creative thinking]. Minsk, ООО «Popurri», 2005, 416 p. (in Russian).
5. Vasil'ev L.S. *Istorija religij* [History of religions]. Moscow, KDU, 2008, 791 p. (in Russian).
6. Glazunova N.I. *Sistema gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija* [System of public and municipal administration]. Moscow, Prospekt, 2010, 640 p. (in Russian).
7. Zinov'ev A. *Nesostojavshijsja proekt: Rasput'e. Russkaja tragedija* [Failed project: Crossroad. Russian tragedy]. Moscow, AST MOSKVA, 2009, 542 p. (in Russian).
8. Kvint Vladimir. *Strategicheskoe upravlenie i jekonomika na global'nom formirujushhemsja rynke* [Strategic management and economics in the global forming market]. Moscow, Biznes-Atlas, 2012, 626 p. (in Russian).
9. Knjazeva E.N., Kurdjumov S.P. *Osnovaniya sinergetiki: Sinergeticheskoe mirovidenie* [Grounds of synergetics: Synergetic outlook]. Moscow: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2010, 256 p. (in Russian).
10. *Konstitucija Rossijskoj Federacii* [Constitution of the Russian Federation]. St.Petersburg, Piter, 2012, 64 p. (in Russian).
11. Mehanik A. *Jekspert*, 2002, no. 1–2, pp. 80–84 (in Russian).
12. Proskurina O. *Jekspert*, 2003, no. 2, pp. 22–24 (in Russian).
13. Rajzberg B.A. *Gosudarstvennoe upravlenie jekonomicheskimi i social'nymi processami* [Public administration of economic and social processes]. Moscow, INFRA-M, 2010, 384 p. (in Russian).
14. Tret'jakov V. *Politicheskij klass*, 2005, no. 1, pp. 32–36 (in Russian).
15. Jasin E., Andrushhak G., Ivanter A., Kosareva N., Ovcharova L., Ponomarenko A., Fadeev V. *Voprosy jekonomiki*, 2011, no. 8, pp. 77–96 (in Russian).

UDC 351/354

PUBLIC ADMINISTRATION IN MODERN RUSSIA: THEORY AND PRACTICE

Slepyshev Aleksey Lvovich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Associate Professor of the Chair of Public Administration, Legal Groundwork of Civil and Municipal Service, Candidate of Historical Sciences, Chelyabinsk, Russia.

E-mail: kgmu@chel.ranepa.ru

Annotation

The article considers such notions as public administration, elements of the system of public administration, he also analyzes conditions for developing public administration in Russia.

Key concepts:

System of public administration, government of a state.

УДК 330.11

КОСМИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ МИРОВОЙ КОНЪЮНКТУРЫ

Белкин Владимир Алексеевич,

Российская академия наук,
Уральское отделение,
Челябинский филиал
Института экономики,
ведущий научный сотрудник,
Российская академия наук, профессор,
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
профессор кафедры экономики,
финансов и бухгалтерского учета,
доктор экономических наук, профессор,
Челябинск, Россия.
E-mail: belkin5986@mail.ru

Аннотация

Автор выявил сильные связи циклов Жюгляра и Китчина мирового продукта (1961–2013 гг.) и ВВП США (1798–2013 гг.), с одной стороны, и циклов солнечной активности – с другой. На этой основе им разработан прогноз ухудшения мировой конъюнктуры в 2014–2015 гг. Автор раскрывает тесную связь гелиобиологии и гелиоэкономики.

Ключевые понятия:

циклы солнечной активности,
циклы мировой конъюнктуры,
циклы ВВП,
длинные волны в экономике,
прогнозирование экономических
кризисов.

Экономисты не любят давать прогнозы, тем более их вспоминать. А журналисты «забывают» их спросить о прошлых прогнозах, видимо, чтобы не расстраивать себя и публику. Хотя существует «остроумный» способ прогнозирования очередного экономического кризиса, которым пользуется популярный экономист. А именно, он прогнозирует кризис на каждый год и, как ни странно (шутка), иногда прогноз сбывается.

В июне 2008 года во время восторженных откликов на Концепцию – 2020 была опубликована моя статья, в которой я подверг критике данную концепцию как не учитывающую закон циклического развития экономики. В этой же статье я обосновывал прогноз на 2008 год, в соответствии с которым в 2008 году в экономике России и Челябинской области должны были произойти следующие негативные события: снижение темпов роста ВВП (ВРП), рост уровня безработицы, инфляции и процентных ставок по кредитам, что и произошло по факту [1, с. 190–192].

Пока я не могу похвастаться высокой точностью своих прогнозов. Экономисты, подобно генералам, которые готовятся к прошлой войне, ожидают прошлого кризиса. В этом состоит на сегодняшний день неточность моего прогноза следующего после мирового финансового экономического кризиса, который был опубликован в 2009 году.

А именно, в своей статье «Прогнозирование экономических и политических кризисов на основе точек перегиба (экстремумов) кривой солнечной активности» [2] я, опираясь на прогноз NASA, который предусматривал максимум солнечной активности (далее по тексту – СА) в 2013 году, дал прогноз очередного экономического кризиса в 2013 г. Причём я ожидал его начала, прежде всего, в США. Но, похоже, в этот раз он начинается с экономик развивающихся стран, включая и Россию.

В той же статье я написал, что дата кризиса может сместиться вслед за смещением во времени максимума 24-го цикла СА. Похоже, именно это и происходит. А именно, резкий рост СА начался в октябре 2013 года и продолжается по настоящее время (февраль 2014 г.). Так что годом месячного максимума СА может оказаться 2014 год. Однако недостаточная точность астрофизических прогнозов никоим образом не отрицает сильных связей циклов СА и мирового продукта, о чём и пойдёт речь ниже.

Росстат РФ научился «бороться» с кризисом с помощью учёта теневой экономики.

Невольно вспоминается анекдот про ложь, грубую ложь и статистику. Но, похоже, даже статистические упражнения имеют свои пределы и, глядя на грустную даже официальную статистику по экономике России за январь 2014 года, трудно удержаться от того, чтобы не привести цитату из своей предыдущей статьи в данном журнале, которая была опубликована в начале 2013 года. А именно, в конце статьи я заметил, что «если в концепции, стратегии, основных направлениях развития страны и подобных документах не показываются ближайшие экономические и финансовые кризисы (например, 2014 и 2020 гг.), то относиться серьёзно к подобным документам нельзя» [3, с. 73].

Данные о СА, а именно о среднегодовых и среднемесячных числах Вольфа (которые, напомню, пропорциональны количеству солнечных пятен), были взяты мною с сайта Королевского центра анализа данных по влиянию солнца (Бельгия) [8]. Данные о динамике мирового продукта были взяты с сайта Всемирного банка [11]. Для 2013 г. использована оценка годового роста мирового продукта Всемирного банка в размере 2,4%.

В настоящей работе, в отличие от прочих работ, в том числе и других авторов по данной теме, я использовал не годовые, а месячные экстремумы СА (чисел Вольфа). Данные экстремумы чаще происходят в один год с годовыми экстремумами СА, но наблюдаются несколько случаев их расположения в смежных годах. Так, например, годовой максимум СА имел место в 1989 г., но месячный – в августе 1990 года. Годовой минимум СА имел место в 2008 году, а месячный – в августе 2009 года. За весь доступный период наблюдений мирового продукта (1961–2013 гг.) месячные минимумы СА имели место в 1964, 1976, 1986, 1996 и 2009 гг., а месячные максимумы – в 1969, 1979, 1990, 2000 и 2013 гг. (по состоянию на 19.02.2014).

Далее я определил средние значения СА (среднегодовых чисел Вольфа) для каждого из ключевых годов солнечных циклов, которые имели место в 1961 – 2013 гг. А именно, были определены средние арифметические значения чисел Вольфа для всех годов месячных минимумов СА, первого и второго годов после минимумов СА, годов месячных максимумов СА, первого, третьего и четвёртого годов после максимумов СА, а также первого и второго годов перед минимумами СА. Гипотеза данного исследования состояла в том, что темпы роста мирового продукта являются функцией СА. Данная гипотеза в высокой степени подтвердилась, что и показывает диаграмма на рис. 1.

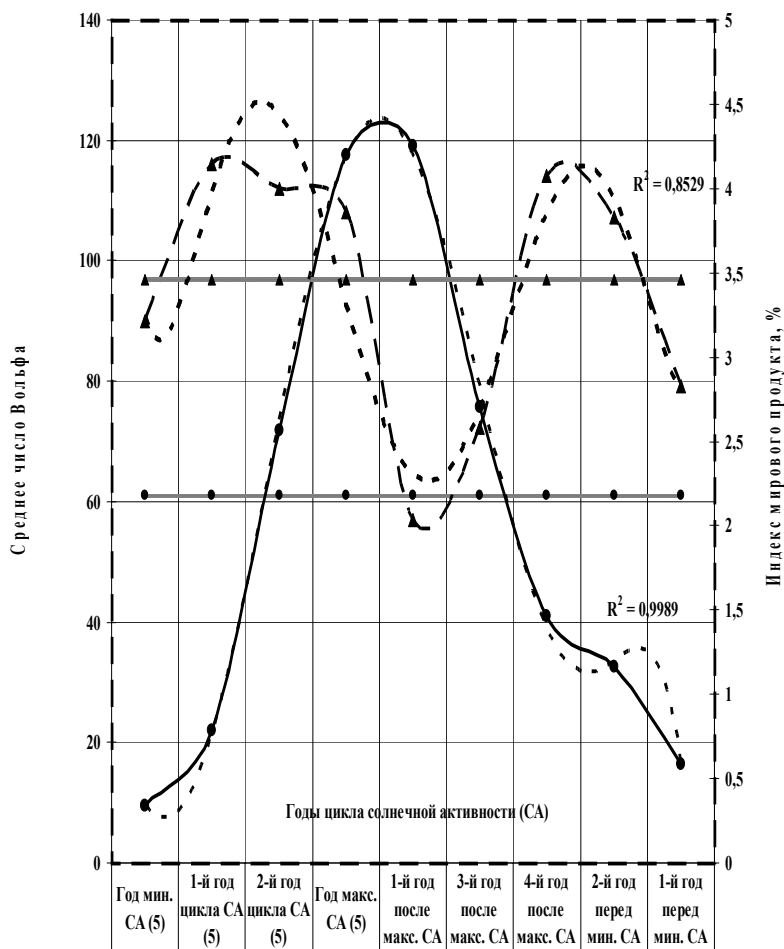
Данная диаграмма показывает всю сложность связи солнечной и экономической активности. А именно, на отрезке роста СА от минимумов СА до её средних значений растут и темпы роста мирового продукта. Но когда СА начинает превышать среднее её значение, темпы роста мирового продукта начинают снижаться, и минимальные его темпы наблюдаются в первый год после максимумов СА (ближайший по прогнозу такой год – 2014-й). Далее СА начинает снижаться до средних значений, и это приводит к обратному росту мирового продукта. Но снижение СА ниже средних значений опять приводит к снижению индекса мирового продукта, и следующие его минимумы наблюдаются, как правило, за 1 год до минимума СА. В скобках на диаграмме в наименованиях столбцов указано количество лет. Например, цифра 5 означает, что таких лет (например, месячных минимумов СА) за период 1961–2013 гг. было 5.

Фазы впадин (дна) циклов Жюгляра близки или совпадают во времени с годами, следующими за максимумами СА. Каждый цикл Жюгляра включает в себя по два цикла Китчина. Вершины (пики) циклов Китчина совпадают со средними значениями СА, а их впадины (дно) – с экстремумами СА (см. рис.1).

Таким образом, оптимальными для мировой экономики значениями СА являются средние её значения. Максимумы СА (то есть частоты и силы магнитных бурь) и минимумы СА (магнитные штормы) по факту являются неблагоприятными для мировой конъюнктуры. И это полностью соответствует результатам медицинских экспериментов, проведённых, например, д.м.н., академиком РАЕН Ю.И. Гурфинкелем.

В его работе «Физиологические и патофизиологические аспекты влияния солнечной активности на организм человека» следующим образом подводятся итоги эксперимента в институте медико-биологических проблем в рамках программы «Марс – 500». «Результаты этих и других исследований, – пишет Ю.И. Гурфинкель, – позволяют предположить, что кровь сама по себе может являться сенсором вариаций магнитных полей, поскольку эритроциты, тромбоциты, лейкоциты, несущие электрический заряд в потоке, в соизмеримом магнитном поле могут менять как собственные свойства, так и свойства потока. Важно отметить, – продолжает исследователь, – что не только геомагнитные возмущения, но и периоды очень спокойной геомагнитной обстановки оказывают влияние на капиллярный кро-

Связь солнечной и экономической активности в 1961 - 2013 гг.

	Год мин. CA (5)	1-й год цикла CA (5)	2-й год цикла CA (5)	Год макс. CA (5)	1-й год после макс. CA	3-й год после макс. CA	4-й год после макс. CA	2-й год перед мин. CA	1-й год перед мин. CA
● Среднее число Вольфа	61,023077	61,023077	61,023077	61,023077	61,023077	61,023077	61,023077	61,023077	61,023077
● Число Вольфа (Wolf number)	9,58	21,96	71,94	117,6	119,05	75,775	41,075	32,62	16,34
▲ Индекс мирового продукта (GDP % growth, annual), %	3,2107959	4,1418952	3,999	3,8623361	2,0303635	2,5789807	4,0787201	3,8309374	2,8301811
▲ Средний индекс мирового продукта, %	3,458329	3,458329	3,458329	3,458329	3,458329	3,458329	3,458329	3,458329	3,458329

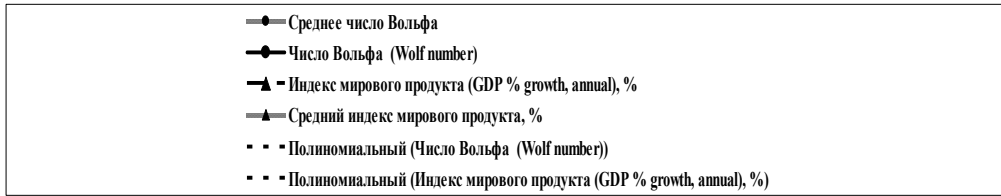

Рис. 1. Циклы Китчина и Жюгляра мирового продукта как функция солнечной активности (1961–2013 гг.)

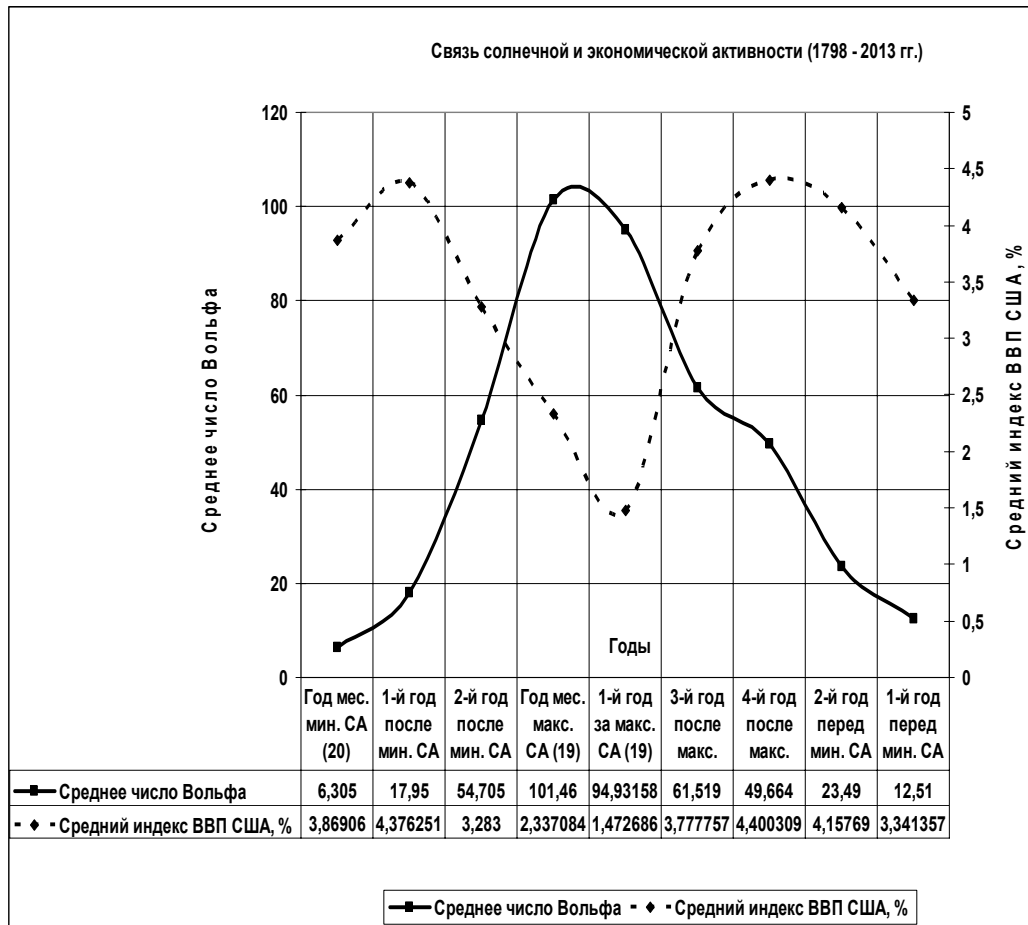

Рис. 2. Циклы Китчина и Жюгляра ВВП США как функция солнечной активности (1798–2013 гг.)

воток, замедляя его... В дни геомагнитных возмущений СКК (скорость капиллярного кровотока – В.А.) составила 389 ± 167 мкм/с. ...В обычной спокойной обстановке СКК составила в среднем 643 ± 178 мкм/с, в условиях очень спокойной геомагнитной обстановки СКК составила 435 ± 223 мкм/с ($p < 0.02$)» [6].

Итак, из данных результатов научных экспериментов следует, что в период геомагнитных возмущений (магнитных бурь) скорость капиллярного кровотока испытуемых (не знавших о фактах магнитных бурь) снижалась на 40%, а в период очень спокойной геомагнитной обстановки (магнитных штилей) – на 32%, в сравнении с обычной спокойной геомагнитной обстановкой. Это приводит к кислородному голоданию всех органов человеческого организма, ухудшению физиологического и

психологического состояния миллиардов людей, росту частоты инфарктов, инсультов и самоубийств, настроений пессимизма, в том числе на всех рынках. Как результат следует снижение экономической активности, которое даже по степени соответствует данным академика Ю.И. Гурфинкеля. А именно, снижение мирового продукта в годы максимумов магнитных бурь превышает его снижение в годы минимумов СА (магнитных штилей) (см. рис. 1 и 2).

Разумеется, мои оппоненты опять укажут на возможность случайных совпадений. Поэтому специально для них я привожу диаграмму связи циклов СА и ВВП США за 1798–2013 гг. (см. рис. 2). Мы видим большую степень схожести диаграмм на рис. 1 и 2, что свидетельствует о том, что мною выявлены устойчивые связи циклов Жюгляра, Китчина, с одной стороны, и

циклов СА – с другой за период в 215 лет. Соответствующий коэффициент корреляции равняется $-0,88$.

Данные о ВВП США за период 1798–1930 гг. были взяты с сайта Measuring Worth (измерение стоимости) [9]. С 1930 г. по 2013 г. использованы данные бюро экономического анализа США [7], которые совпадают за этот период с данными сайта Measuring Worth.

Из диаграмм 1 и 2 не следует, что в каждом цикле СА наблюдаются темпы роста мирового продукта и ВВП США, указанные на них. Они могут быть и другими. Но выявленные мною закономерности пробивают себе дорогу через множество случайностей.

Из всех доступных лет наблюдений (1961–2012 гг.) мы выбрали годы среднегодовых максимумов СА и определили снижение мирового продукта за 2 года после каждого из данных максимумов. Результаты представлены в таблице 1. В столбце 7 в данной таблице показан прогноз автора данной статьи на 2014–2015 гг. То есть в ближайшие 2 года следует ожидать дальнейшего ухудшения мировой конъюнктуры и снижения годовых темпов роста мирового продукта на 2,4%, в сравнении с оными 2013 года. Данный прогноз был опубликован мною в 2013 году [4, с. 6–14].

Однако моя методика прогнозирования также имеет свои ограничения и недо-

ледние месяцы (октябрь 2013 г. – февраль 2014 г.) наблюдается высокая СА и, вполне возможно, годом её как годового, так и месячного максимума станет не 2013 год, который ранее назывался годом максимума СА, например, в прогнозе Американского космического агентства NASA, а 2014 год.

На основе указанных выше источников я построил диаграмму, которая показывает сильную обратную связь циклов месячных экстремумов солнечной активности (чисел Вольфа) и циклов мирового продукта с лагом в 1 год (см. рис. 3). Соответствующий коэффициент корреляции оказался равным $-0,872!$ То есть после каждого из месячных максимумов СА следовало снижение индекса мирового продукта в следующем году, а после каждого минимума (то есть на отрезках роста СА до средних значений) – его рост.

Из диаграммы, приведённой на рис. 3, не следует, что исключительно все циклы мирового продукта определяются циклами солнечной активности. Например, нефтяной кризис 1973–1974 гг. имел свои военно-политические, но не космические причины, и, соответственно, на данной диаграмме не представлен, так как не попадает с лагом в 1 год на точки экстремумов солнечной активности. Поэтому, подобно некоторым журналистам, которые ищут сенсаций, не следует мою позицию извращать и пред-

Таблица 1

Снижение мирового продукта после каждого из максимумов солнечной активности (1961–2000 гг.)

№ п/п	Годы максимумов солнечной активности	1968	1979	1989	2000	2013
1	2	3	4	5	6	7
1	Изменение индекса мирового продукта за два следующих года, %	-2,89792	-2,01069	-2,42312	-2,1946	-2,382

статки, так как она опирается на астрофизические прогнозы солнечной активности, которые имеют свою степень точности. То есть астрофизики также могут ошибаться как в отношении длительности очередного солнечного цикла, так и в отношении года и величины максимума СА. В пос-

ставлять как признание исключительности влияния солнечной активности.

Сильная обратная связь месячных экстремумов чисел Вольфа и годовых приростов мирового продукта с лагом в 1 год показана на диаграмме на рис. 4. Соответствующий коэффициент корреля-

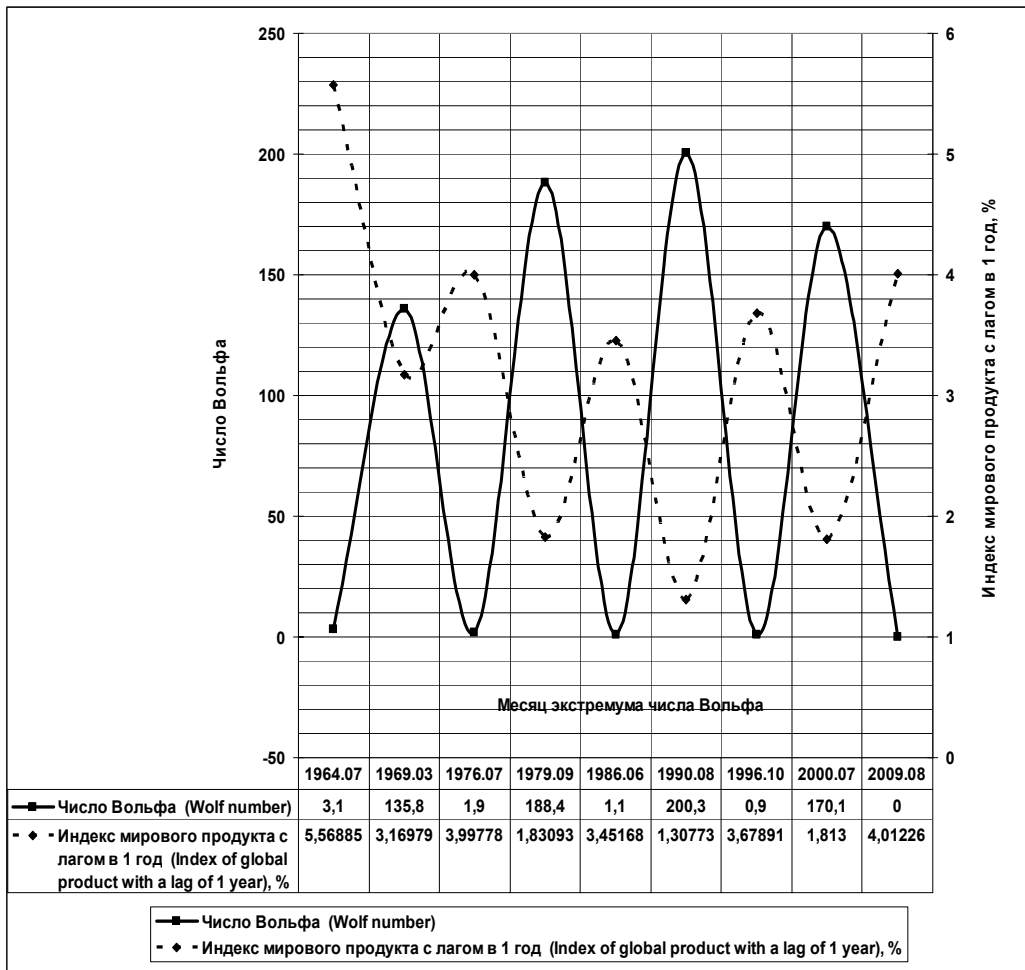

Рис. 3. Сильная обратная связь циклов мирового продукта и циклов солнечной активности

ции равняется $-0,87$. Данная связь может использоваться при прогнозировании динамики мирового продукта в следующем году. Так, например, в настоящее время (18.02.2014) высока вероятность того, что месячный максимум 24-го цикла СА будет достигнут в феврале 2014 года и его значение составит 169,2 (среднее число Вольфа с 1 по 18 февраля 2014 г.). Тогда, используя линию тренда диаграммы на рис. 4, мы можем определить темп роста мирового продукта в следующем 2015 году. Диаграмма показывает, что он должен составить примерно 2,0%. То есть вопреки оптимистичному прогнозу Всемирного банка, который в настоящее время (18.02.2014) прогнозирует рост мирового продукта в 2014 и 2015 гг. в сравнении с 2013 г. [10] в размере 3,2 и 3,4%, соответ-

ственно, следует ожидать снижения темпов его роста до 2,0% в 2015 г.

Мне также удалось показать тесную обратную связь большого цикла солнечной и экономической активности на основе всех имеющихся данных о динамике мирового продукта (см. рис. 5). Соответствующий коэффициент корреляции оказался равным $-0,85$.

По аналогии с термином «гелиобиология», то есть разделом физики, изучающим влияние циклов СА на земные организмы, ранее в своих работах я предложил назвать науку, изучающую связи циклов солнечной и экономической активности, гелиоэкономикой.

Важно отметить, что полученные мною в гелиоэкономике результаты находятся в полном соответствии с результатами рабо-

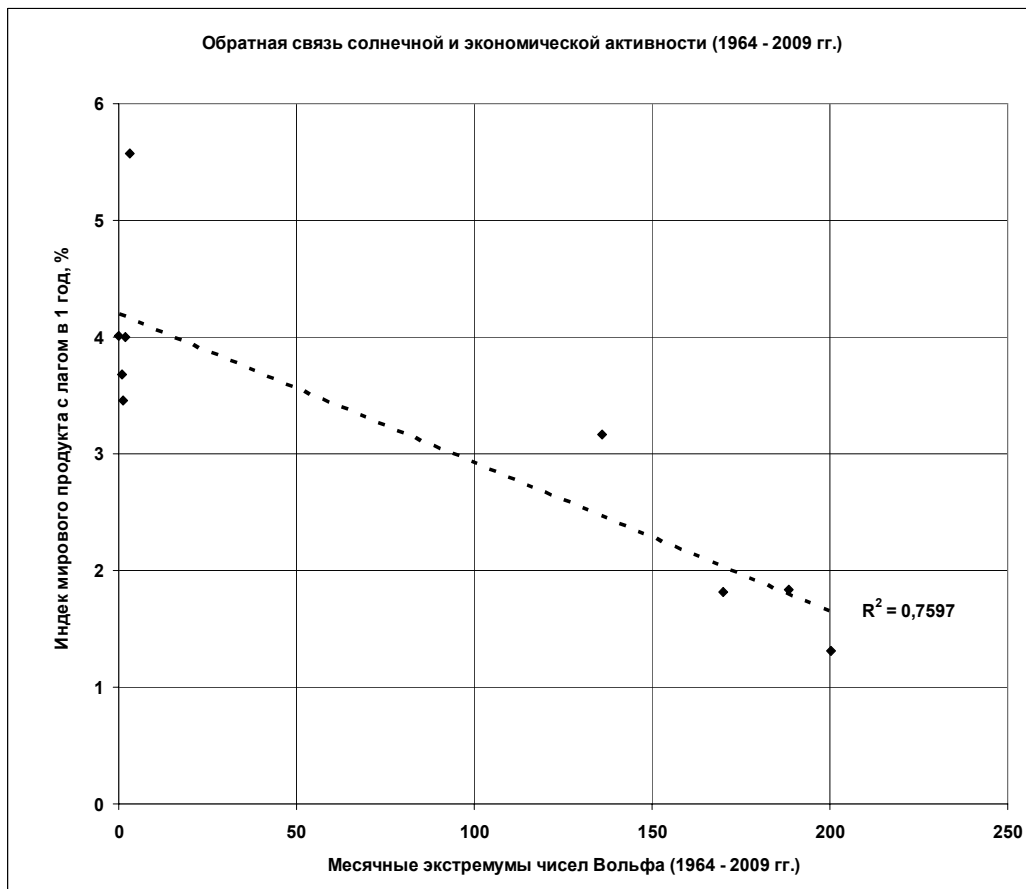

Рис. 4. Сильная обратная связь месячных экстремумов чисел Вольфа и годовых темпов роста мирового продукта с лагом в 1 год

ты многих учёных в области гелиобиологии. Так, например, в статье «Гелиобиология» из свободной энциклопедии «Википедия» читаем краткое изложение достижений в области гелиобиологии: «Основоположником гелиобиологии считается советский учёный А.Л. Чижевский. ... Гематолог Н.А. Шульц установил влияние перепадов активности Солнца на число лейкоцитов в крови человека и относительный лимфоцитоз. Итальянский физико-химик Дж. Пиккарди обнаружил влияние различных физических факторов, и в частности изменений активности Солнца, на состояние коллоидных растворов. Японский гематолог М. Таката разработал пробу на осаждение белков крови, чувствительную к изменениям активности Солнца. Французский врач М. Фор и другие показали, что учащение внезапных смертей и обострений хронических заболеваний связано с повышением солнечной активности... В качестве одного

из возможных агентов, связывающих изменения солнечной активности и биосферу, рассматриваются вариации магнитного поля Земли» [5].

Из данных научных результатов учёных – гелиобиологов можно сделать основной (хотя и упрощённый) вывод о том, что рост солнечной активности приводит к ухудшению физиологического и психического состояния миллиардов людей (включая и моих уважаемых оппонентов). Это не может не приводить к росту настроений пессимизма (крайней формой которых является рост частоты самоубийств в годы максимумов СА). Рост настроений пессимизма среди участников всех рынков, включая фондовый, приводит к очередному финансовому и (или) экономическому кризису.

Таким образом, выводы гелиобиологии объясняют результаты, представленные мною на вышеприведённых диаграммах. Особенно ярко сильная обратная связь

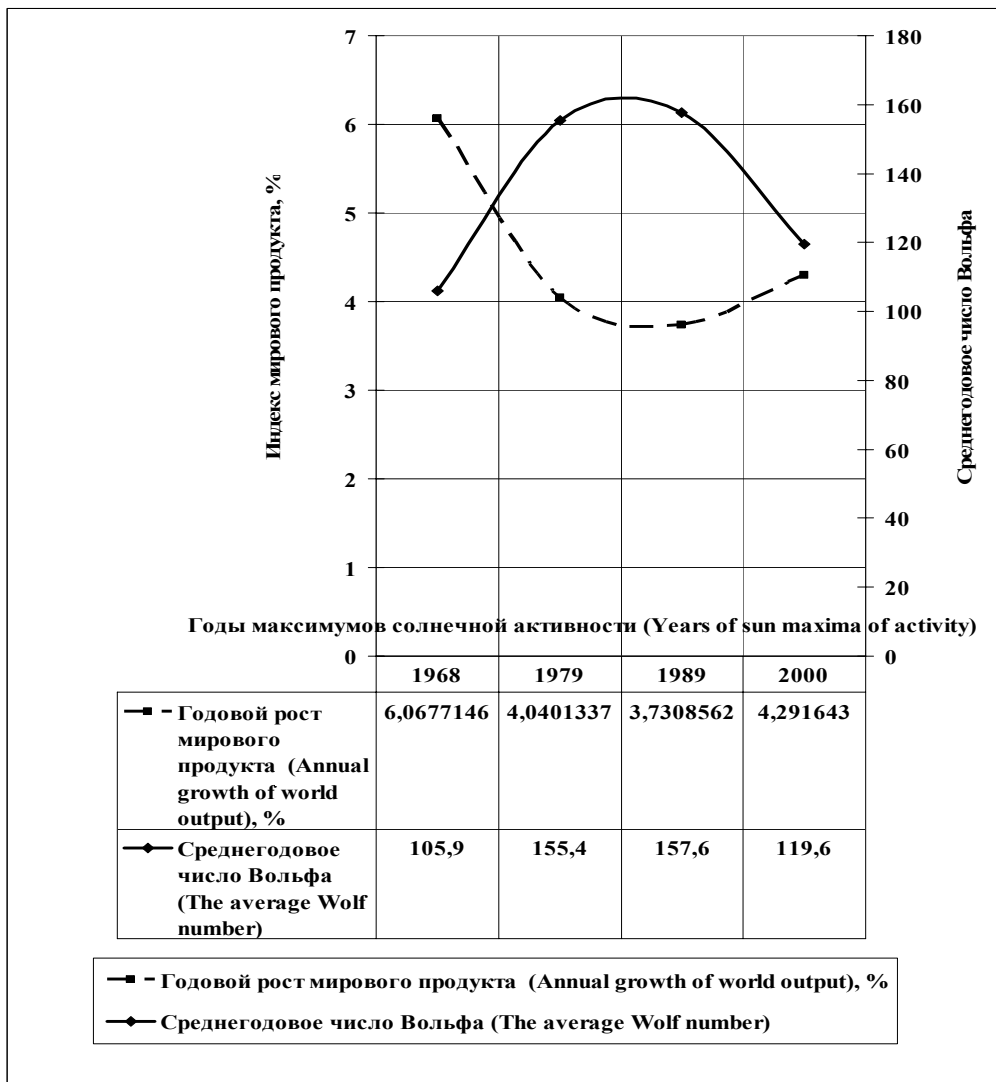

Рис. 5. Сильная обратная связь длинного цикла мирового продукта и длинного цикла месячных максимумов солнечной активности

солнечной и экономической активности показана на рис. 4. Между гелиобиологией и гелиоэкономикой существует тесная связь причины и следствия.

1. Белкин, В.А. Прогнозирование основных макроэкономических показателей на основе циклических колебаний эластичности реального ВВП по его индексу – дефлятору [Текст] / В.А. Белкин // Челябинский гуманитарий. 2008. № 6. С. 185–192.

2. Белкин, В.А. Прогнозирование экономических и политических кризисов на основе точек перегиба (экстремумов) кривой солнечной активности [Электронный ресурс] / В.А. Белкин // Экономика, финансы, рынок, 2009. URL: <http://publications.csu.ru/doc/2008/3-1.html> (дата обращения: 05.03.2014).

3. Белкин, В.А. Космические факторы экономических циклов [Текст] / В.А. Белкин // Социум и власть. 2003. № 2. С. 68–74.

4. Белкин, В.А. Длинные волны мирового продукта и солнечной активности: механизм и факты сильной устойчивости обратной связи [Текст] / В.А. Белкин // Челябинский гуманитарий. 2013. № 3 (24). С. 6–14.

5. Гелиобиология. Материал из Википедии – свободной энциклопедии [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 05.03.2014).

6. Гурфинкель, Ю.И. Физиологические и патофизиологические аспекты влияния солнечной активности на организм человека [Электронный ресурс] / Ю.И. Гурфинкель / Сборник тезисов докладов меж-

дународной конференции «Влияние космической погоды на человека в космосе и на Земле» (Москва, июнь 2012 г.). URL: <http://swh2012.cosmos.ru/ru/content/sbornik-tezisev> (дата обращения: 05.03.2014).

7. Министерство торговли США. Бюро экономического анализа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bea.gov/national/> (дата обращения: 05.03.2014).

8. Центр анализа данных по влиянию солнца (Бельгия) [Электронный ресурс]. URL: <http://sidc.oma.be> <http://sidc.oma.be/DATA/yearssn.dat> (дата обращения: 05.03.2014).

9. Measuring Worth. Сервис для расчёта относительной стоимости с течением времени [Электронный ресурс]. URL: <http://www.measuringworth.com/aboutus.php> (дата обращения: 21.04.2013).

10. The World bank. Country and region specific forecasts and data [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldbank.org/en/publication/global-economic-prospects/data> (дата обращения: 16.02.2014).

11. The World bank. GDP growth (annual %) [Электронный ресурс]. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG/countries/1W?display=graph> (дата обращения: 05.03.2014).

References

1. Belkin V.A. *Cheljabinskij gumanitarij*, 2008, no.6, pp. 185–192 (in Russian).

2. Belkin V.A. *Jekonomika, finansy, rynek*, 2009, available at: <http://publications.csu.ru/doc/2008/3-1.html> (accessed 5 March 2014) (in Russian).

3. Belkin V.A. *Socium i vlast'*, 2003, no. 2, pp. 68–74 (in Russian).

4. Belkin V.A. *Cheljabinskij gumanitarij*, 2013, no. 3 (24), pp. 6–14 (in Russian).

5. *Geliobiologija. Material iz Vikipedii – svobodnoj jenciklopedii* [Heliobiology. Material taken from Wikipedia – the free encyclopedia], available at: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BE%D0%B1%D0%B8%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F> (accessed 5 March 2014) (in Russian).

6. Gurfinkel' Ju.I. Fiziologicheskie i patofiziologicheskie aspekty vlijaniya solnechnoj aktivnosti na organizm cheloveka [Physiological and pathophysiological aspects of the influence of solar activity on human body]. *Sbornik tezisev dokladov mezhdunarodnoj konferencii «Vlijanie kosmicheskoj pogody na cheloveka v kosmose i na Zemle»* (Moskva, ijun' 2012 g.) (Book of abstracts of international conference "The influence of space weather on a human being in space and on Earth" Moscow, July 2012)), available at: <http://swh2012.cosmos.ru/ru/content/sbornik-tezisev> (accessed 5 March 2014) (in Russian).

7. *Ministerstvo trgovli SShA. Bjuro jekonomicheskogo analiza* [US Department of commerce. Bureau of economic analysis], available at: <http://www.bea.gov/national/> (accessed 5 March 2014) (in Russian).

8. *Centr analiza dannyh po vlijaniju solnca (Bel'gija)* [Solar Influences Data Center (Belgium)]. Available at: <http://sidc.oma.be> <http://sidc.oma.be/DATA/yearssn.dat> (accessed 5 March 2014) (in Russian).

9. *Measuring Worth*, available at: <http://www.measuringworth.com/aboutus.php> (accessed 21 April 2013) (in English).

10. *The World bank. Country and region specific forecasts and data*, available at: <http://www.worldbank.org/en/publication/global-economic-prospects/data> (accessed 16 February 2014) (in English).

11. *The World bank. GDP growth (annual%)*, available at: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG/countries/1W?display=graph> (accessed 5 March 2014) (in English).

UDC 330.11

COSMIC CYCLES OF GLOBAL CONJUNCTURE

Belkin Vladimir Alekseevich,

Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Chelyabinsk branch of the Institute of Economics, Leading Research Scientist, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Professor of the Chair of Economics, Finance and Accounting, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chelyabinsk, Russia.

E-mail: belkin5986@mail.ru

Annotation

The author has revealed strong links between Juglar and Kitchin cycles of world product (1961 - 2013) and U.S. GDP (1798–2013), on the one hand, and the cycles of solar activity – on the other. On this basis, he developed a forecast deterioration in the global conjuncture in 2014–2015 years. The author reveals the close relationship heliobiology and helioeconomy.

Key concepts:

solar activity cycles,
cycles of global conjuncture,
cycles of GDP,
long waves in the economy,
forecasting economic crises.

УДК 658.5

УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ НА ОСНОВЕ СБАЛАНСИРОВАННОЙ СИСТЕМЫ ПОКАЗАТЕЛЕЙ И ПРИНЦИПОВ БЮДЖЕТИРОВАНИЯ

Шпак Наталья Анатольевна,

Уральский государственный
лесотехнический университет,
проректор по инновационному развитию
и международному сотрудничеству,
кандидат экономических наук,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: shpak@usfeu.ru

Артемова Ольга Васильевна,

Уральский социально-экономический
институт (филиал) Академии труда
и социальных отношений, директор,
доктор экономических наук, профессор,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: rect@ursei.ac.ru

Аннотация

В статье раскрыта актуальность управления устойчивым развитием промышленных предприятий, обоснован подход к управлению развитием на основе формирования системы стратегических целей и тактических задач в рамках социальной, экологической и экономической подсистем предприятия во взаимосвязи с использованием инструментов бюджетного управления устойчивым развитием промышленного предприятия.

Ключевые понятия:

устойчивое развитие,
промышленное предприятие,
стратегические цели,
сбалансированная система показателей,
бюджетное управление.

Актуальность управления устойчивым развитием промышленного предприятия бесспорна, поскольку:

1) существует дисбаланс в приоритетах развития социальной, экологической и экономической подсистем промышленного предприятия, приводящий к противоречиям при формировании стратегических целей и постановке тактических задач его деятельности;

2) представляется полезной адаптация и использование сбалансированной системы показателей в рамках стратегического управления социальной, экологической и экономической подсистемами предприятия;

3) необходим комплексный подход к бюджетному управлению устойчивым функционированием и развитием промышленного предприятия построения системы бюджетов в разрезе социальной, экологической и экономической подсистем.

Методология управления устойчивым развитием хозяйствующих субъектов совершенствуется в науке и практике уже сорок лет. Термин «устойчивое развитие» предполагает единство трех составляющих: социальной, экономической и экологической [3, с. 48]. Хозяйствующий субъект рассматривается как система трех основных взаимосвязанных и взаимозависимых элементов (социальная, экономическая, экологическая подсистемы), характеризующаяся определенным потенциалом, необходимым для осуществления функций и получения результатов. Ресурсный подход предполагает, что «возможность достижения заявленных целей развития для систем разного уровня определяется ресурсными возможностями, что обобщенно может быть охарактеризовано как потенциал» [4, с. 45]. Ресурсная теория выделяет следующие категории: ресурсы, активы, стратегические активы, конкурентные преимущества [2], то есть потенциал предприятия есть интегральная характеристика предприятия, определяющая его системные, в том числе ресурсные возможности и способность решать конкретные проблемы и задачи общества, государства и страны в целом.

Е. Ерегин отмечает, что понятие «потенциал предприятия» – это совокупность специализированных элементов, обладающих возможностью и способностью объединяться для решения конкретных задач [1, с. 21]. Определение соответствует управленческой концепции, предполагающей разделение системы управления на подсистемы планирования, реализации, контроля.

Узость ресурсной теории, по нашему мнению, заключается в игнорировании временного фактора, как одного из ресурсов предприятия, и в отсутствии взаимосвязи, определяющей цикличность экономических процессов: «ресурсы – затраты – результаты – ресурсы», когда результаты в процессе их распределения выступают ресурсами для следующего хозяйственного цикла предприятия.

Авторский подход к управлению устойчивым развитием промышленного предприятия основывается на расширении понятия «потенциал», за счет включения результативной и временной составляющих, как ориентиров оценки эффективности функционирования, экстенсивного либо интенсивного развития, подразумевает возможность и необходимость управления тремя подсистемами (социальной, экологической и экономической) и учитывает:

1) взаимосвязи и непротиворечивость стратегических целей и тактических задач по каждой подсистеме и между подсистемами, что должно быть заложено при формировании многоуровневой сбалансированной системы показателей в процессе стратегического управления предприятием;

2) выделение составляющих потенциалов каждой из подсистем, что предопределяет формирование трехэлементной

системы бюджетов в процессе оперативного управления промышленным предприятием;

3) определение критериев оценки эффективности каждой подсистемы (включая временные параметры), что достигается за счет комплексного использования бюджетного управления промышленным предприятием и сбалансированной системы показателей.

Графически подход к управлению устойчивым развитием промышленного предприятия представлен на рис. 1.

В качестве приоритетных направлений исследования устойчивого развития промышленного предприятия, с учетом данного подхода, выделим:

1) идентификацию стратегических целей в рамках трех подсистем и выявление дисбаланса стратегических целей с тактическими задачами, а также между социальной, экологической и экономической подсистемами промышленного предприятия;

2) исследование возможностей и перспектив развития бюджетного управления устойчивым развитием промышленного предприятия;

3) разработку методологии комплексного управления устойчивым развитием промышленного предприятия на основе сбалансированной системы показателей и системы бюджетов.

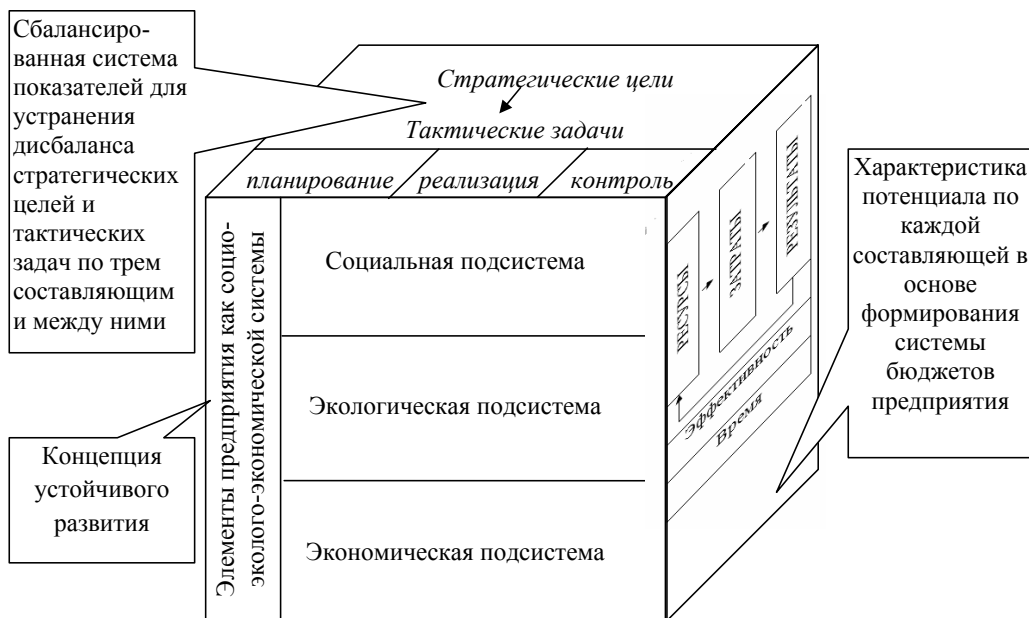

Рис. 1. Схема управления устойчивым развитием промышленного предприятия

Таким образом, в качестве одного из теоретических положений управления устойчивым развитием промышленного предприятия выступает расширенная трактовка понятия «потенциал промышленного предприятия» – финансовые источники, производственные и информационные ресурсы, имеющиеся в наличии и предполагаемые к получению через определенный период времени, которые могут быть использованы для достижения социальных, экологических и экономических целей предприятия.

Методологический подход к управлению устойчивым развитием реализуется на основе разработки сбалансированной системы показателей и принципах бюджетирования.

Практическая значимость исследования заключается в возможности обеспечения согласованности стратегических целей и тактических задач в рамках управления социальной, экологической и экономической подсистемами промышленного предприятия за счет сопоставления ключевых показателей сбалансированной системы с результатами план-фактного анализа исполнения бюджетов в разрезе трех подсистем, что приведет к обеспечению устойчивости как функционирования, так и развития предприятия и повышению эффективности управления им.

1. Ерегин, Е. Производственно-технологический потенциал наукоемкого предприятия [Текст] / Е. Ерегин // Предпринимательство. 2007. № 1. С. 21–25.

2. Потенциал промышленного предприятия: монография [Текст] / П.П. Лутовинов, М.С. Попов, О.В. Зубкова, П.Г. Рябчук. Челябинск: Изд-во ИП Мякотин И.В., 2010. 162 с.

3. Силифонкина, С.В. Сбалансированная система показателей для диагностики устойчивого развития экономики региона [Текст] / С.В. Силифонкина // Экономический анализ: теория и практика. 2011. № 40 (247). С. 48–56.

4. Филобокова, Л.Ю. Инструментарно-методический аппарат управления конкурентоспособностью и конкурентоустойчивостью социо-эколого-экономических систем мезоуровня [Текст] / Л.Ю. Филобокова // Финансовый менеджмент. 2010. № 4. С. 45–60.

References

1. Eregin E. *Predprinimatel'stvo*, 2007, no. 1, pp. 21–25 (in Russian).

2. Lutovinov P.P., Popov M.S., Zubkova O.V., Rjabchuk P.G. *Potencial promyshlennogo predpriyatija* [Facilities of a manufacturing enterprise]. Cheljabinsk, Izd-vo IP Mjakotin I.V., 2010, 162 p. (in Russian).

3. Silifonkina S.V. *Jekonomicheskij analiz: teorija i praktika*, 2011, no. 40 (247), pp. 48–56 (in Russian).

4. Filobokova L.Ju. *Finansovyj menedzhment*, 2010, no. 4, pp. 45–60 (in Russian).

UDC 658.5

MANAGEMENT OF AN INDUSTRIAL ENTERPRISE SUSTAINABLE DEVELOPMENT ON THE BASIS OF THE BALANCED SCORECARD AND THE PRINCIPLES OF BUDGETING

Shpak Natalya Anatolyevna,

The Ural state timber university,
Vice - rector for innovative development and international cooperation,
Candidate of Economic Sciences,
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: shpak@usfeu.ru

Artyomova Olga Vasilyevna,

The Ural Social and Economic Institute (branch) of Academy of Labor and Social Relations,
Director, Doctor of Economic Sciences,
Professor,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: rect@ursei.ac.ru

Annotation

The article reveals relevance of managing a sustainable development of industrial enterprises, justifies the approach to managing the development on the basis of forming the system of strategic objectives and tactical tasks within social, ecological and economic subsystems of the enterprise in interrelation with the use of instruments of the budgetary management by a sustainable development of the industrial enterprise.

Key concepts:

sustainable development,
industrial enterprise,
strategic objectives,
balanced scorecard,
budgetary management.

УДК 130.2

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ В ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ДИНАМИКЕ

Михайлов Иван Сергеевич,

Тюменский государственный университет,
институт филологии и журналистики,
аспирант кафедры философии,
г. Тюмень, Россия.
E-mail: lucidus.equitis@gmail.com

Аннотация

В статье делается попытка дать классификацию различным цивилизационным теориям и показать влияние рациональности на цивилизацию.

Ключевые понятия:

рациональность,
цивилизация,
культура,
нормативный подход,
цивилизационный тип,
тип рациональности,
полирациональность.

1.

При всём многообразии подходов к понятию «цивилизация» существуют всего два магистральных концепта, которые можно охарактеризовать как базовые направления для рассмотрения феномена цивилизации. Их можно обозначить как *унитарно-стадиальный* и *плюрально-циклический* подходы.

Первый подход состоит в том, что законы развития общества едины, а само это развитие линейно. Многие выдающиеся мыслители придерживались подобных взглядов, однако наиболее ярко подобная идея описана у Карла Маркса. В его формационном подходе чётко прослеживается представление об универсальной модели исторического развития, в которой любой социум проходит строго определённые стадии, в строго заданной последовательности, и конечный этап развития любого социума также строго определён. У Маркса это коммунизм, к которому в конечном итоге должно прийти все человечество. Интересен тот факт, что унитарно-стадиальный подход к концепту «цивилизация» характерен именно для западноевропейской мысли. Во многом это связано с историческими особенностями развития европейских государств. Идея несения цивилизации «отсталым» варварским народам рождается ещё в эпоху империи Древнего Рима. А наибольшего пика достигает в Новое время, когда появление западноевропейской науки порождает идею прогресса. Вся эпоха модерна построена на оптимистическом пафосе прогрессистской идеологии, воспевающей достижения цивилизованной Европы, имеющей общечеловеческое значение. На что, нужно отметить, имелись реальные основания в виде технического и военного господства европейских держав, их активного вмешательства в политическую жизнь своих менее развитых колоний. Означенные исторические причины приводят к формированию в сознании европейцев монистической модели развития человеческих сообществ, от простых к сложным. В данном направлении мыслили многие европейские философы, такие как Адам Фергюсон, Георг Гегель, Льюис Морган, Карл Маркс, Фридрих Энгельс. Современный американский мыслитель J. Hobson в своей книге *The Eurocentric Conception of World Politics: Western International Theory*, показывает, что введённая в XIX веке типология исторических сообществ «дикость — варварство — цивилизация» [см. напр. А. Фергюсон, Г. Морган] по-прежнему

му остаётся базовой парадигмой западноевропейского и американского сообществ. Согласно его рассуждениям первая стадия – это дикость или первобытность, она характеризуется полным отсутствием даже такого базового социального института, как государство. Вторая стадия – это варварство, когда государство становится чрезвычайно сильным и подавляет человеческую индивидуальность. Техническая сторона варварской стадии может быть развита достаточно сильно, особенно в военной промышленности, как правило, это связывают с заимствованиями у более развитых социумов. Именно поэтому варвары представляются для цивилизации источником угрозы, поскольку могут обратить имеющиеся у них военные технологии на разрушение или завоевание цивилизованного сообщества. И третья высшая стадия развития социума – это цивилизация – общество, неизмеримо развитое не только в техническом, но и в политическом (европейская демократия) и моральном (права человека) аспектах. Таким образом, европейская цивилизация видит себя как универсальный эталон развития для всех остальных человеческих сообществ, которые, пройдя обозначенные три стадии развития, с необходимостью достигнут в своём становлении именно европейской модели цивилизации. Из чего можно заключить, что, на сегодняшний день, унитарно-стадиальный подход к цивилизации остаётся актуальным и востребованным в первую очередь в западноевропейском мире.

Второй плюрално-циклический подход возникает гораздо позднее и теснейшим образом связан с термином «культура». Первоначально термины «культура» и «цивилизация» были тесно связаны и выступали практически синонимами. Существовала даже параллельная схеме «дикость–варварство–цивилизация» схема классификации народов на бескультурные – полукультурные – культурные [8, с. 115], однако впоследствии термины «цивилизация» и «культура» были разведены, что позволило утверждать, что в отличие от цивилизации культурой обладает любой народ [8, с. 115]. В основе плюрално-циклического подхода лежит принцип культурно-цивилизационного плюрализма [12, с. 281]. Это означает, что у западноевропейского типа общества отнимается право называть себя венцом исторического процесса и эталоном социокультурного развития, одновременно с этим постулируется множественность культурно-исто-

рических (цивилизационных) типов. Эти культурно-исторические типы обладают своими собственными специфическими чертами развития. Более того, идеалы социального устройства, к которым стремятся те или иные цивилизации, могут радикально отличаться друг от друга. У истоков плюрално-циклического подхода стоят Жозеф Артю де Гобино и Генрих Рюккерт, в своих трудах они впервые употребили термин «цивилизация» во множественном числе, применив его в описании различных исторических сообществ. Но всё же наиболее полную и исчерпывающую концепцию плюрално-циклического подхода сформулировал русский мыслитель Н. Я. Данилевский, в своих работах он описывал историю как процесс возникновения, уникального развития, процветания, угасания и смерти различных культурно-исторических типов, их взаимодействия между собой на единой территориальной площадке. В XX веке плюрално-циклический подход к цивилизации продолжали развивать О. Шпенглер и А. Тойнби. Шпенглер подверг критике не только постулат об универсальности европейской цивилизации, будучи приверженцем философии жизни, он критиковал унитарно-стадиальный подход за сциентизм, утверждая невозможность познания и описания культуры через универсальные схемы. Он предлагал рассматривать культуру как некий надындивидуальный живой организм, подчинённый лишь собственным частным законам развития.

Тот огромный спектр теорий цивилизации, имеющийся на сегодняшний день, нельзя с беспелляционной определённостью разделить на эти два подхода. Существуют и смежные теории, и каждая из них описывает сложный феномен цивилизации лишь отчасти, исходя из своих установок. Поэтому описанные два подхода – унитарно-стадиальный и плюрално-циклический – можно представить себе в качестве крайних точек на единой шкале, тогда как реальные теории располагаются в пространстве между этими двумя точками, и чем ближе теория к одной из них, тем более отчетливо эту теорию можно классифицировать как относящуюся к тому или иному подходу.

Как уже было сказано выше, каждая теория цивилизации выбирает свой угол рассмотрения и, соответственно, высвечивает различные аспекты описываемого феномена, как наиболее важные и значимые. Подобное обстоятельство нельзя назвать искажением реальных фактов, просто каж-

дая из конкретных теорий выступает своего рода лупой, сквозь которую наиболее отчетливо проступают те или иные стороны сложного цивилизационного процесса. Так, в теории К. Маркса такими аспектами оказалось взаимодействие надстройки и базиса, а вот А. Тойнби видел главным основанием цивилизации религию. Искажения появляются лишь тогда, когда вся культурно-цивилизационная сложность будет сводиться к одному раскрываемому теорией аспекту.

2.

Переходя к рассмотрению категории «рациональность», нужно развести это понятие с понятием «разум». Разум – это особый тип интеллектуальной деятельности частного субъекта, выражающий содержательную, смысловую сторону мышления. В своё время ещё Кант отмечал динамизм разума, его постоянную интенциональность [2, с. 280]. Рациональность же – это форма частного живого разума. Рациональность – это нормативный стандарт мышления, с которым соотносятся индивидуальные разумы в процессе социализации. Формируется она в непрерывном экзистенциальном диалоге частных разумов между собой. Рациональность включает в себя: систему ценностей и правил, которой придерживаются частные разумы в определённой сфере мышления (религии, политике, науке, философии и т.д.), свой особый свод методов доказательств, применяемых в этой сфере и имеющих свою иерархию, собственные модели поведения и прочее. Она вырастает из глубин культуры своей исторической эпохи и меняется вместе с изменением культуры. В дальнейшем понятия «рациональность» и «тип рациональности» будут употребляться как синонимы.

Концепт «рациональность» обладает достаточно длительной историей, восходящей ещё к античным авторам. Позднее рациональностью как философской категорией занимались такие выдающиеся философы, как И. Кант, Г. Гегель, М. Вебер. Однако именно с XIX века проблема рациональности начинает обретать чёткие философские дефиниции. В двадцатом веке, в связи с работами французских философов постмодернистов, проблема рациональности вновь приобрела остроту. А в отечественной науке проблемой рациональности занимались такие ученые, как Автономова

Н. С., Гайденок П. П., Давыдов Ю. Н. На сегодняшний день рациональность как философский концепт представляет актуальную проблему, в сфере которой работают многие исследователи и мыслители. Можно выделить несколько направлений, в которых идут исследования. Так, открытым остается вопрос, является ли смена рациональности от эпохи к эпохе естественным процессом или революционным [1, с. 31]. Может ли рациональность быть навязана цивилизации сверху. Насколько замкнута культура в границах собственной рациональности, и есть ли возможность одной культуре, обладающей своей уникальной рациональностью, познать иную культуру с другой рациональностью? Все эти вопросы показывают высокую значимость осмысления феномена рациональности, поскольку этот феномен непосредственно связан с возможностью межкультурного диалога. Что в условиях глобализации современного мира только повышает актуальность проблемы.

Имеется несколько возможных оснований для классификации различных типов рациональности. В первую очередь это хронологическое или историческое основание. Человеческое мышление не одинаково в разные исторические эпохи, и соответственно его носители, в зависимости от исторической эпохи, формируют и закрепляют как нормативные, различные формы индивидуального сознания. Так, античность обладает своей рациональностью, принципиально отличной от рациональности Средних веков. Эпоха модерна критикует Средневековье и формирует свою рациональность, так же обстоят дела и с постмодерном. Далее можно дробить эту классификацию, прослеживая изменение рациональности на более частных структурах временной шкалы, так, например, можно сравнивать рациональности XIX и XX веков и т.д. Следует, однако, заметить, что перечисленные выше рациональности находятся друг с другом в постоянном диалоге. В некотором смысле более поздняя рациональность может быть рассмотрена как продукт или порождение более ранней. Так или иначе они пересекаются друг с другом и влияют друг на друга. Это отличает хронологическое основание от топологического. Топологическое основание опирается на региональное положение того социума, рациональность которого заявлена как предмет исследования. Как правило, такая рациональность более замкнута, устойчива и сопротивляется влиянию чужой

рациональности. Можно отследить тенденцию, которая тесно связывает топологическую рациональность с конкретным народом. Естественно, что и данное основание для классификации позволяет спускаться на более низкие уровни классификации и говорить о рациональности малых этносов, составляющих единый народ.

Ещё одним важным основанием для классификации рациональностей является функциональное деление внутри общества. Частные субъекты формируют социальные институты, объединяясь исходя из той социальной функции, которую они выполняют в социуме. Эти институты формируют в своих границах определённую социальную среду, в рамках которой вырабатываются специфические формы и правила мышления, поведения и даже мотивации, иными словами генерируется собственная рациональность. Поэтому мы можем говорить о разных рациональностях, существующих в рамках единой социальной системы. Так, например, различные политические партии могут выступать носителями совершенно различных рациональностей. Более того, академик В. С. Стёпин, выделяющий в рамках одного только научного института три типа рациональности, отмечает что «все три типа научной рациональности взаимодействуют, и появление каждого нового из них не отменяет предшествующего, а лишь ограничивает его, очерчивает сферу его действия» [9, с 15]. Здесь возникает проблема границ рациональности, требующая отдельного исследования.

3.

Теперь, исходя из обозначенной темы, необходимо определить, такую концепцию цивилизации, которая сможет продемонстрировать взаимодействие цивилизации и рациональности в их сложной внутренней взаимосвязи. В качестве такой концепции нами будет рассматриваться концепция цивилизации, разрабатываемая А. В. Павловым [3; 4; 5; 6]. Она представляет наиболее релевантной для поставленной задачи продемонстрировать соотношение рациональности с цивилизацией, поскольку избирает центральным предметом своего рассмотрения опредмеченную рациональность или *цивилизационную норму*, имеющую характер доминирующей тенденции для отдельно взятой цивилизации. Такой подход можно назвать *нормативным*, так как в его рамках ци-

вилизация показана как сложная социокультурная система, несущей конструкцией которой являются различного рода устойчивые нормы: такие как моральные, бытовые, правовые и т. п.

В рамках такого подхода цивилизацию можно определить как «нормативный базис культуры, рассмотренный в единстве с соответствующими ему ценностями» [3, с. 19]. Иными словами, культура, в таком случае, будет выступать гиперонимом, по отношению к цивилизации, казалось бы, включать её в себя. В наиболее расширенном понимании культура – это вообще любая деятельность человека, направленная на цели, не связанные с его естественными инстинктами. Такое расширенное определение культуры позволяет избежать шпенглеровского противопоставления культуры и цивилизации, и при этом выявить их общие основания. Но в более узком смысле нормативный подход всё же разделяет эти два, безусловно, тесно связанных явления. Более корректно будет сказать, что цивилизация порождается культурой, но в момент опредмечивания ценностей и законов культуры перестаёт от неё зависеть, а может и вовсе начать подавлять. В понимании цивилизационной нормы входят любые объективированные аспекты социальной и даже бытовой действительности. В частности, технические нормы, нормы гигиены, нормы безопасности на производстве, нормы пищевого контроля и прочее. Эти нормы принимают на себя роль несущего каркаса культуры. Этот каркас более устойчив, чем культура, и менее зависит от частных субъектов. Культура может деградировать, творческий потенциал истощаться, может происходить восприятие новых форм культуры, однако устойчивый каркас базовых норм формирует стабильную социокультурную парадигму.

Теперь наша задача состоит в том, чтобы определить соотношение понятий «*нормы*» и «*рациональность*».

Самое простое соотношение, которое напрашивается в данном сравнении, это соотношение по вертикали материально-духовного. И в самом деле, что такое цивилизационная норма, если не опредмеченная в структурах общественной жизни рациональность? А рациональность в свою очередь не что иное как норма, но вне своего объективно-материального воплощения. Такое понимание вполне допустимо, однако недостаточно, поскольку требует введения некоего общего термина, который бы объединял оба понятия в единый феномен,

а подобное усложнение явно противоречит «Бритве Оккама». Но возможно соотношение и по горизонтали – социум и индивид. В таком соотношении наиболее наглядно раскрывается определение рациональности как формы частного разума, поскольку здесь она выступает именно формой *индивидуального* сознания, тогда как норма может характеризоваться как сознание *социальное*. Или, если перефразировать, норма – это рациональность, проявленная внешне и превращённая в тип социального поведения и декларируемую мотивацию. В этой диалектичности и проявляется влияние рациональности на цивилизацию. Рациональность – это каркас цивилизации, закрепленный в индивидуальном человеческом сознании. Его изменение или разрушение и определяет цивилизационную динамику.

Любая рациональность опредмечивается в структурах социальной реальности и становится цивилизационной нормой. Это происходит на более высоком структурном уровне социума. Индивиды, которые во всей полноте усвоили транслируемые им нормы как легитимные, допускаются к вступлению в различные социальные институты, и начинают влиять на жизнь цивилизации, воспроизводя и корректируя её нормативный каркас. А те индивиды, что не усвоили базовых норм и не восприняли их в полной мере или не согласились с ними, подавляются социумом. Однако такие маргинальные субъекты тоже способны объединяться и формировать структуры оппозиционные по отношению к основному нормативному базису цивилизации. Самое важное здесь отметить, что в создании, поддержании и разрушении цивилизаций участвуют уже не частные субъекты, а коллективные – социальные институты, политические и общественные движения, а порой даже целые этносы.

Можно заключить, что цивилизация феноменологически представлена надиндивидуальными субъектами, сохраняющими и воспроизводящими нормы данной цивилизации. Формирование цивилизации определяется формированием этих коллективных субъектов. Каждый коллективный субъект в процессе своего формирования выстраивает свою собственную *рациональность*. Цивилизация состоит из многих коллективных субъектов. Отсюда в рамках единой цивилизации сосуществуют различные типы рациональностей, которые каждый по-своему влияют на становление единой цивилизационной системы.

4.

Наличие различных рациональностей в рамках единой социокультурной системы позволяет говорить о феномене «*полирациональности*» любой цивилизации. В нормальном состоянии цивилизация обладает основной, универсальной рациональностью, которая понимается как предельно общая и *стержневая* [11, с. 121]. Однако эту стержневую рациональность окружают также и иные типы рациональности различных социальных институтов, составляющих единую цивилизацию, а в подполье вполне могут существовать и маргинальные типы рациональности, вступающие в конфликт со стержневой. В ситуации, когда цивилизация разрушается и общество переходит в *межцивилизационную эпоху* [3, с. 22], все возможные типы рациональности, существовавшие в погибшей цивилизации в свёрнутом потенциальном состоянии, начинают борьбу за право стать новой стержневой рациональностью, для той цивилизации, которая возможно будет сформирована на обломках предыдущей. Все эти рациональности, в том числе и та, которая была стержневой в прошлой цивилизации, становятся равноправными игроками на общей площадке. Таким образом, формирование новой цивилизации проходит в непрерывном *экзистенциальном полилоге* различных типов рациональности. Итак, любая цивилизация «полирациональна», однако в зависимости от своего состояния рациональности в ней подчиняются различным механизмам взаимодействия. Рассмотрение механизмов взаимодействия рациональностей в межцивилизационную эпоху может выявить способы наиболее конструктивного диалога между ними, а также прогнозировать возможные конфликты, что, безусловно, делает это направление высоко актуальным для современной России.

1. Автономова, Н.С. Рассудок – Разум – Рациональность [Текст] / Н.С. Автономова. М. : Наука, 1988. 287 с.

2. Кант, И. Критика чистого разума [Текст] / И. Кант. М. : Эксмо, 2007. 736 с.

3. Павлов, А.В. Цивилизация и межцивилизационная эпоха [Текст] / А.В. Павлов // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. Выпуск 3 (11), ПГНИУ. 2012. С. 17–26.

4. Павлов, А.В. Логика и методология науки. Современное гуманитарное познание и его перспективы [Текст] А.В. Павлов. Учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2010. 344 с.

5. Павлов, А.В. Российский сюжет [Текст] / А.В. Павлов // Социум и власть. 2004. № 4. С. 87–96; 2005. № 1. С. 86–91.

6. Павлов, А.В. Элементы философии культуры [Текст] / А.В. Павлов. Тюмень.: ТОГИРРО, 1997. 165 с.
7. Рациональность на перепутье. Институт философии РАН, книга 1. М. : РОССПЭН, 1999. 367 с.
8. Семёнов, Ю.И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней) [Текст] / Ю.И. Семенов. М. : Современные тетради, 2003. 776 с.
9. Стёпин, В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность [Текст] / В.С. Стёпин // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 5–17.
10. Фергюсон, Адам. Опыт истории гражданского общества [Текст] / Адам Фергюсон / пер. с англ. И.И. Мюрберг; под ред. М.А. Абрамова. М. : РОССПЭН, 2000. 391 с.
11. Шуклин, А.В. Глобализационные перспективы российской цивилизации [Текст] / А.В. Шуклин // Вестник Пермского университета. Серия «Философия. Психология. Социология». Выпуск 3 (11). 2012. С. 121.
12. Яркова, Е.Н. История и философия науки [Текст] / Е.Н. Яркова. Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2012. 364 с.
13. Hobson, J. *The Eurocentric Conception of World Politics: Western International Theory, 1760–2010* [Текст] / J. Hobson. Cambridge University Press, 2012. 393 с.

References

1. Avtonomova N.S. *Rassudok – Razum – Racional'nost'* [Mind – Reasoning – Rationality]. Moscow, Nauka, 1988, 287 p. (in Russian).
2. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of pure reason]. Moscow, Jeksmo, 2007, 736 p. (in Russian).
3. Pavlov A.V. *Vestnik Permskogo Universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologija, Edition 3* (11), PGNIU, 2012, pp. 17–26 (in Russian).
4. Pavlov A.V. *Logika i metodologija nauki. Sovremennoe gumanitarnoe poznanie i ego perspektivy* [Logics and methodology of science. Modern humanitarian cognition and its prospects]. Moscow, Flinta, Nauka, 2010, 344 p. (in Russian).
5. Pavlov A.V. *Socium i vlast'*, 2004, no. 4, pp. 87–96; 2005, no. 1, pp. 86–91 (in Russian).
6. Pavlov A.V. *Jelementy filosofii kul'tury* [Elements of cultural philosophy]. Tjumen', TOGIRRO, 1997, 165 p. (in Russian).
7. *Racional'nost' na pereput'e* [Rationality at the crossroads]. Institut filosofii RAN, kniga 1. Moscow, ROSSPEN, 1999, 367 p. (in Russian).
8. Semjonov Ju.I. *Filosofija istorii. (Obshhaja teorija, osnovnye problemy, idei i koncepcii ot drevnosti do nashih dnei)* [Philosophy of history. (General theory, main problems, ideas and conceptions from ancient to modern times)]. Moscow, Sovremennye tetradi, 2003, 776 p. (in Russian).
9. Stjopin V.S. *Voprosy filosofii*, 2003, no. 8, pp. 5–17 (in Russian).
10. Fergjuson Adam. *Opyt istorii grazhdanskogo obshhestva* [Experience of the history of civil society]. Moscow, ROSSPJeN, 2000, 391 p. (in Russian).
11. Shuklin A.V. *Vestnik Permskogo universiteta. Serija «Filosofija. Psihologija. Sociologija», Edition 3* (11), 2012, p. 121 (in Russian).
12. Jarkova E.N. *Istorija i filosofija nauki* [History and philosophy of science]. Tjumen', Izdatel'stvo Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2012, 364 p. (in Russian).
13. Hobson J. *The Eurocentric Conception of World Politics: Western International Theory, 1760–2010*. Cambridge University Press, 2012, 393 p. (in English).

UDC 130.2

RATIONALITY IN CIVILIZATION DYNAMICS

Mikhailov Ivan Sergeevich,

Tyumen State University, Institute of Philology and Journalism, Post-graduate Student of the Chair of Philosophy,
Tyumen, Russia.

E-mail: lucidus.equitis@gmail.com

Annotation

In the article the author made an attempt to classify various civilization theories, correlated the concepts of rationality and civilization, and showed the impact of rationality on civilization.

Key concepts:

Rationality,
Civilization,
Culture,
Normative approach,
Civilization type,
Type of rationality,
Polyrationality.

УДК 94 (470)

ПРОГРАММНО- ЦЕЛЕВОЙ МЕТОД КАК ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ОСНОВА ИНТЕГРАЦИИ ИНВАЛИДОВ В ОБЩЕСТВО В 1992 – ПЕРВОЙ ПОЛ. 2000-х ГОДОВ (на примере федеральных и региональных программ)

Смирнов Геннадий Сергеевич,

Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
доцент кафедры государственного
управления, правового обеспечения
государственной и муниципальной
службы,
кандидат исторических наук,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: aandg@inbox.ru

Аннотация

В статье на примере конкретных нормативно-правовых документов показаны особенности и результаты реализации российских федеральных и региональных программ интеграции инвалидов в общество. Подчеркнуто, что внедрение западной интеграционной модели осуществлялось без учета российской социально-экономической действительности.

Ключевые понятия:

программно-целевой метод,
программа,
инвалиды,
интеграция в общество,
доступная среда,
реабилитация,
Россия,
Урал.

Программно-целевой метод в организации социальной защиты и поддержки социально уязвимых групп населения в постсоветской России стал использоваться уже с первых лет радикального реформирования. В условиях дефицита финансовых и материальных ресурсов, отсутствия единого социального законодательства, передачи значительной доли функций по социальной защите региональным и местным органам власти данный метод объективно являлся наиболее эффективным, поскольку позволял осуществлять согласованную социальную политику и концентрировать средства для решения наиболее важных проблем.

Однако эффективное применение этого метода возможно лишь при выполнении ряда условий, прежде всего, умения разрабатывать качественные, хорошо согласующиеся между собой по вертикали и горизонтали целевые программы и неукоснительного выполнения всех их разделов. Между тем, в исследуемый период далеко не всегда имелись объективные и субъективные возможности для этого. Изучение качества принимавшихся программ, их реалистичности, механизмов и результатов реализации помогает углубить понимание конкретных проблем реализации социальной политики и потому является актуальной задачей современной исторической науки.

Деятельность в области социальной защиты инвалидов в первые годы реформирования опиралась на несколько указов Президента и постановлений Правительства, конкретизировавших положения указов, и носила в основном ситуационный, хаотичный и зачастую популистский характер. Однако уже в июле 1992 г. [7] было предписано наряду с мерами по изучению проблем инвалидности «разработать долгосрочную государственную комплексную программу научного обеспечения и информатизации проблем инвалидности и инвалидов на 1993–1997 годы», а в октябре был подписан новый указ «О мерах по формированию доступной для инвалидов среды жизнедеятельности» [6], который впервые, требовал «разработать в 1993 году федеральные целевые программы по обеспечению доступности для инвалидов зданий и сооружений, находящихся в федеральной собственности, обеспечению инвалидов средствами индивидуального транспорта и производству средств междугородного общественного пассажирского транспорта, приспособленного для пользования инвалидами», а во-вторых, органам исполнительной власти субъектов Федерации рекомендовалось разработать в 1993 г. с участием общественных объединений инвалидов региональные целевые программы аналогичного направления. Наконец, подписанным в тот же день указом «О дополнительных мерах государственной поддержки инвалидов» было предложено «утвердить в месячный срок перечень фе-

деральных целевых программ по решению проблем инвалидности и инвалидов, согласованный с Координационным комитетом по делам инвалидов при Президенте Российской Федерации, и представить их на утверждение Верховного Совета Российской Федерации», а региональным органам исполнительной власти предлагалось «разработать региональные целевые программы, направленные на решение проблем инвалидности и инвалидов» [1].

Во исполнение этих указов в марте 1993 г. вышло постановление Правительства РФ, в котором Министерству социальной защиты населения совместно с другими заинтересованными ведомствами было предложено разработать в 1993 г. проект федеральной целевой программы «Формирование доступной для инвалидов среды жизнедеятельности» [5]. Однако сложная экономическая и особенно внутривластная обстановка не позволила реализовать эту установку в срок. Разработка программы была завершена лишь в 1994 г., но реализована она тогда не была, а в регионах к составлению ее вариантов даже и не приступали.

В августе 1994 г. «в целях усиления контроля за выполнением...» было опубликовано новое постановление «Об обеспечении формирования доступной для инвалидов среды жизнедеятельности», в котором мысль о необходимости разработки целевых программ не повторялась, но предлагалось усилить административные наказания и штрафные санкции по отношению к строительным организациям, игнорировавшим новые требования по доступности зданий и сооружений для инвалидов [14]. Как видно из документов, вышеуказанные президентские указы выполнялись плохо.

Несмотря на это, в 1994 г. были разработаны и одобрены Правительством проект федеральной комплексной «Программы научно-обеспечения и информатизации проблем инвалидности и инвалидов на 1994–1997 годы» [11] и федеральная целевая программа «Разработка и производство технических средств реабилитации для обеспечения инвалидов» [16], а в начале 1995 г. была утверждена уже более масштабная федеральная комплексная программа «Социальная поддержка инвалидов», состоявшая из четырех федеральных целевых программ [12], в которую в несколько переработанном виде вошли и обе принятые ранее программы. Сроки реализации – 1995–1997 годы.

Программа в течение двух первых лет финансировалась в гораздо меньших объемах, чем планировалось. Потребовался специальный указ Президента, обязавший «предусмотреть при формировании проекта федерального бюджета на 1997 год выделение федеральным органам исполнительной власти средств...на реализацию

федеральной комплексной программы “Социальная поддержка инвалидов”» [3]. В соответствующем постановлении Правительства предписывалось в приоритетном порядке финансировать программные мероприятия по приспособлению федеральных объектов социальной и производственной инфраструктуры для беспрепятственного доступа к ним инвалидов «в соответствии с федеральными целевыми программами», заинтересованным министерствам и ведомствам «обеспечить эффективное выполнение мероприятий федеральной комплексной программы “Социальная поддержка инвалидов”», а «органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации: разработать и ввести в действие до 1 июля 1997 г. региональные целевые программы по обеспечению беспрепятственного доступа инвалидов к информации и объектам социальной инфраструктуры» [2]. Одновременно вступали в силу с 1 января 1998 г. статья 14, а с 1 января 1999 г. статьи 14 и 15 федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», обеспечивающие беспрепятственный доступ инвалидов к информации и объектам социальной инфраструктуры. Таким образом, подчеркивалась приоритетность лишь одной из четырех целевых программ.

По причине глубокого финансово-экономического кризиса реализация комплексной программы «Социальная поддержка инвалидов» также не была выполнена в срок и продлена сначала до 1998 г., а затем и до 1999 г.

Одновременно Минсоцразвития РФ поручалось приступить к разработке уже принципиально нового проекта программы на 2000–2005 годы [8], которая была утверждена Правительством в январе 2000 г. [13]. В отличие от предыдущей программы она не была поделена на целевые программы и лишь в определенной мере являлась ее продолжением. Из запланированных 1524,2 млн руб. свыше миллиарда направлялось на развитие реабилитационных технологий и реабилитационной индустрии, 148 млн выделялось на поддержку служб МСЭ, 282 млн отдавалось на поддержку общественных объединений инвалидов. Как видим, дальнейшее развитие доступной для инвалидов социальной среды этой программой уже не предусматривалось.

На региональном уровне самостоятельные целевые программы стали разрабатываться лишь с 1998 г. До этого времени решение специфических проблем инвалидов осуществлялось посредством других программных документов, например, действовала подпрограмма «Дети-инвалиды», входившая в программу «Дети России».

В рамках выполнения президентских указов городские и районные управления социальной защиты населения, строительные и

другие организации в 1993–1994 годах проделали определенную работу по формированию доступной среды жизнедеятельности маломобильных групп населения. Однако градостроительные и проектные разработки, являясь локальными мероприятиями, не обеспечивали комплексного преобразования среды жизнедеятельности, имевшаяся нормативно-методическая документация далеко не всегда применялась в строительстве и реконструкции объектов. Особенно остро стояли вопросы городского транспортного обслуживания инвалидов-колясочников.

Поэтому разработка целевых региональных и муниципальных программ была наущно необходимой, но к 1999 г. только в 23 субъектах РФ были разработаны и реализовывались целевые программы, направленные на формирование доступной для инвалидов среды. В Уральском регионе такие программы имелись лишь в Челябинской и Свердловской областях. В Свердловской действовала межведомственная целевая программа «Формирование доступной для инвалидов среды жизнедеятельности в Свердловской области на 1997–2000 годы», в Челябинской области ряд мероприятий, направленных на интеграцию инвалидов в общество, осуществлялся в рамках областной целевой программы «Старшее поколение». Муниципальные целевые программы отсутствовали. Лишь в Екатеринбурге имелась комплексная программа «Инвалид», предусматривавшая соответствующие мероприятия по формированию доступной среды [4].

Непосредственная разработка региональных целевых программ в большинстве субъектов стала осуществляться только после того, как было издано поручение Правительства РФ от 28 января 1999 года (№ ВГ-П10-02854), в котором обращалось внимание на необходимость усиления контроля за учетом потребностей инвалидов при проектировании и строительстве жилых и общественных зданий. В соответствии с ним Минтруд России совместно с Госстроем подготовили совместное письмо, в котором констатировалось, что «общая ситуация с решением проблем доступности для инвалидов объектов социальной инфраструктуры в подавляющем большинстве городов Российской Федерации остается крайне неудовлетворительной» [4].

На Урале одним из первых, кто потребовал от глав муниципальных образований приступить к разработке и ввести в действие с января 2000 г. соответствующие муниципальные целевые программы, было руководство Челябинской обл. Программы должны были «разрабатываться для каждой административно-территориальной единицы и строиться с учетом реальных возможностей по принципу поэтапной, планомерной реализации требований обеспечения полноценной среды жизнедеятельности при новом строи-

тельстве и реконструкции». Одновременно была утверждена методика их разработки, включавшая три обязательных раздела: 1. Обеспечение свободного доступа инвалидов к объектам социальной инфраструктуры. 2. Организация транспортного обслуживания инвалидов. 3. Оснащение среды жизнедеятельности инвалидов средствами связи и информатики, обеспечение доступа инвалидов к информации [9].

Если в целом на призывы включиться в федеральную программу 1994–1997 годов регионы отреагировали вяло, то в рамках новой федеральной целевой программы «Социальная поддержка инвалидов на 2000–2005 годы» действовали довольно активно.

Однако новая федеральная программа имела иную направленность, нежели предыдущая. Отдельная постановка вопроса формирования доступной среды в ней отсутствовала. Соответствующие цели имели и региональные программы. Так, в республиканской программе Башкортостана планировались только мероприятия по изучению проблем инвалидности в республике и укреплению материальной базы МСЭ, развитию реабилитационных технологий, связанных с деятельностью экспертных комиссий.

В программе Челябинской области основной акцент делался на реабилитации и укреплении материально-технической базы реабилитационных учреждений.

В Пермской области была принята целевая программа «Комплексная реабилитация инвалидов Пермской области на 2003–2005 годы» [15].

В Оренбургской области действовала узко локальная программа: «Защитник Отечества». Лишь в областной целевой программе «Реабилитация инвалидов в Оренбургской области на 2007–2010 годы» появился раздел о формировании оптимальной для инвалидов среды жизнедеятельности.

На характер программ, их цели и содержание огромное воздействие наряду с социально-экономическими оказали социально-политические и идеологические факторы. В то же время самым влиятельным фактором ограничения жизнедеятельности инвалидов оставался экономический. Вследствие общего падения уровня жизни населения и специфических причин, обусловленных наличием инвалидности (закрытие производственных предприятий инвалидов, резкое удорожание медикаментов, протезно-ортопедических изделий и инвентехники и т.д.), экономическое положение инвалидов стало угрожающим. Несмотря на это, с конца 1990-х годов началась весьма затратная перестройка службы медико-социальной экспертизы и всей системы реабилитации, которая становилась более похожей на западную, но при этом никак не решала главной проблемы инвалидов – крайне низкого уровня жизни.

Качество самой программы безотносительно к целям в значительной мере определяется ее реалистичностью, способностью разработчиков адекватно оценить имеющиеся в наличии ресурсы, наличие условий для получения конечных результатов, адекватных запланированным. В этом отношении и федеральные, и региональные программы 1990-х годов являлись далеко не идеальными. Так, пятилетняя (2001–2005) республиканская программа в Башкортостане была фактически провалена из-за крайне плохого финансирования. В первый и последний годы на ее реализацию средств не выделялось вообще, а в остальные финансовое обеспечение было значительно урезано. В итоге вместо запланированных 29,1 млн было выделено только 5,3 млн (18,2%) [10]. И это в годы относительного экономического благополучия. Естественно, что программа как некий комплексный план не была реализована. Можно говорить лишь о выполнении отдельных пунктов плана. В Курганской обл. в 2004–2005 годах предусматривалось истратить всего 3,7 млн руб., сумму, в рамках которой априорно невозможно было решить никакой серьезной проблемы инвалидности.

Из сказанного следует, что в первое десятилетие реформ целевые и комплексные программы, направленные на ликвидацию информационных, социальных и физических барьеров на пути интеграции инвалидов в общество не только не управляли ситуацией, а и сами были в значительной мере подвергнуты ситуационному воздействию. Из содержания указов и постановлений видно, что программы не рассматривались как основное средство достижения управленческих целей. Им отводилось, хотя и важная, но далеко не главная роль. Основными регуляторами деятельности по-прежнему оставались непосредственные указания министерствам и ведомствам, которые наряду с другими видами организационной работы должны были разрабатывать и осуществлять еще и программы.

Вместе с тем именно в этот период происходило формирование программно-целевого метода как одного из ведущих способов реализации социальной политики на федеральном, а в конце 1990-х – первой половине 2000-х годов и на региональном уровнях государственного управления.

1. О дополнительных мерах государственной поддержки инвалидов: Указ Президента РФ от 2 октября 1992 г. № 1157 // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации, 1992, № 14, ст. 1098.

2. О мерах по обеспечению беспрепятственного доступа инвалидов к информации и объектам социальной инфраструктуры: Постановление Правительства РФ от 7 декабря 1996 г. № 1449 // Российская газета. 1996. 19 декабря.

3. О мерах по обеспечению государственной поддержки инвалидов: Указ Президента РФ от 1 июля 1996 г. № 1011 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 28. Ст. 3359.

4. О мерах по формированию доступной для инвалидов среды жизнедеятельности: Письмо Госкомитета РФ по строительной, архитектурной и жилищной политике от 18 марта 1999 года № ВБ-874/3. URL: <http://www.pandia.ru/text/77/193/33488.php> (дата обращения: 30.01.2014).

5. О мерах по формированию доступной для инвалидов среды жизнедеятельности: постановление Совета Министров – Правительства РФ от 25 марта 1993 г. № 245 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 13. Ст. 1144.

6. О мерах по формированию доступной для инвалидов среды жизнедеятельности: Указ Президента РФ от 2 октября 1992 г. № 1156 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1992. № 14. Ст. 1097.

7. О научном и информационном обеспечении проблем инвалидности и инвалидов: указ Президента РФ от 27 июля 1992 г. № 802 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1992. № 5. Ст. 239.

8. О продлении сроков реализации федеральных целевых программ, входящих в федеральную комплексную программу «Социальная поддержка инвалидов»: Постановление Правительства РФ от 5 сентября 1998 г. № 1053 // Российская газета. 1998. 16 сентября.

9. О разработке муниципальных целевых программ по обеспечению беспрепятственного доступа инвалидов к информации и объектам социальной инфраструктуры на территории Челябинской области: Постановление Губернатора Челябинской области от 03.08.1999 № 363. URL: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:http://ural-region.net/bchel/positmd/watchpkbwu9.htm> (дата обращения: 30.01.2014).

10. О республиканской целевой программе «Социальная поддержка инвалидов в Республике Башкортостан на 2007–2010 годы»: Постановление Правительства Республики Башкортостан от 4 декабря 2006 г. № 340 (в ред. от 10.12.2009). URL: <http://docs.cntd.ru/document/935114298> (дата обращения: 30.01.2014).

11. О Федеральной комплексной программе научного обеспечения и информатизации проблем инвалидности и инвалидов на 1994–1997 годы: Постановление Правительства РФ от 9 января 1994 г. № 12 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1994. № 3. Ст. 272.

12. Социальная поддержка инвалидов: Федеральная комплексная программа (утверждена постановлением Правительства РФ от 16 января 1995 г. № 59) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 5. Ст. 416.

13. О федеральной целевой программе «Социальная поддержка инвалидов на 2000–2005 годы»: Постановление Правительства РФ от 14.01.2000 № 36. URL: <http://www.referent.ru/1/36436?15> (дата обращения: 30.01.2014).

14. Об обеспечении формирования доступной для инвалидов среды жизнедеятельности: Постановление Правительства РФ от 12 августа 1994 г. № 927. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9008597> (дата обращения: 30.01.2014).

15. Об областной целевой программе «Комплексная реабилитация инвалидов Пермской области на 2003–2005 годы»: Закон Пермской области от 20.03.2003 г. № 667–130 (Приложение). URL: <http://volganeews.info/oblast13/terraj/ip-kegbay3/> (дата обращения: 30.01.2014).

16. Разработка и производство технических средств реабилитации для обеспечения инвалидов: Федеральная целевая программа (утверждена постановлением Правительства РФ от 24 октября 1994 г. № 1189) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 27. Ст. 2900.

References

1. O dopolnitel'nyh merah gosudarstvennoj podderzhki invalidov: Ukaz Prezidenta RF ot 2 oktjabrja 1992 g. № 1157 // Sobranie aktov Prezidenta

i Pravitel'stva Rossijskoj Federacii, 1992, N 14, st. 1098 (in Russian).

2. O merah po obespecheniju besprejatstvennogo dostupa invalidov k informacii i ob#ektam social'noj infrastruktury: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 7 dekabnja 1996 g. № 1449 // Rossijskaja gazeta. 1996. 19 dekabnja (in Russian).

3. O merah po obespecheniju gosudarstvennoj podderzhki invalidov: Ukaz Prezidenta RF ot 1 ijulja 1996 g. № 1011 // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996. № 28. St. 3359 (in Russian).

4. O merah po formirovaniju dostupnoj dlja invalidov sredy zhiznedejatel'nosti: Pis'mo Gos. komiteta RF po stroitel'noj, arhitekturnoj i zhilishhnoj politike ot 18 marta 1999 goda № VB-874/3. URL: <http://www.pandia.ru/text/77/193/33488.php> (data obrashhenija: 30.01.2014) (in Russian).

5. O merah po formirovaniju dostupnoj dlja invalidov sredy zhiznedejatel'nosti: postanovlenie Soveta Ministrov – Pravitel'stva RF ot 25 marta 1993 g. № 245 // Sobranie aktov Prezidenta i Pravitel'stva RF. 1993. № 13. St. 1144 (in Russian).

6. O merah po formirovaniju dostupnoj dlja invalidov sredy zhiznedejatel'nosti: Ukaz Prezidenta RF ot 2 oktjabnja 1992 g. № 1156 // Sobranie aktov Prezidenta i Pravitel'stva RF. 1992. № 14. St. 1097 (in Russian).

7. O nauchnom i informacionnom obespechenii problem invalidnosti i invalidov: ukaz Prezidenta RF ot 27 ijulja 1992 g. № 802 // Sobranie aktov Prezidenta i Pravitel'stva RF. 1992. № 5. St. 239 (in Russian).

8. O prodlenii srokov realizacii federal'nyh celevykh programm, vhodjashchih v federal'nuju kompleksnuju programmju «Social'naja podderzhka invalidov»: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 5 sentjabnja 1998 g. № 1053 // Rossijskaja gazeta. 1998. 16 sentjabnja (in Russian).

9. O razrabotke municipal'nyh celevykh programm po obespecheniju besprejatstvennogo dostupa invalidov k informacii i ob#ektam social'noj infrastruktury na territorii Cheljabinskoj oblasti: Postanovlenie Gubernatora Cheljabinskoj oblasti ot 03.08.1999 № 363. URL: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:http://ural-region.net/bchel/positmd/watchpkbwu9.htm> (data obrashhenija: 30.01.2014) (in Russian).

10. O respublikanskoj celevoj programme «Social'naja podderzhka invalidov v Respublike Bashkortostan na 2007-2010 gody»: Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Bashkortostan ot 4 dekabnja 2006 g. № 340 (v red. ot 10.12.2009). URL: <http://docs.cntd.ru/document/935114298> (data obrashhenija: 30.01.2014) (in Russian).

11. O Federal'noj kompleksnoj programme nauchnogo obespechenija i informatizacii problem invalidnosti i invalidov na 1994–1997 gody: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 9 janvarja 1994 g. N 12 // Sobranie aktov Prezidenta i Pravitel'stva RF. 1994. № 3. St. 272 (in Russian).

12. Social'naja podderzhka invalidov: Federal'naja kompleksnaja programma (utverzhdena postanovleniem Pravitel'stva RF ot 16 janvarja 1995 g. № 59) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1995. № 5. St. 416 (in Russian).

13. O federal'noj celevoj programme «Social'naja podderzhka invalidov na 2000–2005 gody»: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 14.01.2000 № 36. URL: <http://www.referent.ru/1/36436?l5> (data obrashhenija: 30.01.2014).

14. Ob obespechenii formirovanija dostupnoj dlja invalidov sredy zhiznedejatel'nosti: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 12 avgusta 1994 g. № 927. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9008597> (data obrashhenija: 30.01.2014).

15. Ob oblastnoj celevoj programme «Kompleksnaja reabilitacija invalidov Permskoj oblasti na 2003–2005 gody»: Zakon Permskoj oblasti ot 20.03.2003 g. № 667–130 (Prilozhenie). URL: <http://volganews.info/oblast13/terrajr/ip-kegbay3/> (data obrashhenija: 30.01.2014).

16. Razrabotka i proizvodstvo tehničeskikh sredstv reabilitacii dlja obespechenija invalidov: Federal'naja celevaja programma (utverzhdena postanovleniem Pravitel'stva RF ot 24 oktjabnja 1994 g. № 1189) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1994. № 27. St. 2900.

UDC 94 (470)

PROGRAMMED- OBJECTIVE METHOD AS AN ORGANIZING BASIS FOR INTEGRATING DISABLED PEOPLE INTO A SOCIETY FROM 1992 TO THE FIRST HALF OF THE 2000S (AS EXEMPLIFIED BY FEDERAL AND REGIONAL PROGRAMS)

Smirnov Gennadij Sergeevich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Associate Professor of the Chair of Public Administration, Legal Groundwork of Civil and Municipal Service, Candidate of Historical Sciences, Chelyabinsk, Russia.

E-mail: aandg@inbox.ru

Annotation

The article shows peculiarities and results of realizing Russian federal and regional programs of integrating disabled people into a society as exemplified by certain normative legal documents. The author underlines that introducing western integrative model was put in practice without considering Russian social and economical reality.

Key concepts:

Programmed-objective method,
Program,
Disabled people,
integrating into the society,
barrier free environment,
rehabilitation,
Russia,
Ural.

УДК 101.8

ИДЕАЛИСТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Павлов Александр Валентинович,
Тюменский государственный университет,
профессор кафедры философии,
доктор философских наук, профессор,
г. Тюмень, Россия.
E-mail: av-pavlov@mail.ru

Аннотация
Философия и диалектический
материализм, их задачи и возможные
перспективы.

Ключевые понятия:
философия,
диалектический материализм,
методология,
ориентир,
интерпретация,
идея,
парадигма,
язык,
коммуникация,
материя.

Злоба нынешнего дня
Злобу прошлого затмила,
Но при этом для меня
Прошлое не стало мило.
Это прошлое досель
Нами вовсе не изжито.
Мы тянули канитель
У разбитого корыта,
Мы на новых рубежах
Били старые баклуши,
Будто незабываемый страх
Не покинул наши души,
Будто прежние цари
В наших головах царили
И всё те же звонари
От зари и до зари
Пустозвонством нас морили... *

1.

Диалектический материализм много лет находится в странном положении, уже при Советской власти ему стало не с кем даже поговорить. Философия существует только в диалоге, но в XX веке, лишившись легальной философской оппозиции, советский диалектический материализм с нею лишился и партнеров по диалогу – вдумчивых и серьезных критиков. Оказавшись безраздельно господствующим и единственным «подлинно научным», он, с одной стороны, выродился в утонченную схоластику, бесконечно далекую от запросов жизни, а с другой стороны, находясь под бдительным контролем власти, превратился в идеологию. Его схоластически-идеологический характер привел к формализму и бессмысленности учебных лекций, к массовому представлению о том, что философию может преподавать любой неуч, и к ее отторжению как большинством ученых, так и студентами.

У тех, кто получил высшее образование при Советской власти, т.н. «диамат» (диалектический материализм) до сих пор имплицитно понимается в качестве синонима философии. Альтернативные ему философские взгляды в СССР были вынуждены прятаться. Кто-то ушел в области гуманитарных наук, их методологий, преимущественно в историю (А.Я. Гуревич) или филологию (А.В. Михайлов), большинство же занялось историей философии.

Но советский диалектический материализм, при всех своих деформациях, все-таки, оставался философией и побуждал,

*Эпиграф взят из замечательной работы С.Д. Серебряного «О «советской парадигме» (заметки индолога)» [9, с. 4].

в первую очередь, к поиску смысла жизни. Следствием его долголетней работы стало массовое мировоззрение советских образованных кругов. Некогда насильственно освобожденные от религии, они создали свою религию без Бога, переживали восхищение обожествленной и одухотворенной громадой материальной Вселенной, самоубийственную тоску по эзотерическому мирозданию.

К своему итогу советская философия сумела прийти без единой оригинальной и самостоятельной идеи, исключая, конечно, идеи одного из ее нечаянных основателей Ф. Энгельса. Все остальное было в лучшем случае усвоением и перелицовкой западных философских взглядов, создававших иллюзию, что «мы в мировом контексте». Правда, советские философские взгляды западной философией практически не замечались, разве что в целях ответных выпадов «идеологической борьбы».

Главной бедой советского диалектического материализма было невольное монополистическое положение, в которое его поставил партийно-политический контроль за состоянием умов в СССР и бдительное отношение власти к идеологической «чистоте» самих преподавательских «рядов».

2.

Казалось бы, после распада СССР освободившийся от этого контроля диамат должен был испариться духом, но этого странным образом не происходит. Сохранилось давление на философию уже со стороны сложившегося за полсотни лет философского сообщества, сохранились «старые кадры» университетских кафедр, где в основном и существовала философия, появились министерские ФГОСы, в которых, хоть и в облегченной форме, но воспроизводятся требования выставлять на лекции и на обсуждение по-советски единообразные темы, причем позаимствованные из советских программ, а студентам – экзамены сдавать, в том числе и министерские ФЭПО. Сохранилась политика подбора кадров на кафедры, минуя философские факультеты, из числа своих выпускников, знающих о философии только в пределах учебников и узких тем диссертационных работ, да еще из бывших руководящих работников местных администраций. Осталось и пренебрежительное отношение к собственной философии со стороны специалистов других кафедр. И во многом ос-

талась привычка к покорному подчинению власти, тоска по контролю, бросившая массу преподавателей философии в сторону патриотического официоза.

И вместе с этим, осмелюсь утверждать: *как показывает история, сохраняет свою культуру и исторически развивается только тот народ, в котором есть философия, и в котором она не подменяется ни эзотерикой, ни политической, ни церковной, ни националистической идеологией.* Так, что если мы хотим иметь исторически развивающуюся Россию, то следовало бы, в первую очередь, поддерживать не нанотехнологии и не прикладные науки, а русскую литературу, русские гуманитарные науки, многообразие взглядов новой русской философии, фундаментальные исследования в естествознании и образовании. Причем реально поддерживать, создавая соответствующие организационные условия, а не ограничиваться заявлениями о намерениях и демагогией.

3. Практичность философии

Уже приходилось писать о роли философии в общественной жизни. Философия – особое мышление, с ним связывают отрешенность от земных нужд, возвышенность и загадочность.

Наверное, приятно жить в башне из слоновой кости или сибаритствовать, подобно философу К.П. Пруткову, но познание существует не ради познания и удовольствия, оно предназначено для достижения практических целей. Практичность философии, в частности, состоит в ее методологическом и для наук, и вообще для любого дела характере. С XX века она – методология антропологических исследований, наук о духе или о культуре, то есть, социальных и гуманитарных наук. И она же лежит в основе любого грамотно начатого предприятия.

Философия имеет методологическое значение потому, что она выражает родовую природу самого человеческого разума, а ее внутренняя структура соответствует структуре познания и практики, и определяет тот ракурс, под углом которого ученый воспринимает и познает свою предметную область, а предприниматель начинает бизнес. Здесь, конечно, имеется в виду не заказ на проведение исследовательских или практических работ. Философия выражает такое направление познания, в каком человек вообще способен познавать, и этим

очерчивает границы научной работы, а предприниматель оценивает осмысленность и перспективность дела. Она как бы определяет пространство, где научное исследование возможно, а наука заполняет это пространство конкретными знаниями. Это очень широкое пространство, и оно непрерывно расширяется, но в каждый отдельный момент, оно не является бесконечным. Очерчивая его, философия создает контекст, необходимый для понимания и осмысления знаний и результатов труда.

Поясню, например, помимо науки, философия – единственная форма рационального познания, и когда наука попадает в кризис, когда она вынуждена пересматривать основания своей картины мира, ей просто приходится обращаться к философии за идеями, потому что иного варианта нет. В условиях кризиса ее собственные методы перестают срабатывать так, как этого хотелось бы, их применение резко увеличивает вероятность ошибки. И ученые это делают, либо обратившись к философским трудам, либо самостоятельно. Даже физики с математиками и биологами вспоминают название основного труда И. Ньютона и смиряются. Э. Мах, Н. Бор, А. Эйнштейн, И. Пригожин, А. Пуанкаре, К. Саган, Э. Шредингер, С. Курдюмов, С. Капица, К. Лоренц, В. Моисеев, Н. Винер, Д. Нейман, А. Тьюринг и множество других начинают свои теории с очень грамотных философских рассуждений. Даже те, кто как Р. Фейнман не переваривает философию, вынуждены выступать с вполне философскими лекциями о характере физических законов.

Вплоть до того времени, пока наука строго и однозначно не определила своего места, задач и границ, и там, где она до сих пор их не определила и не установила различие между собою и философией, каждый крупный ученый – создатель новой теории или нового подхода – осознавал себя одновременно и как философ, например, в литературоведении – М.М. Бахтин, в истории – Л. Февр, М. Блок, А.Я. Гуревич, в психологии – К.-Г. Юнг, З. Фрейд, Э. Фромм, К. Ясперс, С. Жижек, Ж. Лакан, в этнологии – В. Пропп, К. Леви-Стросс, в социологии – К. Маркс, П. Сорокин, М. Вебер и т.д.

Наука так или иначе опирается на опыт. Когда появляются принципиально новые проблемы, опыта попросту нет, либо он крайне недостаточен из-за неопределенности и неустойчивости предметной области, из-за недостаточного для обработки

и обобщения числа фактов. Тогда науке и приходится обращаться к философии, так как это единственная, помимо нее, форма рационального познания, какая есть в человеческом распоряжении. А что делать, если новые идеи не высчитываются аналитически, а рождаются *только в философском мышлении, предназначенном для определения смысла!*? Аналитически образуется лишь формальный дискурс логических суждений и математических выводов, но их еще надо понять.

Философия, конечно, очень субъективна, но когда исчерпывается ресурс научных идей, некогда заложённых опять-таки ею в распадающуюся картину мира, она способна предложить еще полсотни новых взглядов. Из них сорок девять, может быть, окажутся ошибочными, но одна позволяет преодолеть кризис. Пятьдесят идей, это конечное число, каждую из них легко превратить в научную гипотезу и проверить, та, которая подтвердится, становится основой будущей научной картины мира. Подтвердившаяся идея методологична уже тем, что направляет познание строго в одну сторону. Философия не создает научных методов и в принятом смысле не является познанием, например природы, это рациональная форма ориентации ученых в неизвестной реальности, самопознание и самоопределение их мышления, позволяющее ему существовать. Но она методологична в плане определения целей, а конкретные методы наука разрабатывает для себя сама.

Обращение к философии диктуется еще и тем обстоятельством, что, сознавая ее необходимость, сегодняшнее гуманитарное образование в России, тем не менее, по-прежнему исходит не из современного состояния философии, а из советского диалектического материализма. А он лишь частично приспособлен для того, чтобы выступать методологией и то, главным образом, позитивного познания. Традиционный диалектический материализм СССР даже в естествознании справляется сегодня не во всех областях. И тем более, он не пригоден в социальных и гуманитарных науках. В нем попросту нет необходимого инструментария, например, понятий «разум», «рациональность», «воля», «свобода». Точнее, они рассматриваются, но, по преимуществу, в контексте т.н. «зарубежной философии». Материалистической же позицией, классовым подходом, теорией формации и законом единства и борьбы противоположностей в советской трактовке, основополагающими для унаследован-

ного нами диалектического материализма, многое не объясняется.

Когда человек разумно мыслит, он поневоле философствует. Происходит это потому, что человек – существо, занятое каким-нибудь делом. Для того чтобы действовать, необходимо знать: что, как, зачем делать. Философия представляет собою ту сферу разума, которая выдвигает именно эти конструктивные для деятельности идеи и позволяет понимать абстрактные знания.

В обыденных делах профессиональная философия не нужна, там достаточно житейской философовости. Но бывают такие проблемы, с какими человечество сталкивается впервые, и ни у кого нет опыта и знаний, необходимых для их решения. К ним относятся, например, проблемы глобализации, международного терроризма, особенно государственного, изменения климата, искусственного интеллекта, виртуальной реальности, смены пола, пересадки органов, клонирования, эвтаназии и т.п. На сегодня попросту нет достаточного материала для научного решения проблемы генномодифицированных продуктов, где последствия могут сработать через поколения, а эксперименты на дрозофилах и крысах как-то не убеждают. Нет достаточного материала для четкого вывода о влиянии смены пола на психику, на дальнейшую судьбу и, вообще, на срок жизни. *Идеи и ориентиры, необходимые при решении проблем принципиально новых для самой родовой природы человека, разрабатывает философия.*

4.

Выдвигая идеи, философия решает несколько задач, необходимых для функционирования науки и практики.

Во-первых, ее идея представляет собою их основной стратегический ориентир. Это не столько точная и однозначная цель, подобная мишени для стрелка, сколько направление, горизонт перспективного познания. В рамках очерченного горизонта наука сама определяет конкретные предметы, задачи, получает знания и предлагает собственные программы практической деятельности. Границы же горизонта познания определяются картиной мира и философской идеей, лежащей в ее основе.

Во-вторых, философская идея очерчивает горизонт интерпретации, то есть, пространство, в рамках которого существуют взаимосвязанные друг с другом научные

знания. В деталях структура такого горизонта тоже разрабатывается науками. Однако это пространство необходимо, чтобы полученные знания можно было интерпретировать и понимать, то есть, наполнить их ценностным содержанием, смыслом и значением. Интерпретировать и понимать – это значит получить новое знание и поместить его в контекст культурно-исторической эпохи, в рамки сложившегося типа субъективности и рациональности или иного, необходимого для понимания, пространства, чьи границы определяются философской идеей.

Так, факт в гуманитарных науках может быть интерпретирован множеством разных способов, в том числе и с точностью до наоборот. Например, было ли восстание декабристов спасительным или разрушительным для тогдашней России, является ли Октябрьская социалистическая революция продолжением Февральской, является ли она самостоятельной революцией или это вообще контрреволюционный переворот? Что такое 90-е гг. XX в. для России: время формирования основ буржуазного строя, демократии и среднего класса или это время должно было завершиться неизбежным распадом страны? Выступает ли в психологии бессознательное неспособностью сознания говорить о самом себе или это особая структура психики, находящаяся за пределами сознания и наполняющая его независимым от него содержанием? Ответы на такие вопросы носят оценочный характер и зависят от философии, выражающей определенную субъективность или точку зрения. Поэтому историческая наука нуждается в разных концепциях философии истории с разными субъективными позициями: психологической науке требуется философия психологии, филологической науке – философия языка, философия литературы и т.д., а юридической науке – философия права.

В-третьих, философская идея неотрывна от частного разумного мышления человеческого индивида. Благодаря этому совпадению идеи с мыслящим индивидом осуществляется *редукция научного знания к личному экзистенциальному опыту, позволяющая получить представление о человеческом смысле знания и понимать его*, а не просто теоретически интерпретировать.

В-четвертых, сама идея представляет собою *парадигму*, то есть, некоторый образец, ориентируясь на который, наука получает ясный ответ на вопрос, что значит для нее познавать.

Например, для того чтобы научное мышление научилось различать знание и понимание, необходимо было, чтобы философия первой поставила перед собой такую задачу. Чтобы в XVII веке появился, наконец, ответ на вопрос, как можно познать природу, Р. Декарту надо было провести философскую аналогию между нею и башенными часами и сформулировать: природу надо изучать так же, как мы бы изучали любой механизм. Чтобы наука научилась строго формулировать свои законы, потребовалась философская теория пространства и времени.

В-пятых, философия – это язык, на котором такие идеи обсуждаются.

И, наконец, *в-шестых*, это коммуникации, организующие сообщество, где подобные идеи рассматриваются, и это само философское сообщество, переплетающееся с научным, но независимое от него.

Таким образом, **философия разрабатывает стратегические для научного познания и для самоориентации субъектов идеи, именно этим она и выполняет задачу методологического основания науки и практики**. А отсюда вытекает и ее способность рационально конструировать мировоззрение, ставить и решать смысл-жизненную проблематику. С этим же связана и величайшая опасность для философии быть поглощенной науками, искусствами, религиями или попасть в зависимость от власти, от оппозиционных политических сил и превратиться в идеологию.

5. Диалектический материализм

Тривиально, что следует различать классический диамат конца XIX в. и его упрощенное и идеологически извращенное советское обличье.

Диамат, как и любая классическая философия, аксиоматичен. В.О. Лобовиков хорошо прописывает его логико-аксиоматический характер [8]. Средневековый Бог превратился в Космос Возрождения, затем в эпоху Просвещения он стал той или иной разновидностью Мирового Духа и, наконец, с трудов Ф. Энгельса он трансформировался в Материю, оказавшуюся базовой аксиомой диамата. Диалектический материализм даже частично сохранил атрибуты Бога из средневековой схоластики – вечность и бесконечность, вместе с самим термином «атрибут», приписав их материи [1; 2]. Классическая философия очень похожа на математику, вводя свою аксиоматику,

она развивает ее по правилам логики, а полученный результат зависит от аксиом. Материалистическая же философия, к каким безусловно относится и диамат, к тому же корректирует свои взгляды в соответствии с научными открытиями, главным образом, из области естествознания.

Аксиомой диамата выступает материя, как же она дефинируется?

Есть два диалектико-материалистических определения материи, они существенно отличаются друг от друга.

Первая принадлежит Ф. Энгельсу: «Материю как таковую и движение как таковое никто еще не видел и не испытал каким-нибудь иным чувственным образом; люди имеют дело только с различными реально существующими веществами и формами движения. Вещество, материя есть не что иное, как совокупность веществ, из которой абстрагировано это понятие; движение как таковое есть не что иное, как совокупность всех чувственно воспринимаемых форм движения; такие слова, как «материя» и «движение» суть не более как сокращения, в которых мы охватываем, сообразно их общим свойствам, множество различных чувственно воспринимаемых вещей» [10, с. 550].

Вторая сформулирована В.И. Лениным: «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» [6, с. 131].

Разумеется, сходные взгляды можно найти и у Д. Дидро, и у других мыслителей т.н. материалистического направления.

Обе трактовки материи в развитом виде не очень противоречат друг другу. Ф. Энгельс всегда подчеркивал объективность материи и чувственную воспринимаемость ее проявлений, а В.И. Ленин хорошо знал сочинения Ф. Энгельса, вышедшие к его времени. Но дьявол, как известно, прячется в деталях. Советский диамат пошел больше за Лениным, чем за Энгельсом. Дьявольские же детали скрываются в акцентах обоих определений. У Ф. Энгельса *материя – это вся природа, рассмотренная как система объективных вещей*, а понятие материи – не более чем такое слово. А у В.И. Ленина – это философская категория, т.е., в первую очередь, субъективное понятие о природе. И отсюда неизбежно возникают две линии в советском диамате.

Из-за невозможности научного исследования всей бесконечной природы как целого, энгельсовская линия влечет за собою анализ реальной многоаспектной

противоречивости отдельных вещей, не исчерпываемой всего лишь двумя противоположностями, их действительной взаимосвязи, во многом уникальной. И отсюда делается гипотетический вывод о природе как таковой. Здесь изучается причина самодвижения природных систем в целом и каждой отдельной вещи. Отсюда возникает представление о пространстве и времени природы, складывающихся в движении вещи, об уникальных пространственно-временных формах, присущих вещам и о самих вещах, которые, независимо от субъективности, могут рассматриваться как точки отсчета своих пространственно-временных континуумов. Ф. Энгельс во многом предвосхитил идею «наблюдателя» А. Эйнштейна тем, что пространство и время у него создавались и конфигурировались самими телами. Хотя он, думается, и не интересовался лоренцевыми сокращениями, возможно, и не знал об отрицательных результатах опыта Майкельсона-Морли и о кризисной ситуации в физике, возникшей из-за крушения классической идеи эфира. Чувственная воспринимаемость вещей для Энгельса была необходима в силу обязательности чувственной констатации результатов эксперимента в классической физике. А материя как вся бесконечная система природы представляла собою только общее понятие, слагающееся *апостериорно* из множества знаний о вещах.

Что касается методологии, то известно, как повлияла гегелевская диалектика на формирование взглядов Ф. Энгельса и К. Маркса. Однако Г. Гегель был идеалист, и отсюда дуальный характер его диалектики и его противоположностей, он обусловлен субъект-объектным дуализмом, скрытым в сущности любой философии эпохи модерна. И если К. Маркс, имея своей предметностью, в конечном счете, общественную практику, обусловленную и объективно, и субъективно, оперировал, хоть и по-своему переосмысленными, но двумя противоположностями, найденными им в сущности общества, то, думается, Ф. Энгельс развивал диалектику *природы*, по существу объективной и лишенной всякого субъективизма.

Субъективность в ней появлялась только от *познающего* субъекта, но никак не от творчески участвующего в развитии природы как таковой. А отсюда в диалектике Ф. Энгельса не могло появиться ни гегелевского, ни марксовского диалектического противоречия с двумя проти-

воположностями. Противоречивость его материалистической диалектики обуславливалась системным характером природы, состоящей из множества тел и явлений, и она должна быть *многофакторной*. А логика Энгельса становилась больше похожей на дискурсивную логику постмодернистов конца XX века, чем на гегелевскую диалектику, в ней мысль должна идти от вещи к вещи по каналу очень извилистой связи между ними.

Безусловно, мысли Ф. Энгельса приходилось делать естественные уступки общему модернизму эпохи, перекликаться и с Г. Гегелем, и, разумеется, с подходом К. Маркса, но он был не только философом, но и ученым, обобщающим взгляды естественных наук его времени и выдвигающим новые идеи и гипотезы.

У В.И. Ленина акцент прямо обратный, связанный больше с Г. Гегелем и с К. Марксом, чем с Ф. Энгельсом. Причем К. Маркс был все-таки органично включен в культуру Западной Европы, его логика напрямую соответствовала общему модернистскому духу классического европейского капитализма. В.И. Ленин же опирался больше на русскую культуру, затронутую капитализмом лишь в малой степени, его диалектика во время написания «Материализма и эмпириокритицизма» была абстрактней марксовской и ближе к Г. Гегелю, чьи работы, судя по «Философским тетрадям», он изучал подробнее и глубже, чем труды К. Маркса. От него в «Философских тетрадях», кажется, только ранняя работа «Святое семейство», чей конспект занимает меньше 40 страниц, но больше половины всего тома – Г. Гегель [7].

Ленин – осознанный и убежденный, *принципиальный* абстрактный материалист, а не как Энгельс, у кого материализм не принцип, а продукт изысканий в области философии естественных наук. В ленинском понимании материи на переднем плане *категория*, то есть *субъективное понятие*, и она *априорна*. И что бы ни имел в виду сам В.И. Ленин, но восьмидесятилетнее конструирование всего общественного организма СССР на базе его мировоззрения, зубрежка этого определения в советских школах и вузах сделали свое дело. Материя у него лишается всякой одухотворенности и побуждает рассматривать весь мир как объективную и априорно бездуховную массу, противостоящую сознанию субъекта. Это обстоятельство придает ленинскому материализму субъективно-идеалистический и позитивистский харак-

тер, показанный В.О. Лобовиковым. Такая субъект-объектная дихотомия и делает его доступным для логического анализа в духе аналитической философии.

Что касается самой субъективности, то это не просто, и не в первую очередь теоретический концепт. Это характеристика сознания каждого человека, способного и нацеленного на преобразование мира в своих интересах, на превращение его в комфортное для себя место обитания. Субъективность имеет человеческую онтологию. И отсюда следует, что когда материализм В.И. Ленина перестает быть абстрактно-философским и попадает в конкретные условия революции и гражданской войны, он становится не столько революционным, как марксовский натуралистический гуманизм, сколько террористическим. Объективная реальность, непременно данная людям в их ощущениях, должна формировать агрессивный тип мировоззрения и представляться как враждебный и бездуховный массив, нуждающийся в научном познании и практическом преобразовании.

Да, но та объективная реальность, которая противостоит каждой отдельной человеческой субъективности и дана людям в их ощущениях, т.е. в чувственном, а не внутреннем опыте, не экзистенциально, включает в себя огромное множество других людей с их частными, групповыми, национальными и т.п. культурами. А следовательно, установкой данного определения попросту предписывается, что все люди, с которыми любая человеческая субъективность имеет дело, не более чем данные в ощущениях физические тела, лишенные духовности, сознания, культуры, собственной субъективности, и подлинно научное и гуманистическое к ним отношение состоит в их преобразовании под ту идею всеобщего счастья, какую субъект, обладающий силой и властью, считает подлинно научной. Даже сегодня эта идея узнаваема в политическом контексте.

Не думаю, что сам В.И. Ленин именно это имел в виду, однако здесь происходит по известному анекдоту: «Как написано, так и читать надо!» Эта установка на долгие годы предписала советскому обществу ужасающий цинизм в межлических отношениях, и она была воплощена в качестве реальной, а не декларируемой моральной нормы властью, естественно, состоящей из людей, находящих себя субъектами, как раз и располагающими необходимыми полномочиями и силой. Она превратила диалектический материализм в

идеологию именно потому, что ленинская мысль невольно оказалась моральной и парадигмальной для всего потока познания и практики целой страны.

6.

И в то же время потенциал у этой философии продолжает сохраняться благодаря Ф. Энгельсу, а отчасти и В.И. Ленину, он же не ограничился в своей работе «Материализм и эмпириокритицизм» только одним определением. Да и охарактеризованный выше акцент появился у этого определения из-за того, что вся работа носит полемический характер, и само определение вполне может считаться научным из-за дихотомии субъекта и объекта и из-за характерного для классической науки признака обязательной эмпирической фиксации предмета. В дальнейших рассуждениях В.И. Ленин, хотя и в не всегда продуманно и несколько сумбурно, но придерживается позиции Ф. Энгельса, знакомой ему по «Анти-Дюрингу».

Сочетание энгельсовского материализма с ленинским позитивизмом привело к рождению своеобразной внутренне противоречивой и способной к саморазвитию идеалистически-материалистической философии. Если освободить ее от советских и от нынешних идеологических схем и ввести в пространство реального многообразия философских взглядов и дискуссий, может получиться очень любопытная концепция.

Прежде всего, материализм Ф. Энгельса, несмотря на неоднократно декларируемый им монизм в духе классической германской и общеевропейской философии, по факту был материалистическим плюрализмом и требовал совсем не такой аксиоматики, как у В.И. Ленина. Ему в равной степени не подходил ни один монистический постулат, ни средневековые догматы символа веры, ни гегелевский Мировой Дух, ни Материя. Он нацеливался на философский анализ непрерывно изменяющейся взаимосвязи между отдельными и конкретными вещами, подтверждаемыми чувственно и практически, и на исследование эмпирических знаний об этих вещах. Его аксиома – движущиеся тела природы.

Это обстоятельство и помешало Ф. Энгельсу достроить «Диалектику природы» до завершенной философской системы, подобной гегелевской. Его философия традиционно требовала постулата, и он постулировал бесконечную и неисчерпаемую, качественно разнообразную природу, к тому

же находящуюся в непрерывном изменении, превратил именно ее в предмет исследований. Применение к такой предметной области логики марксовского «Капитала», внутренней для предмета, совпадающей с его основным законом, применение логики феноменологического саморазвертывания предмета, его, как называл К. Маркс, «монолога», нуждалось в плюралистической трансформации марксовской диалектики и подталкивало к трактату бесконечного размера, требовало бесконечного времени для того, чтобы его написать. Уже К. Маркс не смог самостоятельно дописать свой «Капитал», тем более сложно было Энгельсу завершить философскую систему всей природы. «Диалектика природы» может быть написана только философской традицией, и то при условии, что она будет длиться вечно.

Философия Ф. Энгельса фактически должна была обращаться не к природе, а к какому-либо отдельному ее эмпирически зафиксированному явлению и рассматривать вопрос о его возможных состояниях в конкретных природных средах, о возможных способах теоретического описания этих состояний и их эмпирической проверки. Такая философия может стать прекрасной методологией естественных наук в том смысле, что оказывается источником множества ее конструктивных гипотез.

Философия же В.И. Ленина, напротив, монистична, и поэтому не может быть материализмом в духе Ф. Энгельса. У нее проматриваются три направления развития.

Первое продемонстрировал И.В. Сталин, педантично воплотив ее в организационно-управленческие схемы самодержавной практики социального строительства и превратив в идеологию.

Второе, это, помимо социальной практики, философия личной агрессии в отношении к эмпирически воспринимаемым и сущностно бездуховным индивидам, философия терроризма. Здесь она тоже способна быть идеологией общества, например с примитивной экономикой, исчерпывающейся добычей, транспортом и продажей сырья, с неизбежной примитивной общественной организацией, наподобие совета акционеров и директоров сырьевой компании, с примитивной политикой, требующей контроля компании за всеми условиями добычи и транспорта. Такая идеология требует примитивной стратификации общества – те, кто занят в добыче и транспорте, и все остальные по остатку. Она обуславливает примитивную систему

образования – сырьевые гипер-ПТУ, примитивный патриотизм ресурсодобытчиков и сбытчиков и примитивное потребительское мировоззрение. Ей нужно, чтобы население не хотело работать, зарабатывать, требовать свободы труда и заработка. А нужно, чтобы оно кормилось только из рук компаний и не запрещало заглядывать в свой карман. Этот тип философии был воплощен в жизнь в СССР и особенно в постсоветской России.

И третье, тот момент, где ленинская философия может найти, как думается, точки соприкосновения с Энгельсом. Это рефлексия индивидом своего места и роли в способном к рефлексии мире других индивидов, философия современности и экзистенциального диалога во всем спектре его стадий и потенциалов от конфликта до совместного воспроизводства коммуникаций в найденных точках совпадения на конкретных площадках. Ленинский эмпиризм и позитивизм в этом случае снимается и превращается в простую констатацию непреложного факта существования партнеров.

Тогда Ленин как бы дополняет Энгельса применительно к многообразному положению человеческих индивидов в сложно устроенной и непрерывно меняющейся общественной жизни, все время ставящей каждого перед ситуациями, в которых необходимо создавать альтернативы, принимать решения и выбирать направления.

Проще говоря, если бы философия СССР пошла по этому пути, ей бы не пришлось превращать диалектическое противоречие в теоретическую схоластику. Оно бы стало для нее единством и борьбой, в первую очередь, между реальными людьми, а не абстрактными классами примитивных обществ, а затем между ними и властью, вместе со всей социальной институцией. Но тогда не было бы идеологии ни сталинского диамата, ни постсталинского, а было бы диалоговое и наполненное непрекращающимися дискуссиями честное пространство современной философии.

1. Алексеев, П.В. Философия [Текст] / П.В. Алексеев, А.В. Панин. М.: ТК Велби. Изд-во Проспект, 2005. 608 с.

2. Введение в философию [Текст]: учеб. пособие для вузов / авт. колл.: И.Т. Фролов и др. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2003. 623 с.

3. Грэхэм, Л.Р. Естествознание; философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе [Текст] / Л.Р. Грэхэм. М.: Изд-во полит. литер., 1991. 480 с.

4. Красиков, В.И. Советская философия 50-

80 гг. XX в. [Электронный ресурс] / В.И. Красиков // Журнальный клуб Интелрос «Credo New». 2010. № 4. URL: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/credo_4_2010/7764-sovetskaya-filosofiya-50-80-gg-xx-v.html (дата обращения: 05.03.2014).

5. Левицкий, С.А. Очерки по истории русской философии. Очерк седьмой «Советский марксизм» [Текст] / С.А. Левицкий // Сочинения. В 2 т. Т. 2: Очерки по истории русской философии. М.: Канон+. РООИ Реабилитация, 1996. 500 с.

6. Ленин, В.И. Материализм и эмпириокритицизм [Текст] / В.И. Ленин // Полн. собран. соч. Т. 18. М.: Изд-во полит. литер., 1968. С. 7–384.

7. Ленин, В.И. Философские тетради [Текст] / В.И. Ленин // Полн. собран. соч. Т. 28. М.: Изд-во полит. литер., 1973. С. 3–623.

8. Лобовиков, В.О. Диалектический материализм в «цифровом формате». (Дискретная математическая модель логически непротиворечивого формально-аксиологического учения о противоречивости материи) [Текст] / В.О. Лобовиков // Социум и власть. 2014. № 1. С. 127–138.

9. Серебряный, С.Д. О «советской парадигме» (заметки индолога) [Текст] / С.Д. Серебряный. М.: Росийск. гос. гуманит. ун-т, 2004. 80 с.

10. Энгельс, Ф. «Диалектика природы». Заметки и фрагменты [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. Т. 20. М.: Гос. Изд-во полит. литер., 1961. С. 343–629.

References

1. Alekseev P.V., Panin A.V. *Filosofija* [Philosophy]. Moscow, ТК Velbi, Izd-vo Prospekt, 2005, 608 p. (in Russian).

2. Frolov I.T. i dr. *Vvedenie v filosofiju: Ucheb. posobie dlja vuzov* [Introduction to philosophy. Manual for Universities]. Moscow, Respublika, 2003, 623 p. (in Russian).

3. Grjehjem L.R. *Estestvoznание; filosofija i nauki o chelovecheskom povedenii v Sovetskom Sojuze* [Natural science, philosophy and human behavior studies in the Soviet Union]. Moscow, Izd-vo polit. liter., 1991, 480 p. (in Russian).

4. Krasikov V.I. *Sovetskaja filosofija 50–80 gg. XX v.* [Soviet philosophy of the 50s–80s XX century]. Zhurnal'nyj klub Intelros «Credo New» (Journalistic club Intelros «Credo New») 2010, no. 4, available at: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/credo_4_2010/7764-sovetskaya-filosofiya-50-80-gg-xx-v.html (accessed 5 March 2014) (in Russian).

5. Levickij S.A. *Oчерki po istorii russkoj filosofii. Oчерk sed'moj «Sovetskij marksizm»* [An outline of history of Russian philosophy. Outline seven "Soviet Marxism"]. Moscow, Kanon+, ROOI Reabilitacija, 1996, 500 p. (in Russian).

6. Lenin V.I. *Materializm i jempirikriticizm* [Materialism and empiriocriticism]. Moscow, Izd-vo polit. liter., 1968, pp. 7–384 (in Russian).

7. Lenin V.I. *Filosofskie tetrad* [Philosophical papers]. Moscow, Izd-vo polit. liter., 1973, pp. 3–623 (in Russian).

8. Lobovikov V.O. *Socium i vlast'*, 2014, no. 1, pp. 127–138 (in Russian).

9. Serebrjanyj S.D. *O «sovetskoj paradigme» (zametki indologa)* [On the "Soviet paradigm" (notes of an indologist)]. Moscow, Rossijsk. gos. umanit. un-t, 2004, 80 p. (in Russian).

10. Jengel's F., Marks K. *«Dialektika prirody»*. *Zametki i fragment* ["Dialectics of nature". Articles and fragments]. Moscow, Gos. Izd-vo polit. li-ter., 1961, pp. 343–629 (in Russian).

UDC 101.8

IDEALISTIC MATERIALISM

Pavlov Aleksandr Valentinovich,

Tyumen State University, Professor of the Chair of Philosophy, Doctor of Philosophic Sciences, Professor,

Tyumen, Russia.

E-mail: av-pavlov@mail.ru

Annotation

Philosophy and dialectical materialism, their tasks and possible prospects.

Key concepts:

philosophy,
dialectical materialism,
methodology,
guideline,
interpretation,
idea,
paradigm,
language,
communication,
matter.

УДК 1-05

ОТ КОСМИЗМА К ЭЛИТАМ

Лешкевич Татьяна Геннадьевна,

Южный федеральный университет,
председатель Донского философского
общества,
доктор философских наук, профессор,
г. Ростов-на-Дону, Россия.
E-mail: leshkevicht@mail.ru

Аннотация

В статье анализируются основные этапы творческого пути известного ученого, философа и политолога, профессора Александра Михайловича Старостина.

Вычленяются базовые конструкты и научные направления в его 45-летней научной деятельности.

Ключевые понятия:

А.М. Старостин,
космизм,
элитология,
философская инноватика,
научный поиск.

Масштаб мышления дает о себе знать, когда вехи пройденного пути указывают на те несоизмеримые ментальные высоты, которые приходилось брать, отвечая вызову времени. Математик по образованию (за плечами не просто мехмат, но и колмогоровская школа при МГУ в Москве) и философ по призванию Александр Михайлович Старостин объединил в себе четкость дефинирования и высшую мудрость философии. Что заставило молодого, подающего надежды интеллектуала всерьез заняться проблемами космизма? Может быть, его бескрайность, бесконечность и парадоксальность, а может, те неизведанные высоты духа, которые, пугая, открываются своей символичной очевидностью? Онтология космоса сродни онтологии математики, где идеализированная предметность оживает, предлагая многочисленные, неизведанные для обывателей, измерения. Земное и повседневное сопротивлялось измерению космическому, и философская диссертация, посвященная анализу практики космических исследований, не сразу была воспринята научным сообществом. А вместе с тем фамилия А.М. Старостина все чаще звучала с трибун Всероссийских конференций. Он значился активнейшим участником Циолковских чтений, в рамках которых на протяжении почти двух десятилетий выступил с 15 докладами, чем и заслужил право быть включенным в энциклопедического значения издание – V том «Истории философии в СССР», увидевшей свет в 1985г.

Более чем двумя десятилетиями позже в своем докладе, но уже в рамках работы Донского философского общества [1], внимательно относящегося к изысканиям своих членов, А.М. Старостин отметит прогнозную и стратегическую значимость изучения космизма, трактуя его как область философской инноватики, направленной на междисциплинарное исследование взаимосвязи человека и жизни вообще с космосом. Трудности изучения космизма обусловлены еще и тем, что данное направление культивируется не только на основе науки, но и на платформе мифологии, фантастики, мистицизма, неоязычества и эзотерики, что весьма затрудняет перевод данной проблематики в рациональный план. Трансцендентное и внерациональное здесь оказываются пограничными. Однако человечество всегда стремилось к поиску и осознанию закономерностей и не удовлетворялось лишь художественно-образным отражением такого сложного,

нуждающегося в глубинной рефлексии, феномена. Антропокосмизм, указывавший на взаимоотношение человека и Космоса на основе, прежде всего, естественнонаучных знаний и научно-технических достижений, обнажает непосредственное влияние как ближнего, так и дальнего Космоса на жизнь и деятельность человека. Значимой становится осознание творческой динамики Космоса и космичности в самой природе человека. Диссертация А.М. Старостина на тему: «Космический эксперимент как новый тип эксперимента (философско-методологический анализ)» на соискание ученой степени кандидата философских наук была защищена в 1977 году. А в 1979 г., как раз в год своего тридцатилетия, автор уже стал лауреатом V Всесоюзного конкурса молодых ученых по общественным наукам за представленную монографию «Гносеологический и социальный аспекты анализа космических исследований». Весь этот период проходил в тесном сотрудничестве с профессором РГУ Е.Я. Режабеком, являющимся не просто научным руководителем диссертационного исследования, но умным и опытным наставником. Важной вехой научно-теоретического осмысления космизма стала работа «Познавательные модели космоса (философский анализ становления и развития)», которая была представлена как итоговая работа пребывания в докторантуре РГУ (1993).

Советское время вносило свои коррективы в напряженный научно-исследовательский процесс. Перспективно мыслящие люди нужны были и в педагогической деятельности, и в области образования, и в сфере общественно-политической деятельности. Быть может, уже тогда, когда А.М. Старостин был приглашен на аппаратную работу в Ростовский обком КПСС (1982), возник внутренний интерес к острым политологическим проблемам. Перестроечные времена интенсивно перенаправляли все жизненные силы на освоение охватившей все сферы жизни социальной энтропии.

Начавшееся в 1994г. активное сотрудничество с Северо-Кавказской академией государственной службы явилось своеобразным рубежом в смене исследовательской проблематики. Теория и история политических элит, и в особенности скрупулезный анализ процессов, происходивших на Северном Кавказе, подтолкнул автора к смелым критическим выводам. Им была произведена своеобразная теоретическая ревизия существующих стереотипов. Многочисленные социологические опросы

показывали, что для региональной элиты характерна весьма закрытая циркуляция, «ценностные устремления элит сконцентрированы на удержании собственности, богатства и власти» [2, с. 276]. С бескомпромиссностью подлинного ученого пришлось фиксировать, что в российских регионах не сложилось устойчивой традиции публичной политики, довольно часто речь идет о теневом взаимодействии и теневых взаимоотношениях элит. Население демонстрирует низкую степень осведомленности относительно региональных элит.

В отношении республик Северного Кавказа фиксируется наличие этнократических элит. Уже будучи доктором политических наук и профессором, А.М. Старостин выступил настоящим революционером региональной элитологии, взвалившим на себя нелегкие экспертные оценки в отношении сложившейся ситуации. При изучении фактологического, социологического и теоретического материала автором была выявлена «ведущая тройка» недостатков отечественных региональных элит: это «коррупционность, недостаточный профессионализм, подбор руководства по родственным и приятельским признакам» [2, с. 283]. Региональные элиты не вполне соответствуют качественным критериям и требованиям, предъявляемым к элитному слою. «В ряде регионов у власти находится либо элита бизнеса, либо сами губернаторы стали таковой, и мы имеем дело с элитой, приватизировавшей власть» [2, с. 278]. Было обращено внимание и на то, что до недавнего времени в ЮФО различались оценочные мнения республиканского (Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия-Алания) и славянского (Краснодарский, Ставропольский край, Ростовская область) сегментов – субъектов РФ. На сегодняшний день, согласно экспертным оценкам, очевидно перерождение региональных и местных элит в локально действующие кланы [2, с. 300].

Комплексный критический анализ привел к неутешительному заключению о принципиальной неэлитарности части представителей элиты. «Ни состав, ни стиль управленческой деятельности, ни легитимность современных элит не являются устоявшимися. А по ряду показателей элиты проявляют себя в девиантных формах. Что скорее характеризует маргинальные слои, нежели привилегированные» [2, с. 287]. «И создается впечатление, отмечает А.М. Старостин, что в российских условиях главную роль в генерировании элитных личностей

играют своеобразные «элитные операторы» или, говоря математическим языком, функциональные системы, возводящие в элитный ранг практически любого индивида, включенного в область их действия» [2, с. 289].

Сопряжение элитологического среза с оценкой перспектив модернизации обнаружилось в качестве наиболее болевых точек вопросы обновления региональных элит, и, прежде всего, выявило значимость стратегического аспекта элитной кадровой политики. Материалы проделанного анализа показали, что к первой тройке (кому реально принадлежит власть в регионе) отнесены: «глава администрации» «богатые люди, коммерсанты, банкиры», «коррупцированная часть аппарата управления», в ближайшей перспективе рекрутация в высшие эшелоны региональной власти представителей бизнеса [2, с. 289]. В процессе элитогенеза «большое распространение получил так называемый «командный принцип» формирования элит, связанный с личными связями и земляческим происхождением членов группы и ориентированный на реализацию локально-групповых интересов и целей» [2, с. 300].

Исследование региональной элитологии было столь масштабным, что повлекло за собой полное погружение в существо данных процессов и перестройку мышления, сопровождающуюся подготовкой значимых аналитических материалов для органов российской власти и управления. В 2002 году А.М. Старостину была объявлена благодарность Полномочного представителя Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе за плодотворную работу по развитию научных исследований и вклад в подготовку кадров государственных и муниципальных служащих. Масштабные исследования, производившие революцию в умах, показали, что в функционировании региональных элит и, прежде всего административно-политических элит, наметилось несколько основных тенденций, которые характерны и для других уровней элит: А) тенденции перехода от открытых и смешанных (полуоткрытых) видов рекрутирования к закрытым; Б) тенденция аристократизации (моменты наследственного укоренения в составе элиты); В) сокращение межэлитной циркуляции в условиях конфликтной модели взаимодействия элит и сохранение ее в условиях партнерской модели; Г) сохранение этнократической тенденции в национальных республиках и округа и

ориентация на этногетерогенность в русскоязычных краях и областях; Д) появление идеократического фактора отбора, ограничивающего включение в элитный слой людей с альтернативными санкционированными свыше идеологическими позициями или «беспартийных».

Не могло уйти от пытливого анализа и то, что основными механизмами рекрутирования в национальных республиках ЮФО является сохранение этнократической циркуляции (земляческое и этническое влияние ведущих этногрупп), а также теневое экономическое воздействие как механизм «привилегированного получения административного или политического статуса» [2, с. 303]. Были доказательно зафиксированы дисфункциональные проявления регионального отбора в элитные слои: действующие сверху механизмы включения в состав национальных элит, механизмы протектирования, основанные на личных связях. Наблюдаются также сепаратистские тенденции, когда власть и возможности региональных лидеров мало чем ограничены, прежде всего, снизу [2, с. 304]. Вывод о необходимости принципиального изменения системных параметров формирования элитной среды сопрягался с озабоченностью по поводу состояния русского языка, который выступает индикатором культуры; болью по поводу того, что культурная элита низведена в регионе до уровня просителя, она погружена в проблемы самовывживания и деградирует. По мнению А.М. Старостина, бытует прочная установка, что политические решения могут приниматься без учета культурной элиты [2, с. 320]. Как это ни прискорбно, но «в настоящее время интеллектуальная элита перемещена в субэлитный слой, гуманитарная элита раздроблена и не имеет полноценного доступа к информационным ресурсам, место интеллектуальной элиты занято информационной элитой, она имеет возможность решать ситуативные задачи, «теряя перспективы общенационального развития и национально-ориентированную базу его поддержки» [2, с. 325].

А.М. Старостиним было опубликовано внушительное количество статей и монографий (более 700), подготовлен большой отряд докторов и кандидатов наук (более 60), почувствовавших в полной мере вклад пытливого ума в уяснение причин современной ситуации. Профессор А.М. Старостин в 2004 г. был награжден Почетным дипломом администрации Ростовской области в связи с присвоением почетного звания «Лучший ученый Дона», а в 2007 г.

ему присвоено звание «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

Креативность ученого не знает пределов, также беспредельно и его желание работать с полной отдачей. Вот и сейчас, создав уникальный авторский коллектив, он активно формирует новые направления философской инноватики, сопрягая прикладные и фундаментальные проблемы, является инициатором и активным организатором многих философских и политологических мероприятий: круглых столов, международных конференций и конгрессов. В октябре 2013 г. по инициативе А.М. Старостина проведен Первый Всероссийский элитологический конгресс с международным участием «Элитология России: современное состояние и перспективы развития», прошедший в городе Ростове-на-Дону. Он открыл новую страницу в деятельности мыслителя. Вместе с соавторами в качестве первостепенной была заявлена проблема институционализации научных школ, и обозначены многие векторы развития современной элитологии.

Являясь оригинально мыслящим и дальновидным ученым, профессор А.М. Старостин воплощает собой тип современного ученого, занятого формированием научной школы, ценящим мнения научного философского сообщества, традиции высокого профессионализма и преемственности в развитии новых идей и концепций. Потребность в таком «философском росте» велика и остро актуальна. От того, насколько отразились в теории и выражены в понятиях и теориях тенденции современности, зависит программность будущего и благополучное существование всего человечества.

1. Старостин, А.М. Русский космизм как область философской инноватики [Текст] / А.М. Старостин // Философская инноватика и русский космизм: Сборник научных трудов. Ростов-на-Дону, 2011. 244 с.

2. Старостин, А.М. Философские инновации: концепция и основные сферы проявлений [Текст] / А.М. Старостин. Ростов-на-Дону, 2009. 564 с.

References

1. Starostin A.M. Russkij kosmizm kak oblast' filosofskoj innovatiki [Russian cosmism as a sphere of philosophical innovation theory]. *Filosofskaja innovatika i russkij kosmizm: Sbornik nauchnyh trudov* (Philosophical innovation theory and Russian cosmism: Collection of scientific papers). Rostov-on-Don, 2011, 244 p. (in Russian).

2. Starostin A.M. *Filosofskie innovacii: koncepcija i osnovnye sfery projavlenij* [Philosophical innovations: conception and principal spheres of manifestations].

UDC 1-05

FROM COSMISM TO ELITES

Leshkevich Tatyana Gennadievna,

Southern Federal University,
Chairman of the Don Philosophical Society,
Doctor of Philosophic Sciences, Professor,
Rostov-on-Don, Russia.
E-mail: leshkevicht@mail.ru

Annotation

The article analyses the main creative development phases of the outstanding scientist, philosopher and politologist, Professor Aleksandr Mikhaylovich Starostin. It notes the basic constructs and scientific research areas of his 45-year old scientific activity.

Key concepts:

A.M. Starostin,
cosmism,
elitology,
philosophical innovatics,
scientific quest.

УДК 323.3

ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ЭЛИТ

Зырянов Сергей Григорьевич,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал, директор,
доктор политических наук, профессор,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: director@chel.ranepa.ru

Понеделков Александр Васильевич,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Южно-Российский институт управления
(филиал), заведующий кафедрой
политологии и этнополитики,
заслуженный деятель науки Российской
Федерации, доктор политических наук,
профессор,
г. Ростов-на-Дону, Россия.
E-mail: ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Воронцов Сергей Алексеевич,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Южно-Российский институт управления
(филиал), профессор кафедры
процессуального права, доктор
юридических наук,
профессор,
г. Ростов-на-Дону, Россия.
E-mail: raven_serg@mail.ru

Аннотация

В статье анализируются подходы к формированию и модернизации российских административно-политических элит, высказываются предложения по совершенствованию данного процесса.

Ключевые понятия:

элиты,
власть,
политический класс,
критерии элитарности,
коррупционность,
качественное социологическое
исследование,
рекрутинг,
элитология.

Статья по содержанию представляет собой анализ материалов Первого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием, прошедшего в октябре 2013 г. в Ростове-на-Дону.

Конгресс был организован Южно-Российским институтом управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ЮРИУ РАНХиГС) и филиалом Фонда имени Фридриха Эберта в РФ. Соучредителями мероприятия выступили: Совет по политологии УМО по классическому университетскому образованию РФ, Правление Национальной коллегии политологов-преподавателей, факультет политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, факультет политологии Санкт-Петербургского государственного университета, факультет политологии ЮРИУ РАНХиГС. В работе конгресса приняли участие авторитетные специалисты-элитологи, философы, юристы, представители органов государственной и муниципальной власти, деловых кругов и общественных организаций. На приглашение организаторов откликнулись свыше двухсот российских исследователей, а также элитологи Германии, Индии, Украины, Белоруссии, Киргизии.

Ростов-на-Дону выбран местом проведения конгресса не случайно. На базе ЮРИУ РАНХиГС в течение последних 15 лет сложилась научная школа политической элитологии под руководством профессоров А.В. Понеделкова и А.М. Старостина, широко известная не только в России, но и за ее рубежами.

Программа конгресса включала исследование перспектив развития современной элитологии, вопросов формирования российских элит и совершенствования государственной кадровой политики, взаимодействия элит в отечественном социально-политическом пространстве. Отдельные дискуссионные площадки были посвящены военным элитам, контрэлитам и молодежным элитам.

Большое внимание на конгрессе уделялось анализу политико-административной элиты, непосредственно связанной с властью. Этот сложный для научного анализа объект стал поводом для большого числа критических оценок.

Заведующий кафедрой общей политологии Финансового университета при Правительстве РФ профессор Я.А. Пляйс отметил, что основные проблемы России лежат в отсутствии «новой» элиты. На пере-

ломном рубеже 80-х – 90-х не появилось элиты, готовой взять на себя новые функции и управлять «по-новому». В результате никакой революции фактически не совершилось, так как элита, пришедшая к власти, приняла на вооружение многие методы советской элиты. Людям с принципиально другой политической ментальностью просто неоткуда было взяться.

Профессор Я.А. Пляйс сравнил 90-е годы с «горючей смесью», давшей стране нездоровый синтез политических элит. По его представлению, в этот сложносочиненный тип вошла патриотически настроенная высшая партийная элита, апатриотичная бизнес-элиты, а также «темная лошадка» – антиэлита, вообще не заинтересованная в процветании страны. Последнюю Я.А. Пляйс разделил на внутреннюю (российскую) и внешнюю (зарубежную). И та, и другая значительно влияют на политику России. «Антиэлите, безусловно, не место у рычагов власти. На смену ей должна прийти оппозиция, которую мы обязаны воспитать», – заключил Я.А. Пляйс.

По мнению профессора А.М. Старостина, в переходных обществах, каким продолжает оставаться российское, вообще не может идти речи об элите. Существуют лишь некие предпосылки для ее появления, исходный материал или протозелита. Минимум на образование элит уходит четыре-пять поколений. А значит, даже за время Советского Союза политическая элита не успела сложиться. Тех, кто пришел на смену советским представителям властных кругов, нельзя по существу причислять к элите, так как они не выполняют основной ее функции – не формируют «повестку дня» общества. Их главная и единственная цель – удержаться у власти.

«Политическая элита России развивается не по законам элитологии», – на этот парадокс обратил внимание заведующий кафедрой политологии Астраханского государственного университета профессор П.Л. Карабущенко. В стране есть политический класс, но нет элиты, так как ее содержание не соответствует форме. Это ключевая элитологическая тема, требующая обсуждения. Кроме того, пора создать четкие критерии, которым должна соответствовать политическая элита.

Профессор С.А. Воронцов привел анализ критериев элитарности, определяющих совокупность личных и деловых качеств человека, рекрутируемого в элиту, которые нашли отражение в религиозных, правовых и военных документах различных исторических эпох. Он подчеркнул, что правящую элиту не-

корректно характеризовать как хорошую или плохую. Она является производной от уровня развития общества и ситуации, объективно существующей в конкретный исторический период в социально-экономической и политической сферах государства.

В постсоветский период, отметил С.А. Воронцов, произошло расхождение между элитарностью, понимаемой в традиционном смысле понятия, и обладанием реальной политической властью. Резко возросла роль принадлежности к «команде» первого лица и личной преданности лидеру, а также фактор высокой материальной обеспеченности кандидата в элиту, источники которой практически не имеют значения. Это предопределило низкую компетенцию значительного числа фигурантов, попавших во властную элиту, привнесение ими в элитарный слой коррупционных механизмов деятельности [2]. Подобное положение сложилось вследствие слабости гражданского общества, широкого использования властью административного ресурса и информационных технологий в процессе реформирования элит. Чтобы исправить положение и вернуть элитологию из разряда прибыльного бизнес-проекта в науку, по мнению С.А. Воронцова, необходимо повысить уровень транспарентности власти, выработать объективные критерии элитарности и усилить контроль общества за формированием и обновлением правящей элиты.

Профессор А.В. Понеделков сообщил, что в рамках подготовки конгресса были проведены исследования «Современные региональные элиты» в Республиках Адыгея, Башкортостан, Дагестан, Коми, Чеченской Республике, Алтайском, Краснодарском, Ставропольском краях, Ростовской, Калининградской, Курганской, Рязанской, Челябинской, Читинской и Астраханской областях. Результаты исследований, позволяющие сравнить взгляды населения с мнением экспертов из числа самой элиты, показывают, что за последние 20 лет региональная элита существенно обновилась. По экспертным оценкам, доля управленцев с советской закалкой снизилась (сейчас их примерно 30 %), а доля «новых» возросла до 35 %. Показательно, что серьезно ослаблены составляющие технократического влияния на региональное управление. Численность представителей элиты с базовым гуманитарным образованием превысила число тех, кто имеет техническую и естественнонаучную подготовку.

Несколько расходятся позиции населе-

ния и экспертов в оценках перспектив взаимодействия элит между собой и с гражданами страны. Если у народа надежда на то, что к его запросам и пожеланиям правящие элиты будут внимательно прислушиваться, еще не исчезла (на это надеется около 40 % опрошенных), то для экспертов более существенными проявлениями выступают лояльность режиму и профессионализм. При этом в опросах 2013 г. эти позиции изменились: «лояльность» – пошла вверх, а «профессионализм» – вниз.

В оценках позитивных характеристик элит, которые выставляет население, обращает на себя внимание парадокс: значительно выше ценится способность «разрулить» сложную ситуацию, нежели профилактика и недопущение чрезвычайных ситуаций. Также странно, что чуткость к проблемам населения и умение патронировать развитие местного бизнеса кажутся респондентам наименее важными качествами.

А.В. Понеделков подчеркнул, что, по мнению и экспертов, и населения, элита должна отвечать четырем главным требованиям: профессионализм, образованность, высокая нравственность, патриотизм. Правда, народ отводит профессионализму гораздо больший удельный вес (около 2/3 опрошенных), нежели эксперты (22 %).

Направлением улучшения качественного состава элит и респонденты, и эксперты называют необходимость введения конкурсного отбора на основе профессионализма и компетентности, повышение образовательного уровня, ведение продуманной кадровой политики под контролем центра и администрации федерального округа.

Профессор С.Г. Зырянов представил анализ обширного эмпирического материала по результатам социологического исследования, позволяющего «изнутри» наблюдать процесс институционализации региональных элит во времени.

Базу данных составляют результаты инициативных экспертных опросов в формате долгосрочного исследовательского проекта – мониторинга политических процессов на уровне конкретного региона, раскрывающего систему и механизмы влияния разных групп и персон – представителей региональной элиты Челябинской области, который стартовал в 1998 г. и продолжается по сей день.

В основе сбора данных лежит методика экспертной оценки наиболее известных и влиятельных представителей региональных элит Челябинской области по критерию их политического влияния. Оценочный лист, как правило, содержит список представителей

региональной элиты (от 85 до 125 фамилий), в различной мере способных влиять на социально-политический климат и ситуацию в области. Какова мера этого влияния на конкретном персонифицированном уровне (личностный политический ресурс), демонстрируют итоги ежегодного опроса.

Под влиянием подразумеваются элементы существенного и продолжительного, формального и неформального воздействия на экономические, политические и социальные процессы, происходящие в области. А инкорпорированная региональная элита в данном случае – это те персоны, которые такое воздействие способны осуществить и фактически осуществляют в масштабах региона.

В качестве респондентов выступали наиболее информированные представители регионального экспертного сообщества – профессиональные аналитики, политологи, социологи, редакторы, политические и экономические обозреватели СМИ, компетентные работники государственной и муниципальной службы. При попытке «классифицировать» экспертов («а судьи кто?») выявились три группы – собственно аналитики, представители средств массовой информации и те, кого называли старорежимным неблагозвучным словом «функционеры». Оказалось, что видение системы властных отношений и множества иных инкорпоративных взаимоотношений областной элиты у представителей означенных групп экспертов разное, заметно опосредованное, во всяком случае, собственной корпоративной солидарностью. Да и критерии оценок свои, так сказать, скорректированные профессионально-статусным положением.

Система оценки – десятибалльная. Для определения наиболее характерных тенденций влияния региональной элиты в «Анкету эксперта» включаются представители нескольких элитных групп, сформированных по критерию доминирующей профессиональной сферы влияния: федеральная исполнительная власть в лице руководителей исполнительных властных структур области и крупных городов; представительная власть федерального, регионального и муниципального уровней; бизнес-элита; лидеры и руководители региональных отделений политических партий, представители интеллектуальной и культурно-образовательной элиты, в том числе СМИ.

Ежегодный итоговый замер влияния наиболее значительных персон на политичес-

кую и экономическую жизнь Челябинской области, как правило, имел формат сравнения с предыдущим годом для выявления возможной групповой и индивидуальной динамики.

Вот как менялась среднестатистическая экспертная оценка влияния представителей разных групп элиты Челябинской области в процессе реализации проекта мониторинга.

«Чтобы открыть путь в руководящие органы одаренным людям, нужно «включить» социальные лифты, – уверен руководитель аппарата компании «Новое инвестиционное решение» В.Т. Белоусов. – В СССР такие лифты работали – комсомол, партия, армия. Сегодня у тех, кто не имеет материальной базы, социальной поддержки и семейного положения, шансы пробиться в

Таблица 1

Динамика среднестатистической экспертной оценки влияния региональной элиты Челябинской области (1998–2013)

	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Средний балл 10-ки	5,77	6,64	6,96	6,40	6,88	6,83	6,80	6,86	6,51	6,97	7,09	7,52	6,95	7,1	7,46	7,61
Средний балл 50-ки	3,51	4,65	5,02	4,53	4,98	4,83	4,29	4,41	4,18	4,99	5,25	5,69	5,08	5,88	5,59	5,94
Средний общий	2,57	4,29	3,95	3,82	4,25	4,05	3,42	3,68	3,21	4,00	4,19	4,59	4,29	4,87	4,45	4,75

Что можно зафиксировать по итогам шестнадцатилетних наблюдений?

Во-первых, эксперты фиксируют рост показателя влияния. По средней общей оценке он составил +2,18 балла. Во-вторых, рост среднего балла влияния 10 наиболее влиятельных персон составил +1,84, но этот показатель отстаёт от роста среднего балла влияния 50-ти наиболее влиятельных персон +2,43 балла. Это может свидетельствовать о формировании не столько персоналистской базы влияния, сколько более широкой институционально оформленной базы влияния региональной элиты.

Если в оценке влияния первых десяти ключевых для региона политиков и бизнесменов эксперты склонны к методичному повышению оценок год от года (с 5,8 балла в 1998 до 7,5 балла в 2009), что в принципе можно заметить и в оценке ими влияния первых пятидесяти персон, хотя этот рост оценок был более цикличен. Средние оценки всех ежегодно представляемых в списках 50-ти наиболее влиятельных особ, не считая года дефолта (2,6) и 2006 г. (3,2), более или менее однообразны при наличии незначительной синусоиды.

Периодически производились, помимо обобщенных (влияние в целом), специальные замеры влияния в отдельных сферах жизнедеятельности региона – влияние на политику и экономику.

элиты почти равны нулю. В результате во власти находятся «середняки» из второго и третьего эшелонов советской элиты, от которых бессмысленно ждать креатива».

В поиске путей модернизации отечественной элиты участники конгресса обсудили результаты исследования зарубежного опыта. История содержит немало примеров успешной деятельности элит, сумевшей вывести свои страны из тяжелого политического и экономического кризиса. Достаточно много написано о «японском экономическом чуде», выходе из послевоенного кризиса Германии, «народном капитализме» М. Тэтчер, впечатляющем «великом прыжке» китайской экономики.

А.В. Понедельков и С.А. Воронцов проанализировали опыт модернизации американской политической элиты, обеспечившей выход США из затяжного социально-экономического кризиса в первой половине прошлого века и опыт реформирования национальной элиты Республики Корея, сумевшей вывести страну из глубокого кризиса в послевоенный период [3].

Этот опыт показывает, что когда традиционные меры разрешения кризиса не приносят сколь-нибудь видимой пользы, на первый план выходят компетентные национальные лидеры, способные дать объективный анализ ситуации в стране, реформировать политические элиты

и мобилизовать население на достижение поставленных ими целей.

Слова Ф.Д. Рузвельта, сказанные в инаугурационном обращении много десятилетий назад, актуальны для сегодняшней обстановки в России и созвучны словам Президента России В.В. Путина: «Наше бедственное положение происходит не от недостатка материальных средств... Те, кто руководит обменом продуктов человеческого труда, потерпели поражение из-за собственного упрямства и некомпетентности, признали свое поражение и умыли руки. Наша нация требует действий и действий немедленных.

Я готов, согласно обязанностям, возложенным на меня Конституцией, рекомендовать меры, в которых нуждается пораженная болезнью нация в пораженном болезнью мире. Есть много способов облегчить ситуацию, но простыми разговорами мы точно ничего не добьемся. Мы должны действовать и действовать быстро» [6].

В «Новом курсе», который провозгласил Ф.Д. Рузвельт, эффективность и ответственность административно-управленческой элиты в лице федеральных органов власти США была существенно усилена, что позволило расширить ее реальное влияние на американское общество. Основной акцент был сделан на формирование профессиональной государственной службы, которая, в целях повышения ее эффективности, была выведена из-под давления оппозиционных политических сил, противодействующих с позиций государственной власти курсу, реализуемому политической элитой.

«Южнокорейское чудо» стало возможным благодаря тому, что политические лидеры страны, прежде всего генерал Пак Чжон Хи и президент РК Ким Дэ Чжун, смогли не только создать экспортные отрасли промышленности в виде многопрофильных концернов – «чэболи», которые, опираясь на иностранные инвестиции и новейшие технологии, организовали выпуск товаров, востребованных на ведущих мировых рынках, но и сумели изолировать чиновничью элиту от произвольного вмешательства в экономику, обеспечить прозрачность деятельности административно-управленческой элиты, сформировать действенные инструменты антикоррупционного контроля, работающие и по сей день.

А.В. Понедельков и С.А. Воронцов подчеркнули, что зарубежные подходы не могут быть механически перенесены на российскую почву. Но этот опыт не может быть и просто отброшен как чуждый российской ментальности. Политико-административная элита

России должна использовать в зарубежном опыте выхода из кризисных ситуаций все, что может дать положительный эффект на отечественной почве. Разумеется, сделать это с учетом наших условий и традиций.

Обобщая возможные направления модернизации российской политической элиты, участники приняли итоговую резолюцию, в которой отметили:

- мероприятия, связанные с организацией и проведением конгресса, стали новым этапом в исследовании современных проблем отечественной элитологии, практик элитообразования в России, обобщении и оценке достигнутого уровня элитологических исследований, что нашло адекватное отражение в опубликованных к конгрессу научных работах;

- за годы развития российской элитологии ею был достигнут заметный прогресс. Он выразился в значительном количестве защищенных по данной тематике диссертаций, опубликованных научных исследований, сформировавшемся корпусе элитологов, зародившихся элитологических школах, центрах и лабораториях;

- несмотря на достигнутые результаты современный уровень отечественной элитологии недостаточно адекватно отвечает потребностям как политической науки, так и политической практики, прежде всего в части исследований многочисленных проблем транзитного общества и государства, к числу которых по-прежнему относится Россия.

В Резолюции конгресса отражены следующие рекомендации:

1. Российским политологам следует уделять элитологии повышенное внимание. Формирование теоретического фундамента российской элитологии должно быть рационально увязано с проблемами транзитного состояния нашего общества и государства. Фактически речь должна идти о создании нового направления в развитии элитологии – элитологии транзита. При этом следует иметь в виду, что у подобного транзита могут быть реверсные и девиантные отклонения, которые также должны стать предметом исследования.

2. Элитологические исследования прикладного характера рекомендуется основывать на широкомасштабных полевых работах, охватывающих не только различные регионы страны, но и различные уровни и сегменты общества и элиты. Особую роль в этих исследованиях могли бы сыграть элитологические центры и лаборатории, специально создаваемые для мониторинга состояния отечественных элит, прежде

всего политико-административных, а также выработки практических рекомендаций по совершенствованию механизмов и процедур элитобразования.

Такие центры и лаборатории рационально создавать не только на базе действующих факультетов и отделений политологии, но и при органах власти с соответствующей профилизацией их работы в целях решения задач, стоящих перед этими органами власти. При них предлагается создавать автоматизированные банки данных, в которых рекомендуется сосредоточить наиболее значимые материалы по ключевым проблемам элитологии.

Особое внимание необходимо уделять международным элитологическим исследованиям.

Результаты исследований можно было бы публиковать в специальном журнале «Элитология», регулярный выпуск которого целесообразно организовать на базе РАНХиГС.

3. Академические курсы по элитологии рекомендуется сделать базовыми в учебных программах студентов-политологов как в системе бакалавриата, так и магистратуры.

4. Систематическое и регулярное обновление российских элит, прежде всего политическо-административных, осуществляемое на конкурсной основе и исходя из критериев высокого профессионализма и фундаментальной образованности, следует считать не только актуальной задачей власти, но и нормой политической жизни, равно как системную подготовку такой элиты и работу социальных и других лифтов.

5. Конгресс считает целесообразным рекомендовать российским элитам, в том числе интеллектуальной элите, способствовать развитию межэлитарных отношений стран СНГ. Учитывая евразийский приоритет внешней политики России, целесообразно разработать систему элитных коммуникаций на постсоветском пространстве, включающую выездные лекции российских элитологов, обмен студентами, взаимодействие с преподавателями российских славянских университетов.

6. Признать необходимым проведение элитологического конгресса «Элитология России: современное состояние и перспективы развития» на регулярной основе – один раз в три года. Рекомендовать провести Второй конгресс осенью 2016 г. Место и время его проведения определить не позднее осени 2015 г.

7. В процессе подготовки Второго конгресса создать оргкомитет, которому поручить проработать вопрос об учреждении Российского общества элитологов и издании 2-го переработанного энциклопедического словаря «Элитология».

8. Направить данную резолюцию и материалы конгресса органам государственной власти и местного самоуправления, научным и образовательным учреждениям, в средства массовой информации и научные издания.

Участники конгресса призвали элитологов России к осознанию значимости их труда и социальной ответственности за будущее Отечества, а также призвали органы государственной и муниципальной власти, политические партии и общественные организации рассматривать элитологию в качестве необходимого инструмента прогрессивного развития личности, общества, государства.

Материалы научного форума изданы в трех томах. Также вышли из печати обзор диссертационных исследований отечественных политологов Я.А. Пляйс; монография С.А. Воронцова «Взаимоотношения политических и религиозных систем: философско-правовой анализ»; информационно-аналитические материалы «Современные региональные элиты (социологический анализ)» [1; 4; 5; 7–9].

1. Воронцов, С.А. Взаимоотношения политических и религиозных систем: философско-правовой анализ [Текст] / С.А. Воронцов. Монография. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 2013. 192 с.

2. Воронцов, С.А. О роли средств массовой информации в противодействии коррупции [Текст] / С.А. Воронцов, А.Г. Михайлов // Философия права. 2012. № 2 (51). С. 109–114.

3. Воронцов, С.А. Об использовании зарубежного опыта в реформировании политико-административной элиты России [Текст] / С.А. Воронцов, А.В. Понеделков // Элитология России: современное состояние и перспективы развития: материалы Первого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием. 7–8 октября 2013 г. Том 2. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИФ РАНХиГС, 2013. С. 201–207.

4. Пляйс, Я.А. Элиты России (обзор диссертационных исследований отечественный политологов) [Текст] / Я.А. Пляйс. Ростов-на-Дону: Донское книжное издательство, 2013. 160 с.

5. Рудой, В.В. Современные региональные элиты (социологический анализ). Информационно-аналитические материалы [Текст] / В.В. Рудой, А.Ю. Шутов, А.В. Понеделков, А.М. Старостин, С.А. Воронцов, Т.П. Черкасова, С.С. Змияк, С.И. Кузина, В.П. Ляхов. Ростов-на-Дону: Издательство ЮРИФ РАНХиГС, 2013. 184 с.

6. Рузвельт, Ф.Д. Инаугурационное обращение. 4 марта 1933 г. [Текст] / Ф.Д. Рузвельт // Речи, которые потрясли мир. Сборник. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2009. 258 с.

7. Философия элитологии [Текст]. Том 3. Ростов-на-Дону: Издательство Дониздат, 2013. 420 с.

8. Элитология России: современное состояние и перспективы развития: Материалы Первого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием, 7–8 октября 2013 года, ЮРИФ РАНХиГС, Ростов-на-Дону. Том 1. Ростов-на-Дону: Издательство ЮРИФ РАНХиГС, 2013. 928 с.

9. Элитология России: современное состояние и перспективы развития: Материалы Первого Все-

российского элитологического конгресса с международным участием, 7–8 октября 2013 года, ЮРИФ РАНХиГС, Ростов-на-Дону. Том 2. Ростов-на-Дону: Издательство ЮРИФ РАНХиГС, 2013. 832 с.

References

1. Voroncov S.A. *Vzaimootnosheniya politicheskikh i religioznykh sistem: filosofsko-pravovoj analiz* [Interrelation between political and religious systems: philosophical and law analysis]. Rostov-on-Don, Rostovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2013, 192 p. (in Russian).
2. Voroncov S.A., Mihajlov A.G. *Filosofija prava*, 2012, no. 2 (51), pp. 109–114 (in Russian).
3. Voroncov S.A., Ponedelkov A.V. Ob ispol'zovanii zarubezhnogo opyta v pereformatirovanii politiko-administrativnoj jelity Rossii [On using foreign experience in reformatting of political administrative elite of Russia]. *Jelitologija Rossii: sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitiya: materialy Pervogo vserossijskogo jelitologicheskogo kongressa s mezhdunarodnym uchastiem, 7–8 oktjabrja 2013 g. Tom 2.* (Elitology of Russia: current state and development prospects: Materials of the First All-Russia elitological congress with international participants, 7–8 October 2013, The South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don. Book 2). Rostov-on-Don, Izd-vo JuRIF RANHiGS, 2013, pp. 201–207 (in Russian).
4. Pljajs Ja.A. *Jelity Rossii (obzor dissertacionnyh issledovanij otechestvennyj politologov)* [Russia's elites (review of thesis researches of native politologists)]. Rostov-on-Don, Donskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2013, 160 p. (in Russian).
5. Rudoj V.V., Shutov A.Ju., Ponedelkov A.V., Starostin A.M., Voroncov S.A., Cherkasova T.P., Zmijak S.S., Kuzina S.I., Ljahov V.P. *Sovremennye regional'nye jelity (sociologicheskij analiz). Informacionno-analiticheskie materialy* [Contemporary regional elites (sociological analysis). Research and information materials]. Rostov-on-Don, Izdatel'stvo JuRIF RANHiGS, 2013, 184 p. (in Russian).
6. Ruzvel't F.D. Inauguracionnoe obrashhenie. 4 marta 1933 g. [Inaugural address. 4th March 1933]. *Rechi, kotorye potrjasli mir. Sbornik* (Speeches that shook the world. Selection). Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 2009, 258 p. (in Russian).
7. *Filosofija jelitologii* [Philosophy of elitology]. Book 3. Rostov-on-Don, Izdatel'stvo Donizdat, 2013, 420 p. (in Russian).
8. *Jelitologija Rossii: sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitiya. Materialy Pervogo Vserossijskogo jelitologicheskogo kongressa s mezhdunarodnym uchastiem, 7–8 oktjabrja 2013 goda, JuRIF RANHiGS, Rostov-na-Donu, Tom 1* (Elitology of Russia: current state and development prospects: Materials of the First All-Russia elitological congress with international participants, 7–8 October 2013, The South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don. Book 1). Rostov-on-Don, Izdatel'stvo JuRIF RANHiGS, 2013, 928 p. (in Russian).
9. *Jelitologija Rossii: sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitiya. Materialy Pervogo Vserossijskogo jelitologicheskogo kongressa s mezhdunarodnym uchastiem, 7–8 oktjabrja 2013 goda, JuRIF RANHiGS, Rostov-na-Donu. Tom 2* (Elitology of Russia: current state and development prospects: Materials of the First All-Russia elitological congress with international participants, 7–8 October 2013, The South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don. Book 2). Rostov-on-Don, Izdatel'stvo JuRIF RANHiGS, 2013, 832 p. (in Russian).

UDC 323.3

PROBLEMS OF MODERNIZING MODERN RUSSIAN ELITES

Zyrianov Sergey Grigoryevich, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Director, Doctor of Political Sciences, Professor, Chelyabinsk, Russia.
E-mail: director@chel.ranepa.ru

Ponedelkov Aleksandr Vasilyevich, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South Russian Institute, Head of the Chair of Politology and Ethnopolitics, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Doctor of Political Sciences, Professor, Rostov-on-Don, Russia.
E-mail: ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Vorontsov Sergey Alekseevich, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South Russian Institute, Professor of the Chair of Procedural Law, Professor, Rostov-on-Don, Russia.
E-mail: raven_serg@mail.ru

Annotation

The article analyzes approaches to forming and modernizing Russian administrative political elites, the authors make suggestions of improving the given process.

Key concepts:

elites, power, political class, criteria of elitism, corruptness, high-quality sociological research, recruiting, elitology.

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала «Социум и власть»

1. Автор направляет один экземпляр рукописи по электронной почте.

2. Текст статьи представляется на русском языке объемом не более 19.100 знаков без пробелов, включая сноски*. Файл должен читаться в формате Word 98/2000. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал – одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи или сообщения (включая название) оформляется строчными буквами с абзачным отступом 1,25 см с помощью соответствующей компьютерной программы, т.е. не вручную.

3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.

4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.

5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.

6. Название статьи указывается посередине текста 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные – строчные. В правом верхнем углу над названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы), занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), город.

7. Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи – библиографический список в алфавитном порядке. Количество источников не более 15.

8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

9. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

10. Статья должна быть классифицирована – иметь УДК.

11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.

12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–3 предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора;

б) ключевые понятия (не более пяти);

в) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон).

Статьи или сообщения, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются.

Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.

Статьи подлежат рецензированию членами редакционно-экспертного совета журнала.

Рукописи не возвращаются.

Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».

Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается.

Контактная информация автора (адрес электронной почты) в журнале указывается обязательно.

Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.

Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308.

Тел. (351) 771-42-30.

E-mail: siv@chel.ranepa.ru

Requirements for articles and memos presented for publication in the «SOCIMUM AND POWER» journal

1. The author will send one copy of the typescript by e-mail.

2. The article will be sent in Russian. The article will be under 19,100 characters without spaces, including the bibliography.* The file will be in Microsoft Word 98/2000 format. The font will be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides will be 20 mm. The text must be justified with no line breaks. The text of the article or memo (including the title) will be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.

3. All font highlighting will be done in light italics. All titles and subtitles will be done in bold.

4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) will be done in image editing software. All images must be numbered incrementally.

5. All numerical data will be done in tables. Each table will have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables will not have shortenings except for the unit names. The electronic versions of each table and image will be done in separate files.

6. The name of the article will be done centrally in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, their place of work and position, academic degree and rank (if applicable), city of residence will be done in the upper right corner over the article name.

7. The literature references will be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and as an alphabetized bibliography list at the end of the article. There will be fewer than 15 sources.

8. The references will be done in compliance with GOST 7.0.5-2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules».

9. The legal acts listed will quote the initial and latest edition.

10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).

11. The author will note the agenda (specialization) of the article presented for publication.

12. In addition to the text of the article the author will also present the following positions as a separate file in Russian and English:

a. Concise (2–3 sentences) annotation of the article with the name of the article, last name and initials of the author.

b. Keywords (under 5).

c. Information about the author – Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work or study, degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).

The articles or memos not complying with the aforementioned requirements will not be reviewed and/or published.

The publication of the received articles will be approved or declined within 3 months from the registration of the typescript at the editorial office. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.

The members of the journal's editorial board will review the articles.

The typescripts will not be returned.

The articles will be run through the "Antiplagiat" system.

By presenting the typescript of the article to the editorial, the author agrees not to publish that same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the "SOCIMUM AND POWER" journal.

No charge is collected for reviewing and publishing of the articles.

The contact information of the author (e-mail) will be quoted in the journal at all times.

The author's copies of the journal will be sent by mail order in the number specified in the application.

Editorial address: 454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26, room 308.

Tel. 7 (351) 771-42-30

E-mail: siv@chel.ranepa.ru

* При отступлении от установленного объема статья может быть отклонена.

*A paper may be rejected if the special size requirements are not satisfied.